

19

5

В (с) 17 (кр) 63.51.231/10
184 Т. В. Лукьянченко

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СААМОВ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА КОНЦА XIX-XX В.В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

1804580

Библиотека
Абонемент

ПРОВЕРЕН
1982

63.3(2Р3) К1
63.5кр
184

Читальный зал
Т. В. Лукьянченко

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
СААМОВ (ЛОПАРЕЙ)
КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА
В КОНЦЕ XIX—XX в.

547756

1604582

Муниципальная библиотека
Кольского полуострова

БИБЛИОТЕКА
культуры Плесского района

Издательство «Наука»
Москва 1971

В монографии дается описание и анализ основных сторон саамской культуры — занятий и орудий промыслов, способов и средств передвижения, поселений и построек, одежды, пищи и домашней утвари, прослеживаются основные изменения, происшедшие в культуре саамов за советское время. Автор высказывает новые предположения о происхождении отдельных групп кольских саамов, показывает их этническую историю, освещает культурные взаимосвязи саамов с другими этническими группами Северной Европы и Зауралья.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. А. АЛЕКСАНДРОВ

ВВЕДЕНИЕ

Саамы (лопари) — небольшой народ Севера Европы численностью около 31 тыс. человек. Основная масса саамов населяет Север Норвегии, Швеции и Финляндии (свыше 29 тыс. человек)¹. Часть саамов живет в СССР, на Кольском полуострове (1,9 тыс. человек)².

Самоназвание кольских саамов — *саами*, *саамь*, *саме*, скандинавских — *самелатс*, *самек*. Свое название *лопари* народ получил, по-видимому, от соседей — финнов и скандинавов, от которых его восприняли и русские. Впервые название *Лаппия* (*Lappia*) мы встречаем у Саксона Грамматика (конец XII в.)³, а в русских источниках термин *лопь* появляется с конца XIV в.⁴ Одни исследователи (Т. И. Итконен) производят слова «лопь», «лопарь» от финского *lare*, *larrea* — сторона⁵, другие (Е. Итконен) связывают его со шведским *lapp* — место⁶.

В последние годы как в литературе, так и в быту лопарей стали часто называть по их самоназванию — *саамами*.

Саамский язык относится к финно-угорской семье языков, но занимает в ней особое место. Лингвисты выявляют в нем субстрат, восходящий, по их мнению, к самодийским языкам⁷.

Современный саамский язык распадается на ряд диалектов, различия между которыми довольно значительны. Исследователи делят всех саамов в языковом отношении на две ветви: западную и восточную⁸. К последней относятся наряду с некоторыми группами саамов Финляндии (инари и сколтами) и саамы Кольского полуострова, которые говорят на трех диалектах: большинство — на иоканьгском и кильдинском, меньшая часть — на нотозерском. Саамы СССР знают сейчас также и русский язык.

В период, которого мы касаемся в данной работе, у саамов можно выделить четыре основных хозяйственно-культурных типа. К первому относится наиболее многочисленная группа горных саамов, живущих преимущественно в Швеции, в небольшом числе — в Норвегии и Финляндии. Они занимаются главным образом горным оленеводством и ведут кочевую жизнь. Вторая группа — оседлые приморские или береговые саамы, к которым принадлежит большинство саамов Норвегии. Их основное занятие — морское рыболовство: летом и осенью — промысел семги, а весной — прибрежный лов трески. Третья группа саамов — так называемые лесные. Они населяют в основном лесные области Швеции и Финляндии и занимаются преимущественно охотой на дикого северного оленя и пушных зверей, а также лесным оленеводством. Образ жизни их полукочевой⁹.

Саамы Кольского полуострова представляют собой совершенно самостоятельную этнографическую группу, которую многие авторы в отличие от скандинавских саамов называют кольскими саамами (лопарями). В исследуемый период их можно отнести к четвертому типу, определяющемуся сочетанием оленеводства, рыболовства и охоты и полукочевым, а последние десятилетия оседлым образом жизни.

Древняя история лопарей в настоящее время изучена еще недостаточно. Археологические раскопки, проводившиеся на территории Кольского полуострова, главным образом на его северном побережье и отчасти в южных районах, привели к открытию целого ряда стоянок, характеризующих деятельность человека в этих местах в разные периоды его истории.

На крайнем северо-западе Кольского полуострова, на полуострове Рыбачьем, Б. Ф. Земляковым и П. Н. Третьяковым в 1935 г. открыта своеобразная культура арктического палеолита, распространенная также на территории Северной Норвегии (культура Комса). Стоянки Кольского арктического палеолита, расположенные по древним береговым линиям, датируются примерно VII—V тысячелетиями до н. э.¹⁰

Исследованием Кольского неолита занимались Г. Д. Рихтер, С. Ф. Егоров, А. В. Шмидт, Г. И. Горецкий. В последние годы значительная работа в этом направлении проведена Н. Н. Гуриной¹¹.

Неолитические памятники Кольского полуострова датируются III—II тысячелетиями до н. э. Древнее население, оставившее их, было, вероятно, полубродячими рыбаками и охотниками на морского и сухопутного зверя. В северных, прибрежных районах полуострова выявлены остатки поселений как летних,

сезонных, расположенных на берегу моря, так и осенне-зимних, рассчитанных на более длительное пребывание людей и отстоящих от моря на расстоянии 3 или 4 км. В местах этих последних поселений найдены остатки жилищ полужемляночного типа¹². По мнению Н. Н. Гуриной, население стоянок было предками современных саамов¹³.

Древняя культура Кольского полуострова обнаруживает сходство с неолитическими памятниками Карелии, главным образом северо-восточного побережья Онежского озера¹⁴. Исследователи считают, что заселение Кольского полуострова древними людьми происходило с территории Карелии и, по всей вероятности, из ее северо-восточной части. Широкое заселение Кольского полуострова началось, по мнению археологов, не ранее конца II тысячелетия до н. э.

Впервые о лопарях Кольского полуострова под именем финнов упоминает скандинавский путешественник Оттар, который побывал на берегах Белого моря в IX в.¹⁵ В русских источниках название *лопь*, как уже говорилось, появляется только с конца XIV в., а до этого встречаются названия *тре*, *тръ*¹⁶, т. е. Терская сторона¹⁷. С XV в. начинают появляться сведения о лопарях в грамотах, актах, новгородских писцовых книгах и других письменных документах (упоминания о «дикой и лешей лопи», «лоплянах» и т. п.).

В далеком прошлом и еще в XVI—XVII вв. предки кольских саамов занимали значительно большую территорию, населяя земли современной Карелии. Об этом свидетельствуют топонимика, а также новгородские писцовые книги, в которых упоминаются лопские погосты в Заонежье. С продвижением карелов на север лопари были постепенно вытеснены с этих земель. Но еще в середине XVIII в., как можно судить по сохранившимся от того периода рукописным картам¹⁸, в Северной Карелии существовало два лопарских погоста — Орьезерский, на р. Чумче, к западу от Ковдозера, и Пяозерский, на юго-восточной оконечности Ругозера. Существование Пяозерского погоста в конце XVIII в. отмечал и Н. Озерецковский, где, по его сообщению, проживало 78 душ лопарей мужского пола¹⁹.

Документы более позднего времени отмечают кольских саамов расселенными уже только в пределах Кольского полуострова²⁰. В конце XIX — начале XX в. саамы населяли почти весь Кольский полуостров, за исключением части Терского берега — от Кандалакши до р. Пялицы, где преобладало русское население.

Родовой состав кольских лопарей неизвестен. В одном из документов первой половины XVII в.²¹ имеется указание, что в погостах центральных, восточных и северо-восточных районов Кольского полуострова (Вороненском, Ловозерском, Семиостровском, Иоканьгском и Понойском) живет так называемая терская лопь. Все остальные лопари, населяющие районы к западу от нее, относятся к кончанской лопи. По мнению В. В. Чарнолуцкого, к терским лопарям относятся не все из вышеназванных в составе терской лопи, а наиболее восточные из них: иоканьгские, каменские, понойские²² и сосновские, отличающиеся общими особенностями культуры. Ловозерские же, семиостровские и вороненские лопари составляют особую, так называемую срединную группу, отличную от терской. Лопари западных районов Кольского полуострова (кончанская лопь, по терминологии XVII в.), составляют третью группу, которая, как в языковом, так и отчасти в культурном отношении не представляет единого целого²³.

Первое проникновение новгородцев на берега Белого моря и на Кольский полуостров относится, по-видимому, к XII в. Первое упоминание об уплате дани населением Терского берега новгородцам относится к 1216 г.²⁴ В конце XIII и в начале XIV в. новгородцы полностью освоили Кольскую Лапландию.

В дальнейшем, с XV в., с падением Новгорода Лапландия начинает тяготеть к Московскому Великому княжеству, а затем входит в состав образовавшегося Русского государства. С этого времени начинается христианизация лопарского населения. От 1526 г. имеется летописное известие о крещении «дикой лопи» Кандалагской губы, где была поставлена церковь Рождества Ивана Предтечи²⁵. Большую роль в распространении христианства среди лопарей сыграл Печенгский монастырь, основанный в 1550 г. Трифоном, прозванным Печенгским. В 1556 г. два лопарских погоста, Печенгский и Мотовский, со всеми угодьями уже значились за Печенгским монастырем, пожалованной грамоте царя Ивана Грозного, а лопари этих погостов входили в число монастырских крестьян. Кроме этого, монахи Печенгского монастыря постепенно осваивали близлежащие промысловые угодья. Печенгский монастырь просуществовал до 1764 г.²⁶

Распространение христианства среди кольских лопарей связано также с деятельностью Соловецкого монастыря. На Мурманском берегу монастырь имел угодья в Кильдинском погосте, Териберской губе и других местах²⁷.

К этому времени, т. е. ко второй половине XVI в., относится начало христианизации терских лопарей. На востоке полуострова,

как явствует из грамот царя Ивана Грозного от 1575 и 1581 гг., в устье р. Поноя была построена церковь Петра и Павла. В XVII в. в районах расселения терских лопарей появляются угодья Антониново-Сийского монастыря (на р. Еконге), Крестного и Воскресенского монастырей (на реках Еконге и Поной)²⁸.

Религиозная и миссионерская деятельность монастырей очень скоро уступила место хозяйственной и торговой. Монастыри стали важными торговыми и хозяйственными центрами в крае. Вместе с поморскими купцами монастыри являлись главными потребителями продукции местных промыслов (оленоводства, пушного, рыболовного и морского) и эксплуататорами местного населения²⁹.

В общественной жизни саамов долгое время и еще в начале нашего века сохранялись пережитки первобытнообщинного строя. Все саамское население Кольского полуострова состояло из ряда обществ (Ловозерского, Семиостровского, Иоканьгского и др.), представлявших, по-видимому, какие-то территориальные объединения. Каждое саамское общество имело свое поселение — погост. Большинство обществ имело по два погоста: летний и зимний³⁰.

Погосты были, по всей вероятности, экзогамны. Статистических данных мы не имеем, так как этим вопросом никто не занимался, но, по рассказам, еще в первые десятилетия XX в. браки предпочитали заключать между жителями разных погостов³¹. У саамов в пережиточной форме сохранялся обычай общего распределения добычи, а также обычай взаимопомощи. Все промысловые угодья и охотничьи территории, как свидетельствуют материалы конца XIX — начала XX в., были разделены между погостами с правом наследственного владения³².

В то же время у саамов в начале XX в. наблюдалось в какой-то мере имущественное расслоение и социальное неравенство. Наемного труда как такового в саамском обществе не было, но у крупных стадчиков коми малооленные саамы работали пастухами, отдавая свои небольшие стада им на выпас.

Саамы были широко втянуты в систему товарно-денежных отношений. А. Я. Ефименко описывает кабальную зависимость саамов от кольских и поморских купцов, которые «захватили в свои руки снабжение лопарей предметами продовольствия, а также орудиями рыбной ловли, солью, порохом и всем необходимым. Самый взнос государственных податей и повинностей с лопарских обществ торговцы приняли на себя. В результате лопари превратились в неоплатных должников кольских и помор-

ских торговцев»³³. Последние за ничтожную арендную плату пользовались лучшими местами рыбной ловли, за бесценок скупали продукцию рыбного и пушного промысла.

✱

В конце XIX — начале XX в. территория расселения лопарей в административном отношении делилась на две волости: Понойскую (с управлением в селе Поное) и Кольско-Лопарскую (с управлением в г. Коле). Волости включали в себя лопарские селения — погосты. В Понойскую волость входили лопари, населявшие северо-восточные пределы Кольского полуострова, погосты: Сосновский, Каменский, Иоканьгский, Лумбовский и Куроптевский.

Все остальные лопари, населявшие земли к западу от них, относились к Кольско-Лопарской волости, включавшей в себя следующие погосты: Экостровский, Кильдинский, Бабенский, Мотовский, Пазрецкий, Печенгский, Ловозерский, Вороненский, Семиостровский, Сонгельский.

Установление Советской власти на Кольском полуострове произошло в феврале 1920 г. В 1927—1928 гг. сельсоветы Мурманского округа, расположенные в пределах обитания лопарей, были преобразованы в туземные саамские советы, действовавшие на основе «Временного положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР», утвержденного ВЦИК и СНК РСФСР в 1926 г. В середине 1930-х годов на основной территории расселения кольских лопарей было выделено два национальных района — Саамский и Ловозерский, население которых состояло кроме лопарей из коми, ненцев и русских.

В настоящее время большая часть саамского населения живет к востоку от Кировской железной дороги в Ловозерском районе (в 1964 г. он был объединен с Саамским), а также в Кольском районе и Енском сельсовете (подчинен г. Кировску) Мурманской области РСФСР.

Кольские саамы в конце XIX — начале XX в. жили не изолированно, а довольно тесно общались и местами жили чересполосно с другими народами. Прежде всего это были русские, общение с которыми насчитывает уже около восьми столетий.

Кроме русских в зоне расселения лопарей в конце XIX — начале XX в. жили карелы и финны (главным образом на юго-западе полуострова), а также коми-ижемцы и ненцы (преимущественно в восточных районах). Ижемцы и ненцы переселились вместе со своими оленьими стадами на Кольский полуостров в конце

80-х годов XIX в. из Ижемско-Печорского края, где перед этим прошли сильные эпизоотии, вызвавшие массовые падежи оленей.

В последующие десятилетия XX в. национальный состав Мурманской области становится еще более смешанным, о чем свидетельствует перепись 1959 г. Большой процент в области составляет в настоящее время приезжее население, в составе которого кроме русских значительное число украинцев, белорусов, татар и представителей других народностей.

О национальном составе населения Мурманской области (в %) см. табл. 1³⁴.

Таблица 1

Национальность	1926 г.	1959 г.	Примечания
Русские	73,1	85,3	—
Украинцы	0,9	5,7	—
Белорусы	—	3,5	—
Татары	1,4	1,0	—
Финны	7,4	—	Финны, по переписи 1959 г., попали в графу «прочие»
Карелы	1,8	0,7	
Лопари	7,5	0,3	В это число вместе с лопарями вошли также ненцы
Ненцы	0,5	—	
Коми	3,1	0,2	Коми, по переписи 1959 г., попали в графу «прочие». Указанная цифра дана по нашим полевым материалам 1958 г.
Прочие	4,3	3,5	
Итого	100,0	100,0	

Соотношение сельского и городского населения в Мурманской области показывает следующая диаграмма, составленная по данным переписей 1926 и 1959 гг.

Как видно из приведенной таблицы 1, численность саамов Кольского полуострова (в абсолютных цифрах около 1,7 тыс. человек) составляет примерно лишь 0,3% всего населения Мурманской области. Представляя собой, за редким исключением, только сельское население, саамы составляют по отношению ко

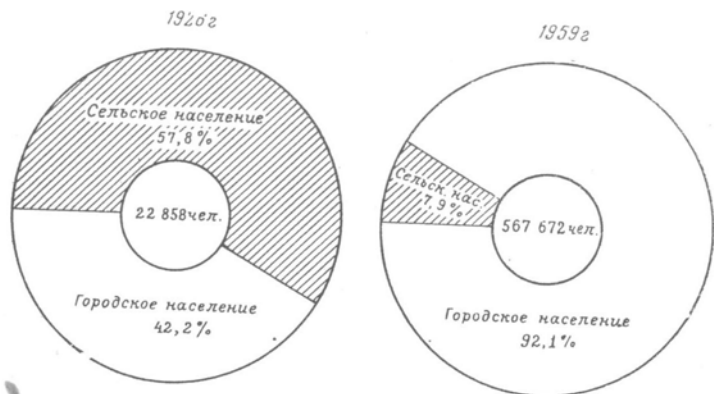

Диаграмма соотношения сельского и городского населения Мурманской области

всему сельскому населению области 4%. Однако, несмотря на столь ничтожный процент, саамы не только не растворяются в среде другого населения, но довольно стойко сохраняют родной язык и свое этническое самосознание.

Большинство кольских саамов в настоящее время занято в оленеводстве — важнейшей отрасли хозяйства края. Осваивая совместно с коми и ненцами — двумя другими оленеводческими народностями — обширные тундровые пространства полуострова, саамы живут в нескольких поселках. Самый крупный из них — большое село в центре Кольского полуострова Ловозеро, стоящее на месте старинного лопарского погоста.

Саамы — народ крайне самобытной культуры. Его редкое своеобразие, трудно поддающееся объяснению, сделало этот народ своего рода этнографической загадкой и с давних пор привлекало к себе внимание исследователей. Но, несмотря на то что о саамах писали многие авторы, специальных этнографических работ о них немного. Наиболее ранние сведения о кольских лопарях, в том числе и об их материальной культуре, мы находим в описаниях С. Герберштейна (первая половина XVI в.)³⁵, И. Г. Георги (вторая половина XVIII в.)³⁶, П. М. Ламартиньера (середина XVII в.)³⁷ и Н. Озерецковского (конец XVIII в.)³⁸.

Из литературных материалов XIX — начала XX в., носящих в основном характер путевых наблюдений наибольший интерес

представляют описания М. А. Кастрена³⁹, В. Верещагина⁴⁰, С. В. Максимова⁴¹, В. И. Немировича-Данченко⁴², Д. Н. Бухарова⁴³, В. Харузиной⁴⁴, С. Дурылина⁴⁵. Особенно большое значение среди работ этого периода имеет монография Н. Н. Харузина «Русские лопари»⁴⁶, представляющая собой первое научное этнографическое исследование этого народа, до сих пор не утратившее своего значения как наиболее полное описание саамов. Материальной культуре здесь посвящена отдельная глава, которая является по существу единственной работой, где сведен воедино и систематизирован материал по интересующей нас теме.

Талантливый ученый-этнограф Н. Н. Харузин придерживался распространенных тогда в науке эволюционистских взглядов, трактующих развитие отдельных явлений культуры как прямое изменение от простого к сложному. Ошибочность такого подхода сказалась и в исследовании Н. Н. Харузиным материальной культуры саамов. Кроме этого, как можно судить по характеру приводимого материала и отдельным деталям описания, лопари восточных районов полуострова остались, по-видимому, вне поля зрения автора.

После Октябрьской революции у народов Севера началась перестройка хозяйства, культуры и быта. С целью помощи северным народам Советское правительство создает в 1924 г. Комитет народов Севера и организывает специальные экспедиции для всестороннего обследования этих народов. Так, в 1927 г. Русским Географическим обществом была организована Лопарская экспедиция, руководимая Д. А. Золотаревым. В ее задачи входило этнографическое, антропологическое и медицинское обследование кольских лопарей. Эта экспедиция, известная в последующие годы (с осени 1927 по 1930 г.) как Кольская экспедиция Академии наук СССР, сыграла большую роль в изучении саамов, в частности их материальной культуры. Сотрудники экспедиции совершили ряд поездок в различные районы Кольского полуострова, в результате которых ими было опубликовано несколько работ⁴⁷, содержащих ценные наблюдения о жизни и культуре лопарей. Наибольшее внимания и интереса среди них заслуживают работы В. В. Чарнолуского «Материалы по быту лопарей» и «Заметки о пастбе и организации стада у лопарей», в которых имеются интересные данные о занятиях, образе жизни и постройках.

После этого изучение материальной культуры саамов Кольского полуострова почти не продвинулось. Наиболее поздней заслуживающей внимания работой является рукопись Н. Волкова «Саамы СССР»⁴⁸. Эта работа представляет собой попытку

монографического описания саамов СССР, касающегося главным образом периода конца XIX — начала XX в. Автор освещает разные вопросы материальной и духовной культуры саамов, их исторического развития, общественного строя и приводит много интересных и ценных фактических данных. Хотя Н. Волков и не разрешает вопросы происхождения саамской культуры, его работа представляет несомненный интерес как наиболее полное и последнее по времени описание кольских саамов.

Подводя итоги, можно сказать, что по существу мы почти не имеем ни одной работы, целиком посвященной исследованию материальной культуры кольских саамов или хотя бы отдельных ее элементов. Только по оленеводству саамов написан ряд статей⁴⁹. По остальным вопросам нашей темы в литературе встречаются довольно скудные данные, не выходящие по большей части за рамки простых описаний.

Предлагаемая работа представляет собой историко-этнографическое исследование материальной культуры кольских саамов периода конца XIX—XX в.

Особое внимание мы стремились уделить выявлению локальных различий в материальной культуре саамов, пытаюсь использовать эти данные для решения некоторых еще не выясненных вопросов этнической истории саамского народа.

Исследование не претендует на всестороннее освещение вопросов саамской материальной культуры. Отдельные ее стороны изучены еще недостаточно и будут исследоваться в дальнейшем по мере накопления материала.

Одним из основных источников, использованных при написании данной работы, послужили полевые материалы, собранные автором во время поездок на Кольский полуостров (Ловозерский, Саамский, Кольский и Кировский районы Мурманской области РСФСР) в 1958, 1959, 1964 и 1965 гг. Эти материалы, охватывающие все группы кольских саамов, содержат сведения о жизни и быте саамов, их хозяйственных занятиях, средствах передвижения, поселениях и постройках, одежде, пище⁵⁰.

Другим не менее важным источником (особенно для разделов одежды, средств передвижения, утвари и пр.) являются вещественные коллекции, хранящиеся в двух центральных этнографических музеях СССР в Ленинграде — Музее антропологии и этнографии АН СССР (МАЭ) и Государственном музее этнографии народов СССР (ГМЭ), а также коллекции Государственного этнографического музея Эстонской ССР в Тарту. Хронологически все они относятся к концу XIX — началу XX в.

Материалы МАЭ представлены большой коллекцией А. Яцен-

ко, собранной им в Русской Лапландии в 1887 г. и содержащей более 80 предметов, коллекцией Д. Н. Островского, полученной музеем от РГО и состоящей из 19 предметов костюма и утвари русских лопарей, и, наконец, коллекцией Д. Н. Бухарова конца XIX в., полученной музеем также от РГО и включающей в себя 16 предметов костюма и принадлежностей хозяйства скандинавских лопарей, и др.

Наиболее многочисленные вещественные материалы по саамам хранятся в ГМЭ. Здесь имеются большие коллекции Д. А. Золотарева и В. В. Чарнолуского, собранные ими в 1927—1928 гг. у терских лопарей, коллекция Н. Н. Волкова (1936 г.), относящаяся к лопарям западных районов Кольского полуострова, коллекции О. О. Визеля (1904 г.), В. А. Плотникова (1907)—1909 гг.), Д. К. Соловьева (1911 г.), В. В. Сахарова (1939 г.) и др. По скандинавским лопарям имеется большая коллекция С. И. Сергеля (33 предмета), собранная им в 1907—1908 гг.

Материалы, хранящиеся в Тартуском музее, относятся к скандинавским лопарям. Это преимущественно коллекции И. Итконена, собранные им у лопарей Финляндии в 1926—1928 гг. и содержащие около 60 предметов костюма и утвари, а также 9 предметов, относящихся к костюму шведских лопарей, переданных в 1930 г. Тартускому музею Национальным музеем Швеции.

При написании данной работы были использованы также материалы государственных архивов. Из архива Академии наук СССР (Ленинградское отделение) нами использованы главным образом материалы фонда Комиссии по изучению племенного состава (ф. 135, оп. 2, № 17—23, 67, 90, 124, 133, 137, 232, 264—292, 332, 347, 365, 1050), содержащие различные сведения по истории и этнографии кольских и скандинавских лопарей, и материалы фонда П. И. Кеппена (ф. 30, оп. 2, № 3, За, 81, 87, 114), где имеются всевозможные статистические данные по Кольскому уезду Архангельской губернии.

В Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА) нами просмотрены различные рукописные картографические, статистические и описательные материалы по Кольскому уезду Архангельской губернии (ф. ВУА, № 18423, 18424, 18429, 18558, 18560, 18561, 18563, 18565, 18566, 20106, 23407, 23408, 23413, 23416, 23430, 39887, 90724, 64042 и др.), представляющие интерес при изучении занятий, расселения, поселений и жилищ. Особенно интересны карты Кольского полуострова середины XVIII в. (ф. 416, № 42, 44), Атлас Архангельской губернии 1797 г. и др.

При работе над темой нами были использованы также некоторые материалы (полевые записи по жилищу и одежде 1927—1928 гг.) из личного архива исследователя кольских саамов В. В. Чарнолуского. Большую помощь в работе оказал ныне покойный В. Н. Чернецов.

Пользуюсь случаем также сердечно поблагодарить Б. О. Долгих за советы и замечания, сделанные им во время моей работы над рукописью, а также сотрудницу Карельского филиала АН СССР Т. Матрехину за помощь в работе над саамской терминологией.

- ¹ «Chambers's Encyclopaedia», vol. VII. London, 1955, s. 366.
- ² «Правда», 17 апреля 1971, стр. 3.
- ³ Сведения взяты из кн.: *K. Tuander*. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906, стр. 348; см. также: *I. Scheffer*. Lappland. Frankfurt a. M.—Leipzig, 1675, S. 8.
- ⁴ ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 250.
- ⁵ *T. I. Itkonen*. Suomen lappalaiset vuoteen 1945, vol. I. Helsinki, 1948, s. 28.
- ⁶ *E. Itkonen*. Suomalais-Ugrilaisen kielen-ja historian tutkimuksen alalta. Helsinki, 1961, s. 111.
- ⁷ *Д. В. Бубрих*. К вопросу об отношениях между самоедскими и финно-угорскими языками. «Известия АН СССР», Отд. лит. и яз., т. VII, вып. 6. М.—Л., 1948, стр. 517; *П. А. Ариста*. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956, стр. 14; *Г. М. Керт*. Саамский язык. «Языки народов СССР», т. III. Финно-угорские и самодийские языки». М., 1966; *S. H. Toivonen*. Zum Problem des Protolappischen. «Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften». Helsinki, 1950; *S. Sebestyen*. Beitrag zum Problem der Protolappischen Sprache. «Acta Linguistica», III, N 3—4. Budapest, 1953.
- ⁸ *Г. М. Керт*. Саамский язык (кильдинский диалект). Л., 1971, стр. 6.
- ⁹ См.: *Ø. Vorren, E. Manker*. Lapp life and customs. London, 1962; *T. Vuorela*. The Finno-Ugric peoples. Hague, 1964.
- ¹⁰ *Б. Ф. Земляков*. Археологические исследования на побережье Арктического океана. «Труды Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода», вып. 3. Л., 1937.
- ¹¹ *Н. Н. Гурина*. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР. МИА, № 87, 1961; она же. Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова. МИА, № 20, 1951; она же. Некоторые новые данные о заселении южной части Кольского полуострова. СА, XII, 1950; она же. Основные этапы древнейшей истории Кольского полуострова по данным археологии. «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та», № 115, 1950; *Г. И. Горецкий*. Некоторые данные о неолитических стоянках Кольского перешейка. «Труды Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода», вып. 3. Л., 1937.
- ¹² *Н. Н. Гурина*. Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова, стр. 163, 164 и др.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Н. Н. Гурина*. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР; она же. Поселения эпохи

неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, № 20, 1951; *М. Е. Фосс*. Древнейшая история Севера европейской части СССР. М., 1952; *А. Я. Брюсов*. История Карелии с древнейших времен до середины XVIII в. Петрозаводск, 1952; она же. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; *Г. А. Панкрушев*. Новые археологические данные по древнейшей истории Карелии. «Труды Карельского филиала АН СССР», вып. 10, 1958; она же. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.—Л., 1964.

¹⁵ Сведения о путешествии Оттара приводятся в кн.: *K. Tuander*. Указ. соч., стр. 53, 54.

¹⁶ *Е. Огородников*. Мурманский и Терский берега по книге Большого чертежа. СПб., 1869, стр. 16.

¹⁷ Под этим названием были известны новгородцам южные и восточные берега Кольского полуострова. Терским берегом эту часть побережья (от Св. Носа до Кандалакши) называют и сейчас.

¹⁸ ЦГВИА СССР, ф. 416, № 42, 44.

¹⁹ *Н. Озерецковский*. Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804, стр. 60, 61.

²⁰ Речь идет о саамских поселениях, которые начиная с XIX в. уже не прослеживаются нигде вне пределов Кольского полуострова.

²¹ «Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв.» Л., 1930, стр. 55—64.

²² Почти все понойские лопари к началу XX в. считали себя русскими.

²³ Устное сообщение В. В. Чарнолуского.

²⁴ *А. Н. Насонов*. Русская земля и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 114.

²⁵ *М. Н. Тихомиров*. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 275; ПСРЛ, т. XX. СПб., 1853, стр. 404.

²⁶ *Н. Н. Харузин*. Русские лопари. М., 1890, стр. 17; *А. Я. Ефименко*. Народные юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии. СПб., 1877, стр. 10—11.

²⁷ *А. А. Савич*. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, стр. 90. *В. О. Ключевский*. Сочинения, т. VII. М., 1959, стр. 18.

²⁸ *И. М. Калинин*. Торговые сношения лопарей с русскими в XVIII столетии. «Известия РГО», 1929, вып. I, т. 61, стр. 61; *А. Я. Ефименко*. Указ. соч., стр. 12.

²⁹ *А. А. Савир*. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927; *А. Я. Ефименко*. Указ. соч.

³⁰ *А. А. Жилинский*. Крайний Север Европейской России. М., 1912. Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964.

³¹ Устное сообщение В. В. Чарнолуского; Архив ИЭ, ф. 3, 1958—1959, № 63.

³² *А. Я. Ефименко*. Указ. соч., стр. 15.

³³ *А. Я. Ефименко*. Указ. соч., стр. 41.

³⁴ «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. I. М., 1928, стр. 124—126; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР», стр. 314.

³⁵ *С. Герберштейн*. Записки о Московитских делах. СПб., 1908.

³⁶ *И. Г. Георги*. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. О народах финского племени, ч. I. СПб., 1776.

³⁷ *П. М. Ламартиньер*. Путешествие в Северные страны 1658 г. М., 1911.

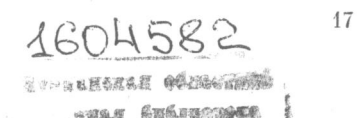
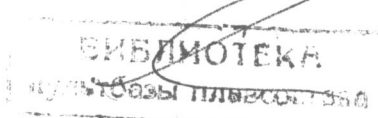
³⁸ *Н. Озерецковский*. Указ. соч.

³⁹ *М. А. Кастрен*. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838—1844; 1845—1849). М., 1860.

⁴⁰ *В. Верещагин*. Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849.

⁴¹ *С. В. Максимов*. Год на Севере. СПб., 1871.

⁴² *В. И. Немирович-Данченко*. Лапландия и лапландцы. СПб., 1877.

ТРАДИЦИОННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ХОЗЯЙСТВА

- ⁴³ Д. Н. Бухаров. Поездка по Лапландии осенью 1883 г. СПб., 1885.
- ⁴⁴ В. Х. (В. Харугина). На Севере (путевые воспоминания). М., 1890.
- ⁴⁵ С. Дурьлин. За полуночным солнцем. М., 1913.
- ⁴⁶ Н. Н. Харугин. Русские лопари. М., 1890.
- ⁴⁷ Д. А. Золотарев. Лопарская экспедиция. Л., 1927; он же. На Западномурманском побережье летом 1928 г. «Кольский сборник». Л., 1930; В. В. Чарнолуцкий. Материалы по быту лопарей. Л., 1930; он же. Заметки о пастьбе и организации стада у лопарей.
- «Кольский сборник»; Ф. Г. Иванов Дятлов. Наблюдения врача на Кольском полуострове. Л., 1928 г.
- ⁴⁸ Архив ЛО ИЭ АН СССР, к. I, оп. 1, № 3.
- ⁴⁹ Г. М. Василевич. М. Г. Левин. Типы оленеводства и их происхождение. СЭ, 1951, № 1; В. В. Чарнолуцкий. Заметки о пастьбе и организации стада у лопарей; В. К. Алымов. Оленеводство Мурманского округа. «Мурманское общество краеведения», вып. 2. Мурманск, 1928 и др.
- ⁵⁰ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1958—1959, 1964—1965, № 63, 64.

Саамы Кольского полуострова относятся к народам арктической зоны, и у них, как и у ряда других народов Севера, издавна сложилось комплексное промысловое хозяйство, определявшее весь их образ жизни и особенности культуры.

В настоящей главе мы не ставим перед собой цели дать исчерпывающий очерк развития отраслей хозяйства саамов. Основное внимание уделено характеристике приемов и способов, с помощью которых саамы вели и ведут свои традиционные промыслы.

Основными отраслями хозяйства кольских саамов в конце XIX — начале XX в. были рыболовство, оленеводство и охота (как сухопутная, так и морская). Однако уже с конца XIX и особенно в начале XX в. наблюдалось сокращение размеров охотничьего промысла, игравшего в хозяйстве саамов более далекого прошлого, по-видимому, очень большую роль. Это было связано, по всей вероятности, как с истощением пушных богатств края вследствие хищнических способов охоты, так и с развитием оленеводства как более надежного источника существования.

В рассматриваемый период оленеводство не только служит очень важным источником питания, не только поставяет материал для покрытия жилищ и шитья одежды, но и является очень существенным средством передвижения. Зимой оленя используют в упряжке, а летом при пеших передвижениях — под выюк.

Материалы переписи Приполярного Севера 1926 г. содержат интересные данные о степени доходности отраслей хозяйства саамов, в % (табл. 2).

Как видно из таблицы, перепись зафиксировала 85 оседлых саамских хозяйств. Их составили саамы, живущие главным образом по берегам озера Имандры и в районе Кировской железной дороги. Они к этому времени перешли на оседлость и занимались

Таблица 2*

Саамы	Число учтенных хозяйств	Доходы от отраслей хозяйства *						Равные заработки	Служба
		оленеводства	рыболовства	добычи морского зверя	охоты (сухопутной)	животноводства	земледелия		
Оседлые	85	8,1	37,7	2,1	6,3	14,2	0,1	26,1	5,4
Кочевые	286	29,8	33,8	3,9	7,0	2,3	—	22,5	0,7

* «Похоз» йственная перепись Приполярного Севера СССР 1926/27 гг.» М., 1929, стр. 16—26.

преимущественно рыболовством и сельским хозяйством, работали на железной дороге и в лесодобывающей промышленности. У кочевых, а вернее полукочевых, саамов (286 хозяйств) основное значение сохраняли оленеводство и рыболовство с некоторым преобладанием последнего. Доходы от охотничьего промысла в хозяйстве составляли, по данным 1926 г., всего лишь около 11%. Кроме этого, как показывают те же данные, у кочевых саамов (особенно у оседлых и менее — у кочевых) начинает развиваться и новая отрасль хозяйства — молочное животноводство.

В последующие десятилетия XX в. традиционные занятия саамов Кольского полуострова продолжают развиваться. Однако по сравнению с 1926 г. в экономике саамов произошли большие изменения, которые прежде всего выразились в том, что единичные саамские хозяйства были коллективизированы.

В 1927 г. были созданы первые товарищества по совместной пастбе оленей, а с 1929 г. возникают колхозы. Одним их первых был организован саамский оленеводческий колхоз «Оленевод» (позже стал называться «Красная тундра») в восточной части Кольского полуострова, в погосте Каменка. Вслед за ним в декабре 1929 г. в поселке Ловозеро был создан оленеводческий колхоз «Тундра», в котором объединились хозяйства саамов, коми, ненцев и русских. Летом 1930 г. организовались рыболовецко-олeneводческий саамский колхоз «Аут-Варре» (позже переименован в «Искру») на берегу Баренцева моря, в устье р. Иоканьги, и саамский колхоз «Восмус» на р. Туломе. «Восмус» был вначале рыболовецким колхозом, а затем основной отраслью его хозяйства стало оленеводство. В 1931 г. создались оленеводческие колхозы в Кильдинском погосте и на Пулозере. К 1940 г. коллективизация в целом была завершена. Саамское население объединилось в основ-

ном в 11 колхозах (см. табл. 3) ¹. Три из них («Большевик», «Искра», и «Просвет») были расположены на побережье Баренцева моря, остальные — во внутренних тундровых и лесотундровых районах полуострова.

Хозяйство береговых колхозов основывалось преимущественно на семужьем промысле в устьях рек, впадающих в Ледовитый океан, а в большинстве остальных колхозов основной отраслью хозяйства стало оленеводство. В 1940-х годах в районах расселения саамов были созданы и государственные оленеводческие хозяйства: Понойский оленеводческий совхоз и Мурманская зональная опытная оленеводческая станция.

В послевоенное время, особенно в 1950-е и в 1960-е годы, происходило укрупнение колхозов и переселение саамов из мелких поселков в более крупные (см. табл. 3) ².

Как видно из таблицы, большинство саамского населения в настоящее время трудится в четырех колхозах. Кроме того, саамы работают также в двух государственных хозяйствах (Понойском оленеводческом совхозе и Мурманской опытной оленеводческой станции).

Развитие традиционных отраслей хозяйства кольских саамов (олeneводства, рыболовства и охоты) после коллективизации шло по линии дальнейшего понижения роли охоты и роста удельного веса оленеводства. Последнее проявлялось как в повышении продуктивности оленеводства, так и в численном росте пастухов-саамов, обслуживающих эту отрасль.

С конца 1950-х годов хозяйства береговых колхозов («Искра» и «Большевик») становятся все более оленеводческими, это вызвало улучшение благосостояния местного населения. В 1964 г. оленьи стада колхоза «Искра» были объединены со стадами Понойского оленеводческого совхоза и вышеупомянутый колхоз превращен в отделение совхоза. Другой береговой колхоз, «Большевик», в 1968 г. был объединен с колхозом «Тундра». На побережье во время путины теперь работают рыболовецкие бригады. Таким образом в настоящее время оленеводство составляет основное занятие большинства саамского населения, которое сосредоточено в крупнейшем оленеводческом колхозе области — «Тундра» ³, в Понойском оленеводческом совхозе и Мурманской опытной оленеводческой станции.

Кроме оленеводства саамы этих хозяйств занимаются рыболовством (как семужьим промыслом, так и ловом рыбы в озерах) в незначительной мере пушной охотой, молочным животноводством и клеточным звероводством. В личном подсобном хозяйстве

почти всех саамов имеются, кроме того, небольшие огороды, а из домашнего скота — овцы.

Молочное животноводство у саамов стало усиленно развиваться с середины 1930-х годов. В настоящее время во всех колхозах, где живут саамы, имеются молочные фермы, здесь работают наряду с представителями других национальностей молодые лопарки. Часть молока колхозы продают соседним населенным пунктам. Так, поселки Ревда и Ильма получают молоко из колхоза «Тундра», колхоз «Ена» снабжает молоком соседний поселок Ковдор и т. д. В колхозах «Тулома» и «Ена» молочное животноводство стало основной отраслью хозяйства. Саамы этих колхозов занимаются также рыболовством и немного огородничеством (имеются приусадебные участки). В колхозе «Ена», кроме того, есть небольшое стадо оленей (около 200 голов), но оленеводство здесь по существу не имеет никакого значения.

Звероводство — еще более молодая отрасль хозяйства колхозов Мурманской области, которая начала развиваться с 1952 г. В колхозах «Тундра» и «Им. В. И. Ленина» имеются зверофермы по разведению норок и голубых песцов. Следует отметить, что как молочное животноводство, так и особенно клеточное звероводство не играют решающей роли и доля их в общем доходе колхозов невелика.

В развитии оленеводства кольских саамов по приемам выпаса оленьих стад и самой технике ведения оленеводческого хозяйства можно выделить три этапа. До начала XX в. господствовала традиционная саамская система оленеводства, главная черта которой — вольный выпас оленей в летнее время. В конце XIX — начале XX в. на Кольском полуострове почти в одних и тех же районах существовали параллельно две оленеводческие системы: саамская и ижемско-самодейская. С начала 1930-х годов начинается новый период, связанный с коллективизацией, когда произошло объединение этих двух систем в одну. Для саамов начался переход на новую ижемско-самодейскую систему выпаса, при которой оленей стали выпасать в течение всего года под наблюдением пастухов. Современное оленеводство (примерно последнее десятилетие) колхозов Мурманской области, выделяемое нами в особый период, характеризуется возрождением некоторых традиционных саамских приемов выпаса, утраченных при переходе на ижемскую систему.

В конце XIX — начале XX в. кольские саамы имели очень небольшие стада оленей. По данным переписи Приполярного Севера 1926 г., можно судить о количестве оленей в саамских хозяйствах в начале XX в. (табл. 4).

Таблица 3

Колхозы с саамским населением		
1940 г.	1950-е годы	1960-е годы
«Красная тундра» (с. Ивановка, основное население — саамы)	«Красная тундра»	«Имени В. И. Ленина» (с. Краснощелье, основное население — коми, саамы), образовался в результате объединения колхозов «Красная тундра» и «Краснощелье»
«Тундра» (с. Ловозеро, основное население — саамы, коми, ненцы, русские)	«Тундра»	«Тундра» (с. Ловозеро, основное население — саамы, коми, ненцы, русские)
«Вперед» (с. Чудзьявр, основное население — саамы)	Объединился с колхозом «Тундра»	
«Доброволец» (с. Воронье, основное население — саамы)	«Доброволец»	Объединился с колхозом «Тундра»
«Большевик» (с. Варзино, основное население — саамы)	«Большевик»	Объединился с колхозом «Тундра»
«Искра» (с. Иоканьга, основное население — саамы)	«Искра»	С 1964 г. объединился с Понойским оленеводческим совхозом
«Просвет» (с. Лумбовка, основное население — саамы)	Объединился с колхозом «Искра»	
«Восмус» (с. Восмус, основное население — саамы)	«Тулома» (образовался в результате объединения колхозов «Восмус», «Юркино» и русского колхоза «Тулома»)	«Тулома» (с. Тулома, основное население — саамы, русские)
«Юркино» (с. Юркино, основное население — саамы)		
«Красное Пулозеро» (с. Пулозеро, основное население — саамы)	«Красное Пулозеро»	С 1964 г. Красное Пулозеро объединился с Мурманской опытной оленеводческой станцией (МООС)
«Ена» (с. Ена, основное население — саамы, карелы, финны)	«Ена»	«Ена» (с. Ена, основное население — саамы, финны, карелы)

Таблица 4

Саамы	Саамские хозяйства, имеющие голов оленей *							Всего хозяйств, имеющих оленей
	до 10	от 11 до 25	от 26 до 50	от 51 до 100	от 101 до 250	от 251 до 500	от 501 до 1000	
Оседлые	25	23	16	7	1	—	—	72
Кочевые	35	62	77	52	35	11	5	277

* «Похозяйственная перепись Приполярного Севера», стр. 13.

Олени стада саамов того времени состояли из крупных сильных, узкогрудых животных довольно светлой (желто-коричневой) масти, которых можно отнести к лесной породе⁴. В настоящее время таких оленей у саамов нет. Вследствие смещения с ижемскими оленями (тундровой породы — темной масти, широкогрудыми, более мелкими) домашние олени Кольского полуострова стали темнее и мельче.

В разные сезоны выпас проходил по-разному. Осенью, зимой и весной олени выпасались в стадах, окарауливаемых пастухами с помощью пастушеских собак — оленегонных лаек.

Зимний выпас длился около пяти месяцев, с ноября по март, когда олени паслись на пастбищах во внутренних лесных частях полуострова. С конца марта стада переходили на весенние пастбища в тундру и постепенно достигали берегов Северного Ледовитого океана, где оставались на летних пастбищах до осени.

В начале мая начинался отел. К этому времени оленей пригоняли к местам отела, расположенным недалеко от летних погостов.

Мотовские и кильдинские саамы, дойдя до мест отела, отпускали оленей на свободу, клеймение телят откладывали на осень, а сами, обосновавшись в летнем погосте, занимались рыбной ловлей.

У терских саамов в течение всего времени отела пастухи находились при важенках⁵, которых предварительно отделяли от остального стада (этих остальных оленей, исключая так называемых ручных⁶, фактически уже отпускали на волю). Каждую важенку привязывали на длинной, толстой, соединенной с особой оленьей уздой веревке — *хигне* (лāшĕ — иок., клд.)⁷ к большим камням, которые заранее заготавливали на местах отела⁸. При этом ежедневно важенок переводили на новые места. Телят клеймили

сразу же на второй или третий день после рождения. Клеймение заключалось в вырезании особого знака на ухе теленка. Иногда, кроме того, на шею теленка подвешивали особую дощечку с клеймом владельца⁹. Важенок после клеймения телят обычно сразу спускали с хигн, а через несколько дней (примерно в начале июня) их вместе с телятами отпускали на свободу. Ручных оленей сразу после отела саамы обычно переправляли на острова, расположенные недалеко от летних погостов вдоль морского побережья (например, остров Сосновец, «Три острова» около устья Поноя, Лумбовский и др.). Здесь эти олени паслись также без надзора и оставались до начала августа, когда наступало время переезда на осенние места. Следует отметить, что ручные олени, как правило, выпасались в местах, близких к стойбищам саамов, которые при необходимости всегда могли их использовать для своей надобности (в качестве вьючных животных и пр.).

В. В. Чарнолуцкий считал, что способ отела «на привязи», зафиксированный им в стадах терских саамов, свидетельствует о большей степени прирученности оленя у них по сравнению с другими группами¹⁰. Соседние с терскими семиостровские саамы также во время отела привязывали важенок на толстых веревках к камням. В настоящее время этот способ распространен на юго-западе полуострова, у саамов колхоза «Ена» (бывших бабенских), которые во время отела привязывают важенок к соснам¹¹. Это, как объясняют саамы, не дает возможности важенкам разбредаться и бросать телят.

Аналогичным образом проводится отел и в оленьих стадах небольшой группы лопарей-сколтов, живущих к северо-востоку от озера Инари в Финляндии¹². Пастухи-сколты на время отела привязывают важенок веревками (длиной в 5—8 м каждая) к деревьям и три-четыре раза в день каждую телку переводят на новый участок пастбища. Остальные олени (кроме нескольких упряжных) к этому времени уже пасутся вольно. На первый или второй день после рождения телят клеймят, вырезая клеймо на ухе, а затем отвязывают важенок и отпускают их вместе с телятами на волю. Одновременно отпускают и упряжных оленей¹³.

Такой способ отела, как отмечает исследователь лопарей-сколтов П. И. Пельто, обеспечивает лучший уход за важенками и телятами и позволяет сразу, без затруднений провести клеймение. Однако этот способ возможен только при мелкотабунном оленеводстве, которое вели сколты в отличие от горных саамов, оленеводов Норвегии, владельцев крупных стад¹⁴. У последних нет обычая привязывать важенок на время отела. Клеймение проводится у них в течение всего лета и длится иногда до осени¹⁵.

Как уже было сказано, кольские саамы в начале июня отпускали своих оленей на свободу, и они паслись без присмотра пастухов все лето, примерно до октября. Саамы в это время жили в летних погостах и занимались рыболовством. Подобная организация летнего выпаса, характерная также и для некоторых других северных оленеводческих народов (лесных ненцев и энцев, кетов, северных селькупов, части северных хантов и манси), получила в научной литературе название «вольный выпас».

Вольный выпас составляет характерную черту оленеводства кольских саамов конца XIX — начала XX в. Впервые эта особенность лопарского оленеводства была отмечена еще Н. Озерецковским¹⁶. Позже об этом писали Н. Н. Харузин¹⁷, В. В. Чарнолуский¹⁸ и другие авторы.

Для вольного выпаса оленей у саамов в конце XIX — начале XX в. характерны дымокуры и изгороди, причем и те и другие применялись, по-видимому, издавна. Так, дымокуры известны у семиостровских и иоканьгских саамов, летние пастбища которых располагаются в районах морских побережий, недалеко от летних погостов. В жаркое время, в период обилия комаров и оводов олени у них пасутся в прибрежной полосе, у самого моря и часто подходят совсем близко к поселкам, около которых и устраивали раньше дымокуры (suvzet — иок.). Делали их из дерна, который складывали небольшими горками и поджигали. Дерн сильно дымил и отгонял комаров и оводов от оленей¹⁹. В. В. Чарнолуский сообщает, что терские лопари сооружали также и особые сараи (I'emn — иок.) с дымокурами, но, к сожалению, он не описывает их устройство²⁰.

Распространены были дымокуры и у каменных саамов²¹, а также у саамов западных районов Кольского полуострова. Именно такой сарай с дымокуром, по всей вероятности, видел в 1911 г. С. Дурылин около Имандры. По его описанию, это был «сарай из тонких стенок, устроенных из шестов, бересты и еловых ветвей, и с такой же крышей. В нем спасаются олени в жаркое время от комаров»²². Перед входом в такой олений сарай устраивали дымокур²³.

Изгородь как один из приемов выпаса в начале XX в. была распространена у всех кольских саамов. Однако ее устройство и характер использования были различны в западных и восточных районах полуострова. В восточных районах, в местах расселения так называемых терских саамов, изгородь использовали во время летнего вольного выпаса. С ее помощью ограничивали участки летних пастбищ, расположенные между двумя реками, на полуостровах, вдающихся в озеро или море, или просто отгора-

живали часть прибрежной полосы. Изгородь состояла из деревянных столбиков-кольев, нижние заостренные концы которых вбивали в землю или обкладывали для устойчивости камнями. Между этими кольями натягивали в несколько рядов проволоку или прибывали жерди²⁴.

Подобная изгородь у саамов этих районов была известна, по-видимому, издавна и широко применялась еще в 20-е годы нашего столетия²⁵. По убеждению саамов, изгородь имеет очень большое значение в выпасе, охраняя оленей от волков, препятствуя уходу важенок от телят и облегчая пастухам наблюдение за стадом²⁶.

На западе полуострова (у мотовских, туломских, сонгельских, бабенских и экостровских саамов) изгородь имела совершенно другое значение. Ее строили на осенних местах, огораживая довольно большую площадь (иногда в несколько гектаров), где содержали уже собранные после вольного летнего выпаса стада оленей. Эта изгородь по своему устройству была более примитивной и состояла из вертикальных деревянных стоек (каждая составлялась из трех жердей с развилками на верхних концах, которыми они соединялись друг с другом), стоящих прямо и слегка врытых в землю. Между ними горизонтально укрепляли срубленные, не очищенные от веток деревья, которые и служили оградой²⁷.

У лопарей-оленеводов Скандинавских стран и Финляндии летний выпас производится в разных местах по-разному. Лопарисколты, например, также практикуют вольный выпас. После отела, т. е. примерно к 10 июня, они отпускают свои небольшие стада на свободу, загоняя их нередко на полуострова озер. Перешеек полуострова в этом случае перегораживают изгородью²⁸. Используют изгородь во время летнего вольного выпаса и другие лопари, живущие в лесных районах Финляндии²⁹.

Лопари-оленеводы лесных районов Швеции и Норвегии также применяют иногда вольный летний выпас в том случае, если есть возможность летом держать животных на островах или полуостровах, где имеется пастбище для одного стада. Если же там выпасается более чем одно стадо, то они уже нуждаются в относительном окарауливании, хотя и в менее тщательном, чем в горной местности или во внутренних районах с большой плотностью населения. В последнем случае, если летние пастбища граничат с обработанными лугами, полями и постройками постоянных жителей, олени стада выпасают под надзором пастухов в течение всего лета³⁰. Горные лопари Швеции и Норвегии также пасут свои стада в течение всего года под надзором пастухов³¹.

Применяя вольный выпас, лопари Швеции и Норвегии также иногда используют изгородь, которой отделяют территорию летних пастбищ от зимних. Особенно это практикуется в прибрежной полосе, но также (если возможно) — и во внутренних районах, между большими озерами и реками. Например, в настоящее время в Северной Швеции имеется почти сплошная изгородь от огромного озера Лулео на юге до Торнтреску на севере. В этом районе олени стада летом выпасаются вольно³².

Как и кольские лопари, скандинавские применяли во время летнего выпаса дымокуры. Многие это делают и в настоящее время³³.

В октябре по первому снегу происходило «имание оленей» и сбор стад — очень трудный период в жизни кольских оленеводов. Имение (I'åskant — иок.) состояло в том, что пастухи расходились по тундре в поисках разбредшихся оленей. Техника имания в западных и восточных районах Кольского полуострова имела некоторые различия. На западе имание начиналось довольно рано (около 10 августа) и длилось долго, почти до половины ноября, так как животные в это время плохо окарауливались и постоянно разбредались. Сначала саамы обходили всю территорию пешком с навьюченными (ручными) оленями, которые везли снаряжение. Затем, поймав с помощью аркана несколько ездовых быков, отбегали тундру на *кержах* (вид саней)³⁴. Приманивание оленей происходило с помощью колокольчика, в который звонил пастух. Олени сбегались на звук, а отставших или уклонявшихся в сторону подгоняла собака³⁵. С помощью колокольчика начинают собирать осенью свои стада и лопари-сколты Финляндии. Вначале они с помощью лассо ловят одного из оленей и привязывают ему на шею колокольчик. Этот олень с колокольчиком служит затем приманкой для остальных. Собак в этом деле сколты обычно не используют³⁶.

Саамы восточных районов Кольского полуострова начинали с того, что примерно в конце сентября ловили ездовых оленей, а в октябре начинали имание, которое все время проводили на санях. Поймав арканом нескольких животных, пастухи особыми криками приманивали к себе остальных и составляли стадо. Роль собаки в имании была ничтожной. Ее использовали только тогда, когда уже была собрана хотя бы часть стада³⁷.

Орудия имания оленей у саамов — *аркан* (liašket-ni'g'g' — иок.; čog'v'-vār'v' — клд.) представляет собой обычную пеньковую или сплетенную из сыромятной кожи веревку (в прошлом употреблялись веревки, сплетенные из древесных корней) длиной от 20 до 30 м с прикрепленным на одном ее конце костяным при-

способлением в форме восьмерки, с помощью которого делается петля³⁸.

После того как стада были собраны на осенних пастбищах, оленей распределяли между их владельцами. Принадлежность оленей определялась по клеймам. В этой процедуре «отбивания» своих оленей из смешанного стада наблюдались некоторые различия между западными и восточными районами полуострова. Главное из них состояло в том, что на востоке (у терских саамов) эту операцию производили с помощью аркана, тогда как на западе полуострова обходились без него³⁹. Затем начиналось передвижение стад на зимние лесные пастбища в глубь полуострова.

В этнографической литературе утвердилось мнение, что одной из характерных черт саамского оленеводства является доение важенок. Доение, действительно, практикуется до сих пор у саамов (хотя и в меньших размерах, чем раньше), но не у всех, а только у скандинавских горных лопарей-оленеводов, владельцев крупных стад, чьи олени круглый год выпасаются под надзором пастухов⁴⁰. У этих групп лопарей издавна известно употребление в пищу продуктов из оленьего молока, о чем упоминал еще в XVII в. И. Шеффер⁴¹. По мнению ряда исследователей, эти лопари еще в давние времена заимствовали доение у норвежцев⁴². Для остальных лопарей, в частности для лопарей Кольского полуострова, доение важенок, как правило, не характерно⁴³. По существу сам вольный выпас очень ограничивал возможности доения, так как сразу после отела всех важенок отпускали на свободу. По-видимому, только в некоторых местах Восточной Лапландии саамы доили важенок в разгар летнего времени, когда вольнопасущиеся животные, спасаясь от комаров и гнуса, подходили близко к стойбищам, где заранее устраивались дымокуры⁴⁴. В настоящее время кольские саамы не доят важенок, а старики не помнят, чтобы это когда-либо было распространено⁴⁵.

Такова характеристика особенностей саамской системы оленеводства, которая применялась саамами вплоть до 30-х годов этого века, пока не была заменена ижемскими приемами выпаса, характеризующимися организованной пастьбой оленей в течение всего года с пастухом и собакой.

✱

Нетрудно заметить, что саамская система оленеводства конца XIX — начала XX в. в общих своих чертах была единой у всех кольских саамов. По всем своим чертам это было оленеводство таежного типа. В основе его лежал вольный летний выпас с при-

менением дымокуров, оленьих сараев и изгородей. Такая организация летнего выпаса была обусловлена требованиями комплексного хозяйства саамов, важнейшим занятием которых кроме оленеводства было рыболовство. Отпуская летом своих оленей на свободу, саамы получали возможность без помех заниматься этим промыслом.

Для саамского оленеводства этого периода были характерны крупная порода оленя, несомненно лесного происхождения, а также небольшие размеры оленьих стад. По воспоминаниям стариков, в далеком прошлом лопари владели совсем малым числом оленей, которые употреблялись только для транспорта и в качестве манщиков на охоте⁴⁶. Можно еще добавить, что использование оленя под выюк, практикуемое саамами при летних передвижениях⁴⁷, также характерно для оленеводов лесной зоны.

По способам выпаса оленеводство кольских саамов конца XIX — начала XX в. очень сходно с оленеводством лесных районов Скандинавской и Финской Лапландии, отличаясь в то же время от лопарского оленеводческого хозяйства в горных районах. Крупнотабунное оленеводство горных саамов Скандинавии, для которого характерен выпас оленьих стад под надзором пастухов в течение всего года, начало развиваться сравнительно поздно, не ранее XVII в.⁴⁸, и, по всей вероятности, на основе мелкотабунного лопарского оленеводства лесной полосы.

По технике выпаса оленеводство кольских саамов конца XIX — начала XX в. обнаруживает сходство с оленеводством того же периода лесных ненцев⁴⁹ и энцев⁵⁰, северных селькупов⁵¹, кетов⁵² и некоторых северных оленеводческих групп хантов и манси⁵³. Основной признак, сближающий оленеводство всех этих народов, — вольный летний выпас с применением дымокуров и оленьих сараев.

Классифицируя оленеводство саамов как таежное, неизбежно наталкиваемся на вопрос — почему лопари, давние жители Кольской тундры, выступают носителями такого типа оленеводства? Зная, что в более далеком прошлом лопари населяли не только Кольский полуостров, но и таежные районы Средней и Северной Карелии, можно предположить, что первоначально одомашнение оленя произошло именно у этих, «южных» лопарей. Продвинувшись затем на север, в тундровые районы Кольского полуострова, оленеводство лопарей продолжало сохранять свои специфические «лесные» черты.

Оленеводство саамов исследуемого периода отличается от лесного оленеводства народов Средней Сибири применением пастушеской собаки, которое в то же время свойственно оленеводству

коми-ижемцев и тундровых ненцев⁵⁴. Происхождение этой черты саамского оленеводства остается пока не совсем ясным. Как заключает на основании своих наблюдений В. В. Чарнолуский, роль собаки в выпасе у саамов исследователи часто переоценивают, тогда как ее значение было, по-видимому, гораздо меньшим, чем у ижемцев и ненцев⁵⁵. Показателен, например, тот факт, что в таком важном и сложном для саамов деле, как имание, собака почти не принимала участия.

Как отмечает исследователь лопарей Н. Н. Волков, в лесных местностях использование собаки сведено до минимума, что связано со специфическими особенностями лесной зоны. Обычно разбредшиеся по лесу олени не видны собаке, и она часто не может «окружить» стадо. Так же и олени, напуганные собакой, бегут иногда не к центру стада, а в сторону. Кроме того, мешает собаке охранять и стогнать стадо и глубокий снег⁵⁶. В связи с этим можно предположить, что на первом, «лесном», этапе своего развития лопарское оленеводство не знало применения пастушеской собаки.

Однако новые условия, в которые попали «лесные» лопари, несколько видоизменили систему их хозяйственных занятий. Возросла роль оленеводства, в котором появились некоторые новые черты. Очень возможно, что именно на этом этапе в тундровых условиях Кольского полуострова, когда олени стада стали крупнее, а амплитуды перекочевок увеличились, когда одному пастуху стало трудно справиться со стадом, лопари стали использовать в выпасе собаку, в которой у них не было нужды, пока они жили в лесах.

Рассматривая оленеводство кольских саамов конца XIX — начала XX в., следует обратить внимание на то, что, хотя система оленеводства этого периода в общих своих чертах была единой у всех кольских саамов, имелись совершенно очевидные различия между западными и восточными районами, выявленные еще В. В. Чарнолуским. Как можно было убедиться выше, существовала определенная разница в устройстве и характере использования изгородей, наблюдались различия в имании и затем в последующем отбивании стад, по-разному проводился отел. В целом можно сказать, что в восточных районах полуострова лесные черты оленеводства проявляются наиболее отчетливо и полно. Можно согласиться с В. В. Чарнолуским, что оленеводческая культура и степень прирученности оленя в восточных районах Кольского полуострова, в частности у терских саамов, выше, чем в западных⁵⁷. Забегая вперед, следует еще добавить, что в восточных районах оленеводство на протяжении всего исследуемого периода имеет

больший удельный вес в общей системе хозяйственных занятий, чем в западных.

Саамы западных районов полуострова утверждают, что они никогда широко оленеводством не занимались, а отдавали предпочтение рыболовству. Может быть, именно потому, что оленеводческая традиция здесь никогда не была сильна, саамское население этих мест (бывшие бабенские, экостровские, сонгельские, нотозерские и другие саамы) в настоящее время ее утратило совершенно⁵⁸.

Таким образом, напрашивается еще один вывод о том, что главными представителями и основными носителями лопарской системы оленеводства конца XIX — начала XX в. были саамы восточных районов полуострова.

Переход в 1930-х годах от вольного выпаса к организованной пастбе оленей в течение всего года с пастухом и собакой объясняется рядом причин. Во-первых, появившиеся в конце XIX в. на Кольском полуострове ижемцы имели большие стада оленей и экономически были гораздо сильнее саамов. Выпасая летом свои стада, ижемские пастухи постоянно натывались на вольно пасущихся саамских оленей и без стеснения присоединяли их к своим стадам. Таким образом, со временем вольный выпас оленей стал практически невозможен для лопарей, так как грозил им потерей стада. Поэтому уже с начала XX в. многие из них стали отдавать свои небольшие стада оленей на выпас ижемским пастухам.

Во-вторых, в 1930-х годах, когда началась коллективизация и оленеводческие хозяйства стали объединяться в колхозы, выпас коллективных стад стали проводить постоянно (круглосуточно) под надзором пастухов в течение всего года. Крупные размеры колхозных стад (от 2500 до 3000 голов каждое) по существу исключали те приемы и методы, какими пользовались ранее саамы. Тем самым постепенно изменился весь облик саамского оленеводства. Оно стало более трудоемким.

Кроме того, постепенно стала другой и сама порода оленя, которая сделалась мельче вследствие смешения с тундровыми (мелкими) оленями ижемцев.

По существу в этот период оленеводство кольских саамов перестало быть только саамским. Со времени коллективизации эта отрасль стала совместным делом саамов, коми-ижемцев и ненцев⁵⁹.

Следует отметить, что в оленеводстве Мурманской области и после 1930-х годов продолжали сохраняться отдельные черты, свойственные саамскому оленеводству конца XIX — начала

XX в. Так, например, летом иногда практиковался полувольный выпас на полуостровах (село Ловозеро), в некоторых местах придерживались отела на привязи, сохранялось вьючное использование оленя. Кроме того, сказывались различия в технике окарауливания стада между саамами и коми. Если вторые охраняли стадо на нартах, то первые предпочитали делать это пешком⁶⁰.

Перемены, происшедшие в оленеводческом хозяйстве Мурманской области, неблагоприятно отразились на развитии оленеводства. Сказался, возможно, и недостаток опыта в ведении этой отрасли у ижемцев, заимствовавших, как известно, сравнительно недавно (примерно в середине XVIII в.) оленеводство от ненцев. Ижемская система выпаса, при которой стадо выпасается довольно компактной, плотной массой и которую здесь называют иначе «скученным выпасом», привела к значительному сокращению площади ягельников в результате вытаптывания. Неопытность пастухов-лопарей, еще не приспособившихся к новым приемам выпаса, и неудачный выбор пастбищ привели к большим потерям оленей и их падежу от копытки.

Советское правительство, уделяя большое внимание народам Севера, постоянно проводит мероприятия по подъему северного оленеводства. В 1944 г. в селе Краснощелье была организована Мурманская зональная опытная оленеводческая станция (МЗООС), перебазированная в 1957 г. в район станции Лопарской на Кировской железной дороге. Сотрудники станции⁶¹, имея в своем распоряжении около 6 тыс. голов оленей, проводят работу по улучшению породы оленя, по применению новых способов выпаса и новых методов ухода за животными, разрабатывают новые средства для борьбы с гнусом.

В последнее время (примерно с 1957 г.) развитие оленеводства Мурманской области характеризуется определенными изменениями, связанными с возрождением некоторых старинных лопарских способов выпаса.

В настоящее время МООС проводит работу по введению в оленеводческих колхозах так называемого изгородного (иначе его называют «полувольный») выпаса оленей с использованием древнего саамского приема — изгородей. Изгородный выпас состоит в том, что летом после отела, примерно в первых числах июля, оленей распускают, и они полтора-два месяца пасутся самостоятельно на довольно большом огороженном пространстве. Современная изгородь по своему устройству похожа на лопарскую в ее восточном варианте. Она состоит из деревянных кольев, вбитых в землю на расстоянии около 10 м друг от друга, между кото-

рыми натянута в несколько рядов проволока. Высота изгороди примерно 2 м.

Подходящими местами для подобного выпаса являются полуострова (тоже старинный лопарский способ⁶²), где изгородь строится лишь с одной стороны, тогда как с других сторон площадь ограничивается естественной водной преградой. Осенью, примерно в конце августа или в первых числах сентября, стада собирают. Зимой выпас производится, как обычно, стадами с помощью собак. Пастухи периодически объезжают территорию выпаса и проверяют стадо. Саамы окарауливают оленей чаще пешком — в летнее время или на лыжах — зимой, а ижемцы обычно на нартах.

Таким образом, ижемская система выпаса оленьих стад не полностью привилась на Кольском полуострове. Организация выпаса в настоящее время содержит ряд черт, близких к традиционным лопарским (изгородь и полувольный выпас в летнее время).

Размеры оленьих стад в колхозах в настоящее время крупные (от 3000 и более голов). Каждое стадо окарауливает бригада оленеводов, состоящая в среднем из шести пастухов. Стада регулярно посещают ветеринары, которые проводят различные профилактические мероприятия по предохранению оленей от заболеваний и по защите их от комаров и оводов.

В целях лучшего сохранения оленьих пастбищ колхозы ежегодно разрабатывают маршруты кочевок, так чтобы каждый год стада выпасались на новых местах. Маршруты кочевок тянутся полосами от внутренних частей полуострова, где расположены зимние пастбища, к морскому побережью, т. е. к местам летнего выпаса.

В результате всех мероприятий за последние два десятилетия оленье поголовье Мурманской области значительно возросло. Большая часть оленей принадлежит оленеводческим колхозам, а меньшая — государственным хозяйствам (совхозу и МООС).

✱

Другим основным занятием всех кольских лопарей с давних пор является рыболовство, известное в этом крае еще со времен неолита. Развитию этой отрасли хозяйства способствовали очень благоприятные природные условия. На Кольском полуострове свыше 400 изобилующих рыбой озер. Из них наиболее крупные и рыбные — Имандра, Умбозеро, Ловозеро, Нотозеро, Пулозеро, Верхнее и Нижнее Енозеро, Иоканьское и др. Богаты рыбой и реки полуострова — Иоканьга, Поной, Варзуга, Варзина, Воронья, Териберка, Тулома и др.

Саамы, населяющие внутренние районы Кольского полуострова (Ловозеро, Пулозеро, Ивановку и др.), занимаются озерным ловом рыбы. В хозяйстве саамов прибрежных районов Баренцева моря (Иоканьги, Варзина и др.) главное место вплоть до последнего времени занимал промысел семги в устьях рек, впадающих в море.

В конце XIX — начале XX в. семузьим промыслом занимались также лопари крайнего северо-запада полуострова (пазрецкие и печенгские, летние погосты которых находились в устьях рек Нявдемы, Паза и Печенги, а также кильдинские, вороненские, лумбовские, понойские и сосновские лопари. Кроме семузьего промысла береговые лопари в конце XIX — начале XX в. в незначительных размерах занимались также прибрежным ловом трески.

Рыбный промысел лопарей, особенно озерный лов, был раньше преимущественно женским занятием. Поэтому, например, горностая, воруящего из амбаров рыбу, лопари называли «бабьим пакостником» — в отличие от россомахи — «мужского пакостника», любящей поживиться мясом оленя, добывать которое было делом мужчины⁶³. В настоящее время рыболовством занимаются как женщины, так и мужчины.

От лов оленей для упряжки

Озерный лов у лопарей всегда носил в основном потребительский характер. Он начинается примерно с третьей декады мая, после вскрытия озер (в прошлом это совпадало с переездом в летние погосты и отпуском оленей на свободу), и длится до конца сентября. Ловят в озерах сига, щуку, кумжу, окуня, хариуса, форель, а в некоторых местах — гольца и палю.

В конце XIX — начале XX в. у всех лопарей был распространен также подледный лов на озерах (ноябрь и декабрь). В это время ловили щуку, сига и кумжу. Теперь подледным ловом занимаются мало.

Способы рыболовства у кольских лопарей во многом сходны с приемами лова рыбы у скандинавских и финских лопарей, у соседнего русского и карельского населения, а также у коми и у обских угров⁶⁴.

Очень давними орудиями лова лопарей еще в конце XIX в. были, по-видимому, *острога* (*kuttal'* — иок.) и *крючок* (*лиѵп* — иок.), представлявший собой как бы очень примитивный вид удочки. Острога (лопари покупали их у кузнецов г. Кола) имела 6—7 прямых зубьев длиной около 10—12 см каждый. Острогой били щук, хариусов и налимов, а также употребляли при лучении кумжи в устьях порожистых рек⁶⁵. Об остроге у скандинавских лопарей, имеющей три и более зубьев, упоминает И. Шеффер. По его словам, с острогой охотились как днем (били главным образом щук), так и ночью⁶⁶. Этот последний способ, которым пользовались только мужчины, по-видимому, не отличается от такового у карелов⁶⁷ и коми⁶⁸.

Крючок как орудие лова представлял собой шест, воткнутый в дно реки или озера с прикрепленным к его верхнему концу крючком на бечевке. В конце XIX — начале XX в. употребляли только металлические крючки норвежского или русского производства, а в более далеком прошлом, по словам саамов, преобладали костяные и деревянные⁶⁹. Эти крючки в начале XX в. употреблялись главным образом при подледном лове — на налима (в озерах) или щуку (в реках), но ранее они применялись, по-видимому, более широко. Это подтверждает, например, тот факт, что некоторые озера в районах расселения лопарей носят названия *Луви-явр*, что в переводе означает «озеро, где ловят крючками»⁷⁰.

По своему устройству и способу применения это орудие напоминает деревянные рыболовные крючки, известные в прошлом у коми-ижемцев, а также крючки *октын*, употребляемые коми-зырянами и коми-пермяками для зимней ловли налимов⁷¹.

Аналогичное орудие лова было распространено еще в XVII в.

у скандинавских лопарей. По описанию И. Шеффера, оно представляло собой палку, воткнутую в дно реки, к которой на длинной бечевке прикреплялся опущенный в воду заостренный наподобие крючка, раздвоенный сучок можжевельника с приманкой. Рыба, схватив приманку, дергала палку, но уйти никуда не могла. Одновременно в дно реки втыкалось обычно очень много таких шестов⁷². В то же время, как замечает И. Шеффер, обычная удочка с гибким удилицем и нитью с крючком на конце, закидываемая в реку, у лопарей почти не распространена⁷³.

Для кольских лопарей она тоже не характерна. Исключение в этом отношении представляют, по-видимому, лумбовские лопари, которые в начале XX в. занимались ужением морской навиги в устье р. Лумбовки⁷⁴.

Наиболее распространенным орудием озерного лова кольских лопарей в конце XIX — начале XX в. были различных размеров ставные сети или «сетки» (*vīr'm'ə* — иок.; *sāj̄m* — клд.) с мелкой, средней или крупной ячеей. В среднем длина такой сети составляла около 20 м, высота — 3 м, а наиболее распространенный размер ячеей 3,5 × 3,5 см (или 3 × 3 см). Женщины плели сети обычно из довольно тонкой льняной пряжи, а затем просмаливали их и окрашивали березовой, ольховой или сосновой корой⁷⁵. Верхнюю и нижнюю тетиву у сетей делали из шнура, который свивали из корней сосны⁷⁶.

Для плетения сетей употребляли деревянную или костяную иглу (*кerr* — иок.), имевшую вид челнока, и деревянную палочку (*кālдк* — иок.), на которую надевалась сеть⁷⁷.

К верхней тетиве сети прикреплялись поплавки (*килр* — иок.; клд.), представляющие собой кусочки дерева с отверстиями или трубочки из бересты, для получения которых куски бересты опускали в кипящую воду. К нижней тетиве прикреплялись грузила (*к'еѳсет*, *к'епти* — клд.; *сѳпт* — иок.) — камни, завернутые (или зашитые) в бересту⁷⁸. Сети оставляли в воде обычно несколько дней, проверяя их 1—2 раза в сутки.

В настоящее время подобные сети продолжают использоваться лопарями и соседними русскими при индивидуальном озерном лове. Сети также плетут сами женщины, но употребляют теперь для этого фабричные нитки (хлопчатобумажные, шелковые или капроновые). Поплавки делают из бересты, а грузилами служат металлические кольца.

Кроме ставных сетей орудием озерного лова в конце XIX — начале XX в. служил также невод (*киѳт* — иок., *пѳх'т* — клд.) волокового или тяглогового типа⁷⁹, которым владели, как правило, только зажиточные лопари. Невод делали обычно из конопляной пряжи,

которую покупали в Коле или Кандалакше. Поплавками служили, как и у сетей, кусочки дерева или трубочки из бересты, а грузилами — зашитые в бересту камни. В середине невода устраивалась *матюца*, т. е. мешок из сети с более частой ячейей, куда попадала рыба.

Размеры неводов у лопарей были разными. Длина могла быть примерно от 150 до 400 м, а высота — около 4 м. Большой невод делали не сразу. Сначала плели невод не более 150 м длиной, а затем каждую зиму приплетали к обоим его концам дополнительные куски. Длина невода, таким образом, с каждым годом росла, пока не достигала необходимой.

При забрасывании невода один его конец закрепляли на берегу, а другой заводили в лодке на середину озера, причем часто это делала женщина. Заведенный конец заканчивался длинной веревкой, за которую и начинали с берега вытягивать невод. Затем вытаскивали невод за оба конца⁸⁰. В настоящее время такие неводы не употребляются.

У скандинавских и финских лопарей, как и у кольских, наиболее распространенными орудиями летнего озерного лова являются кошельковые невода и ставные сети⁸¹, которые известны у них уже с XVII в.⁸² Раньше сети также плели сами женщины-лопарки из длинных тонких нитей, свитых из корней сосны, а тетиву делали из конопляной веревки. Сети окрашивали с помощью краски, приготовленной из смеси измельченных березовых корней, березового нароста и золы. Поплавками служили кусочки березовой коры, а грузилами — камни, завернутые в бересту⁸³. Сейчас лопари предпочитают покупать сети фабричного производства⁸⁴.

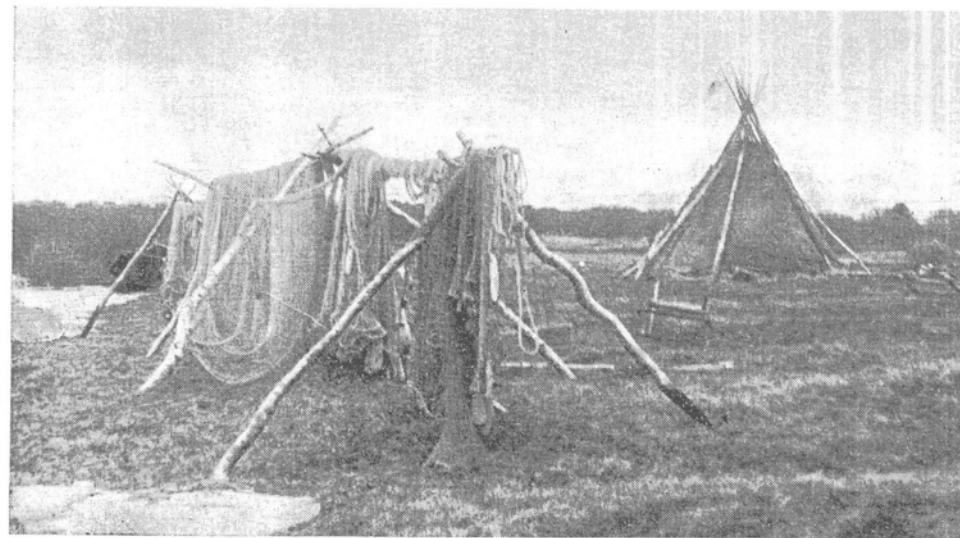
Подледный лов у кольских лопарей происходил следующим образом. На озере, недалеко от берега делали большую прорубь (*jordun* — иок; клд.) диаметром около 10 м. От нее по кругу отходили маленькие проруби — лунки (*čāgv* — иок., клд.). Затем брали деревянную жердь (*vaıl* — иок.) длиной в 10—12 саженей и к ее концу привязывали веревку (*puŋ'ŋ'* — клд.; *puŋ'ŋ'ə* — иок.), к которой в свою очередь прикрепляли конец сети. Эту жердь опускали в большую прорубь и выводили наружу в соседнюю маленькую лунку. Подтянув сеть, снова опускали жердь и выводили ее наружу в следующей соседней лунке — и так до тех пор, пока сеть подо льдом не образовывала круг. При этом один конец сети торчит в первой большой проруби, а другой, обойдя все лунки, выходит вслед за жердью в ту же прорубь. Через некоторое время сеть вытаскивали. Тащили обычно 4 человека: двое — один конец (причем один тянул за верхнюю тетиву, а другой — за нижнюю)

и двое — другой. Вся эта операция по забрасыванию и вытягиванию невода занимала около 5—6 часов.

При меньших масштабах лова и участии меньшего числа людей делали всего две проруби, отстоящих друг от друга на длину сети. Сеть подобным же образом протаскивали подо льдом так, чтобы один ее конец торчал в первой проруби, а другой выходил наружу во второй. Длина сети в этом случае обычно была меньше⁸⁵.

В настоящее время подледным ловом занимаются гораздо меньше. Он применяется только в индивидуальном лове и проводится тем же способом. Ловят сетями в основном щук и кумжу (на озере Бабьем у Сосновки, на озерах недалеко от деревни Ивановки и в других местах).

Лопари-рыболовы Шведской и Финской Лапландии, как и кольские, практикуют подледный лов, причем приемы тех и других весьма сходны. Еще И. Шеффер сообщал, что лопари «в зимнее время тянут неводы подо льдом, прорубая в нем определенных местах проруби, через которые опускаются сети. К ним прикрепляются палки такой длины, чтобы можно было протянуть сеть от одного отверстия к другому вплоть до противоположного берега. Когда это сделано, поднимают на льду шум, вспугива-

Рыболовная стоянка саамов

ют им рыб и загоняют их, таким образом, в расставленные сети»⁸⁶.

Современные лопари-сколты Финляндии поступают почти точно таким же образом. Во льду через определенные промежутки прорубаются отверстия. В крайнее из них опускается длинная (около 10 ярдов) палка, которая, как иголка нитку, протаскивает за собой сети и ставит их в нужное положение (обычно из конца в конец ставится подряд 4—5 сетей общей длиной около 120 м). Концы сетей привязывают веревками к кольшкам, поставленным на льду. Отвязать веревки и вытянуть сети — дело довольно простое, доступное женщинам и даже детям. Основной сезон подледного лова у сколтов — с октября до середины декабря. В это время, по их представлению, ловится самая высококачественная рыба (как правило, сиг), и ее стараются запасти на зиму⁸⁷.

Семужий промысел особенно характерен для кольских лопарей. Скандинавские им занимаются мало. Семгу ловят в устьях рек, куда она проходит из моря для метания икры и поднимается вверх по течению иногда на несколько десятков километров. У лопарей конца XIX — начала XX в. семужий промысел начинался вскоре после вскрытия рек, т. е. примерно в первой декаде июня, и длился до начала сентября. Наиболее распространенным орудием лова служил особый вид ставных сетей — крупноячеистые *гарвы* (haŋv — иок.), которые вязали из толстых покупных ниток и так же, как и сетки, окрашивали ольховой или березовой корой в красный цвет. От обычных сетей они отличались большими размерами и более крупной ячейей (5 × 5 см и более — до 10 × 10 см). Длина гарвы составляла обычно от 20 до 30 м, а высота — около 4 м⁸⁸.

Ставили гарвы поперек течения реки, прикрепляя к вбитым в дно кольям. Рыба, поднимавшаяся вверх по течению на нерест, запутывалась в ячейх расставленных гарв (причем попадала только крупная рыба). Проверяли сети каждые 6 часов, так как при более длительном нахождении рыбы в сетях она портилась.

Очень старинным орудием семужьего лова служили запоры (заборы, заколы) — сооружения из кольев, которыми перегораживали реки. В середине запора ставили одну или несколько ловушек из прутьев — *морды* (mjeŋt — иок.)⁸⁹. Запором семгу обычно ловило все общество. Улов делили по паям, которые получали только мужчины.

Сооружения типа запоров известны всему финскому, угорскому и русскому Северу. Кроме кольских лопарей, запоры ставили также лопари-рыболовы Норвежской и Финской Лапландии⁹⁰.

С их помощью они ловили раньше не только семгу, но и другие породы речных рыб (форель, хариус, щуку и др.).

Конструкция запоров бывала различной в зависимости от того, на какой грунт (твердый или мягкий) они ставились. Эти конструкции подробно описаны Сирелиусом в его работе о запорном рыболовстве у финно-угорских народов⁹¹. В русской Лапландии в конце XIX в., по его сведениям, запоры устраивались обычно на твердом грунте и состояли из положенных горизонтально тонких березовых стволов с суками и листьями, укрепленных особыми опорными столбами — треногами. Для большей устойчивости треноги утяжеляли камнями. В нижней части этого заграждения располагали невод. Такие же сооружения встречались в конце XIX в. у лопарей Норвегии и Финляндии⁹². В настоящее время эти виды запоров на Кольском полуострове не употребляются. Там, где еще сохранился такой способ лова, запор представляет собой заграждение из кольев, перегораживающее всю реку или ее часть, вдоль которого поставлены ловушки-морды.

Кроме описанных выше способов у кольских лопарей был распространен также лов семги «поездами». При этом способе лова выезжают две лодки, между которыми выброшена сеть. Лодки идут по течению параллельно друг другу и тащат за собой сеть. Время от времени лодки съезжаются и рыбаки выбирают попавшую рыбу⁹³. Известен был и лов семги на «дорожку» — длинную леску с металлическим крючком на конце и маленькой металлической рыбкой — блесной⁹⁴.

Озерная рыба, вылавливаемая лопарями, шла большей частью на потребление самой лопарской семьи. Напротив, семужий промысел был основным источником денежного дохода лопарей. Почти вся добываемая семга шла на продажу русским купцам, которые скупали ее за бесценок, беззастенчиво обирая местное население. Однако существовал обычай, по которому первая выловленная семга (ŋpskŋl'ŋ — иок.), какого бы размера она ни была, должна была сразу же быть разделенной между пайщиками и съедена⁹⁵.

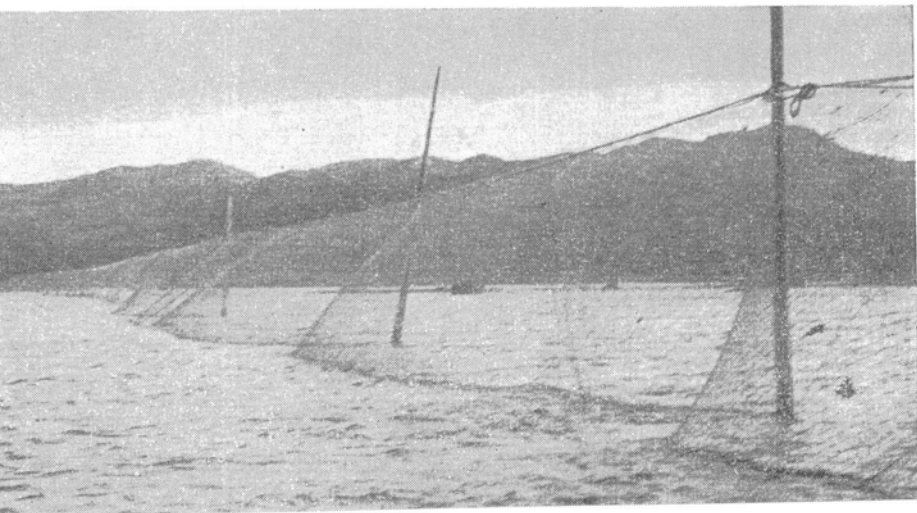
Широкое применение таких наиболее распространенных в конце XIX — начале XX в. орудий лова, как запоры и гарвы, неблагоприятно отражалось на развитии семужьего промысла. В гарвах немалая часть рыбы портилась, если сети вовремя не осматривали. В запоры же попадала почти вся рыба, поднимавшаяся вверх по течению на нерест (в том числе и молодь), что вело к истощению рыбных запасов.

В 1930-х годах гарвы повсюду были заменены ставными не-

водами. Был установлен особый режим лова — с июня, после вскрытия рек, и до августа⁹⁶.

В настоящее время (с 1961 г.) в семужьем промысле введен новый метод лова. Вся река перегораживается ставной сетью — *стенкой*, которую укрепляют на кольях, воткнутых в дно реки. Размер ячеей — $3,5 \times 3,5$ см или 4×4 см, не больше, чтобы рыба по большей части не могла застревать в ней. Высота сети — около 5 м, а длина может доходить до 500 м. К нижнему ее краю подвешиваются грузила. В сети-стенке на равном расстоянии от берегов, ближе к середине реки ставят два невода (20 м длиной, 10 м шириной и 5 м глубиной). Рыба, поднимаясь вверх по реке и наталкиваясь на «стенку», начинает двигаться вдоль нее и попадает в невод. Только очень небольшая часть рыбы застревает при этом в ячейе.

Невода и стенку просматривают один раз в сутки, обычно на «малой воде», т. е. во время отлива. Часть пойманной рыбы выпускают обратно в реку по другую сторону «стенки», и она беспрепятственно уходит вверх по реке на нерест. Этим обеспечивается сохранение и возобновление рыбных запасов. Кроме того, при таком способе лова рыбаки вынимают из сетей живую (а не уснувшую, как из гарв), с целой чешуей рыбу, которая не успевает испортиться до ее сдачи на фабрику, где она сейчас же засаливается.

Сеть-стенка, установленная для лова семги

Прибрежный лов трески, палтуса и пикши, занимавший, по-видимому, сравнительно небольшое место в системе хозяйственных занятий береговых кольских допарей и распространенный только в северо-западных районах их расселения, по своей технике не отличался от такового у соседнего русского населения. Начинаясь он в мае и велся до осени.

Основными орудиями лова служили крючковые снасти — ярус и уда.

Ярус представляет собой веревку длиной в среднем около 100 м. К ней примерно через каждые 2 м привязываются более тонкие и короткие (не более 1 м) веревки с крючками на концах, на которые наживляется приманка (обычно мелкая рыба — мойва, песчанка и др.). На концы основной веревки яруса привязывают камни-грузила, обеспечивающие погружение его по всей своей длине на дно. Иногда вместо грузил на концах и в середине этой веревки устраивают по якорю. От концов яруса отходят еще две веревки, заканчивающиеся поплавками, которые указывают место нахождения снасти. За них и вытягивают ярус примерно через 6 часов после его установки⁹⁷.

Уда состоит из алюминиевого крючка, прикрепленного к удилице с помощью тонкой пеньковой веревки, и чугунного грузила копьевидной формы⁹⁸.

Возвращение с уловом

Лов трески и другой морской рыбы происходит недалеко от берегов. Лопари выезжают на этот промысел на особых лодках — *тройниках*, снабженных тремя парами весел и имеющих трех гребцов. Иногда на тройниках ставят прямой парус⁹⁹.

В настоящее время лопари ловом трески, палтуса и пикши не занимаются.

В конце XIX — начале XX в. определенное место в хозяйственной жизни кольских саамов занимала охота, главным образом сухопутная, на тундрового и лесного зверя и птицу¹⁰⁰, а также и морская — на нерпу и гренландского тюленя.

Сухопутной охотой занимались все группы кольских саамов, и этот промысел, по-видимому, восходит у них к глубокой древности. Когда-то он наряду с рыболовством служил у саамов главным занятием, приносившим основные средства существования.

В более ранние времена преобладала охота на мясного зверя. Ее главными объектами служили лось и дикий олень, а также медведь. Позже получает развитие пушная охота — на белку, соболя, росомаху, горностая, бобра, куницу, выдру, зайца, лисицу, песца, волка и других зверей, продукция которой была постоянным источником денежного дохода саамов. По мере обеднения края зверем (вследствие хищнических способов охоты) роль этого промысла падает. Так, к концу XIX — началу XX в. почти совершенно исчезли в лесах Лапландии бобер, куница, а количество других зверей значительно сократилось.

Охота на дикого северного оленя была, по-видимому, очень давним занятием кольских саамов. К концу XIX — началу XX в. ее размеры и значение в связи с истреблением этого зверя резко уменьшились, а в 1926 г. специальным постановлением охота на оленя на Кольском полуострове была вообще запрещена, что остается в силе и до сих пор.

Охота на дикого оленя начиналась осенью, когда выпадал снег, т. е. примерно с ноября, и продолжалась всю зиму и весну, приблизительно до конца апреля, пока еще можно было ходить на лыжах. Кроме того, охотились также и летом в самое комарное время, когда олени, спасаясь от комаров, бежали по тропам, ничего не видя вокруг.

Основные места обитания дикого оленя на Кольском полуострове — южные, лесотундровые районы. Северная граница их распространения в конце XIX в. находилась примерно на широте Имандры — Ловозера — р. Поной. В настоящее время значитель-

ные стада диких оленей встречаются в районе Варзуги, Поной, Сосновки, а иногда и у Краснощелья. Кроме этого, стада диких оленей имеются в западных районах полуострова — в Лапландском государственном заповеднике.

Охотничьи территории на дикого оленя были разделены между погостами. У восточных саамов сохранились воспоминания о границах этих охотничьих угодий. Так, лумбовские саамы охотились в районе нижнего течения р. Пурнач (приток Поной), сосновские — южнее, к северу от Бабозера и в южных Кейвах. А еще южнее, в лесах между Варзугой и Сосновкой, промышляли дикого оленя каменские саамы¹⁰¹.

Зимняя охота часто бывала коллективной, так как в это время дикие олени держатся обычно стадами (до 100 голов и более). На нее выезжало население всего погоста, иногда даже женщины. Летом олени живут поодиночке, и охотники промышляли их, собираясь обычно по 2—3 человека.

В XVII—XVIII вв., по-видимому, наиболее распространенным способом охоты на диких оленей был промысел их с помощью ловчих ям — прием, характерный также и для скандинавских лопарей. Лопари на оленьих тропах выкапывали глубокие ямы, маскируя их ветками, мхом и снегом. В них и попадали олени, загоняемые охотником¹⁰². Охота с ямами проводилась обычно осенью, когда было еще немного снега. Чаще всего она была, по-видимому, коллективной.

Загоняя оленей в ямы, лопари часто использовали изгородь, что, по-видимому, было более характерно для тундровой полосы. М. А. Кастрен приводит описание этого способа охоты на диких оленей, сделанное Торнеусом. На пространстве длиной около 2 миль и шириной около 1 мили охотники ставили высокие шести, образующие своеобразный, сужающийся к концу коридор. К каждому шести привязывали обычно что-нибудь черное (например, кусок ткани), чего олени пугались. Во второй (более узкой) половине коридора шести с каждой стороны переходили в высокую изгородь. Заканчивался коридор большой, глубокой ямой, окруженной сплошным высоким забором. Соорудив эту ловушку — «вуомен» — охотники загоняли в нее всех диких оленей, которые, оказавшись между шестами и пугаясь черных лоскутьев, висящих на них, бежали прямо по направлению к яме, куда и попадали. Выбраться отсюда они уже не могли, и здесь их убивали охотники¹⁰³.

Н. Н. Волков так описывает этот способ охоты у кольских лопарей, воспроизведенный им по воспоминаниям стариков-саамов. Обнаружив с осени стадо диких оленей, все население погоста

строило зимой изгородь, которая достигала иногда 10 км в длину и представляла собой сваленные стволы деревьев, между которыми оставлялись проходы с замаскированными в них снегом и ветками ямами. Оленей гнали к изгороди, где они проваливались в ловушки¹⁰⁴.

О подобной же коллективной охоте загоном у скандинавских лопарей сообщает И. Шеффер, отмечая, что лопари «загоняют оленей собаками... в особые сплетенные из ветвей и кольев загоны, охватывающие со всех сторон значительный участок леса, в которые попадаетея иногда целое стадо»¹⁰⁵. Упоминают об этом способе и другие авторы¹⁰⁶.

Вышеописанная охота на диких оленей с ловчими ямами уже давно, по-видимому, перестала применяться. Уже М. А. Кастрен, побывавший в Русской Лапландии в конце 30-х годов XIX в., не застал его на практике, а слышал о нем только из рассказов лопарей¹⁰⁷. Широкое былое распространение этого способа охоты подтверждается и наличием на территории Лапландии большого числа ям, служивших раньше, по рассказам стариков-лопарей, для охоты на диких оленей. Эти ямы можно встретить на Кольском полуострове до сих пор.

Кроме лопарей способ охоты на диких оленей с ямами зафиксирован у кетов¹⁰⁸ и у американских эскимосов¹⁰⁹. Таймырскими самоедами применялась загонная охота с использованием особых изгородей¹¹⁰, что очень напоминает способ, описанный Торнесом.

Не менее старинным способом охоты на диких оленей, применявшимся еще, по-видимому, в конце XIX в., была ловля их в силки-петли, сделанные из веревок или ремней (а раньше, по-видимому, и из древесных корней) и настороженные между деревьями. Попадавших в силки животных убивали обычно дротиками и копьями¹¹¹. Ловля оленей петлями известна кроме лопарей также у лесных самоедов¹¹².

Кроме того, известна также охота на дикого оленя с луком, который позднее был вытеснен огнестрельным оружием (употреблялись пицали, кремневые ружья и, наконец, обычные ружья современного типа). Лук и стрелы, как и охотничье оружие, у кольских лопарей довольно долго сохраняли свое значение, гораздо дольше, по-видимому, чем у лопарей скандинавских. Однако в конце XIX в. они, по всей вероятности, уже не употреблялись¹¹³.

За неимением данных по кольским лопарям мы приводим описание лука и стрел, которыми пользовались скандинавские лопари в XVII в. Лук (juks) был большой, толщиной в палец, длиной до трех локтей. Делали его обычно из двух склеенных друг с другом

с помощью рыбного клея слоев деревьев разной породы (сосны и березы), а сверху плотно обматывали лубом или берестой так, чтобы не было видно шва¹¹⁴. При охоте на диких оленей (как и на других крупных зверей — лося, волка, иногда медведя) лопари использовали стрелы из дерева (ludd) с острыми железными, а иногда костяными или роговыми наконечниками. Деревянный конец стрелы в последнем случае прожигали раскаленным железом и в получившуюся трещину вставляли острый осколок кости или рога, приклеивали его к древку и заостряли. Для охоты на мелких пушных зверей (белку, соболя, горностая) использовали особые стрелы с тупыми деревянными концами, чтобы не портить шкурки. Зверек, пораженный такой стрелой, падал мертвым от одной только силы удара¹¹⁵.

Осенью кольские лопари охотились на дикого оленя с луком, а позднее с ружьем, часто с помощью манщика — этот прием характерен для многих народов арктической полосы. В качестве манщика использовали как самца (хирваса), так и самку (важенку). Диких оленей, устремлявшихся к манщику, убивали из засады¹¹⁶. В оленьем стаде обычно имелась специальная категория оленей-манщиков, предназначенных для охоты и содержавшихся отдельно от остальных¹¹⁷. Весной издавна практиковалась охота на лыжах-голицах по насту. Олени проваливались в начинающий таять снег и легко становились добычей охотников¹¹⁸. Такие же приемы использовали и скандинавские лопари¹¹⁹.

Охотились на дикого оленя как зимой, так и летом, иногда с собакой, которая выслеживала добычу и помогала загонять зверя в ловушки. При этом на собаку, чтобы она не лаяла, надевали специальный намордник, сшитый из кожи (n'unng egjædt — иок.; n'ungot — клд.), в виде мешочка с отверстиями, или сделанный из бересты¹²⁰.

Пушная охота у кольских лопарей начиналась примерно с середины ноября — сразу после переезда в зимние погосты — и продолжалась до апреля. Лопари западных и центральных районов полуострова (нотозерские, бабенские, печенгские, сонгельские, экостровские, ловозерские и вороненские) охотились главным образом в лесных и горных районах полуострова на лисицу, белку, куницу, горностая и других зверей. У восточных лопарей (семиостровских, каменных, иоканьгских, лумбовских, понойских и сосновских) преобладала охота на белого и голубого песцов в тундровых районах (как внутренних, так и прибрежных). Охотились также на лисицу, куницу, росомуху и др. У лопарей западных районов полуострова в конце XIX — начале XX в. наиболее была распространена охота с ружьем и преследованием

зверя по следу на лыжах, с собакой. У восточных большое место занимал лов капканом на приманку — *приваду*, которой служили олени потроха или рыбные отбросы. Так ловили главным образом песцов. Охотник обычно уезжал в тундру месяца на два или три. Выбрав подходящее место, он ставил свое походное жилище — *куваксу*¹²¹ и развозил приваду на те места, где обычно бывает песец. Рядом с привадой ставил капканы, которые проверял каждые три дня¹²². Наряду с капканами песца добывали также пастью (*rad'd'* — инок.), которая у сосновских лопарей употреблялась еще в конце 20-х годов нашего века¹²³. Кроме того, лопари применяли и некоторые другие приспособления. Так, еще совсем недавно на куницу охотились с сетью, которую расставляли ночью под деревом. Из дупла или норы зверька выкуривали специально разводимым дымокурором. Он выскакивал и попадал в сеть¹²⁴. Подобный способ охоты на куницу с сетью известен у карелов¹²⁵. Таким же образом охотились на куницу и ненцы¹²⁶. Употребляли сети для ловли различных зверей и охотники коми¹²⁷.

Для охоты на волков, росомх и других зверей лопари применяли иногда следующее орудие. Ставили невысокий столб (иногда для этого использовали пень срубленного дерева), предварительно облитый водой, вода замерзала, отчего поверхность его становилась скользкой. Верхний конец столба расщепляли на несколько частей и укрепляли на нем приманку. Зверь, схватывая ее, попадал лапами между торчащими острыми зубцами и повисал на обмороженном скользком столбе, не имея возможности освободиться¹²⁸. Подобные западни (*kärälälauta* — карел.) использовали карелы при охоте на лисицу¹²⁹. Употребляли подобное орудие и ненцы для охоты на росомх¹³⁰. Лисиц лопари стреляли из ружья, ловили на приваду или, разоряя лисьи норы, вытаскивали маленьких лисят и выращивали их в неволе¹³¹. Последний способ известен также у ненцев¹³².

Большое место среди промыслов лопарей издавна занимала лесная охота на птиц (тетеревов, глухарей), которая была в основном делом подростков и стариков. Промысел водяной птицы — гаг, гусей, уток — был по большей части случаен. Охотились с огнестрельным оружием или с помощью петель-силков. Линяющих гусей били палками.

В конце XIX — начале XX в. у кольских саамов была особенно распространена охота зимой на куропаток, которые в огромном количестве водились в тундровых и лесных районах полуострова. Ловили их силками (*šišš, kil* — клд.)¹³³, которые делали следующим образом. К двум палочкам, воткнутым в землю наклонно по отношению друг к другу, привязывалась небольшая петля из

оленьих жил или льняных нитей. Чтобы куропатка попала в петлю, последнюю замаскировывали ветками¹³⁴.

Скандинавские лопари, по указанию И. Шеффера, охотились на птиц круглый год. Летом их били из луков и пищалей, а зимой ловили силками. Последние представляли собой большую выпуклую сеть из березовых прутьев с несколькими входами, к которым прикреплялись силки, сплетенные из нитей¹³⁵. По данным начала XX в., скандинавские лопари в ноябре-декабре охотились на тетеревов, которых ловили силками (*reksage — giele*), а в конце мая и июне — на водяную (морскую) птицу, на которую охотились с плота¹³⁶.

Ловушка на тетерева напоминает по своему устройству петлю-ловушку на куропатку кольских саамов. Она представляет собой двуногую березовую клюку, высотой примерно 80 см, к верхушке которой прикрепляется петля, сделанная из оленьих жил (в XX в. петли стали делать также из конского волоса или медной проволоки). Эти ловушки с петлями расставляются в снегу по несколько в ряд на расстоянии около одного фута¹³⁷ друг от друга. Пространство между ними устилается березовыми ветками, служащими приманкой. Тетерева опускаются, чтобы пощипать березовые почки, и попадают в ловушки¹³⁸.

Промысел диких гусей и уток у скандинавских саамов, как и у кольских, носит случайный характер. Однако у них также имеются некоторые специальные приспособления. Ловля этих птиц, как уже говорилось, производится с плота, на котором устраивается ловушка. Ловушка представляет собой сооружение, напоминающее шалаш из березовых прутьев, внутри которого на дне плота находится приманка (кусочек рыбы), а над ней, на специальной дуге из ивовой ветви, укреплены силки-петли¹³⁹.

В настоящее время охотничий промысел занимает очень небольшое место в системе хозяйственных занятий кольских саамов, что объясняется, по-видимому, как сокращением количества пушных зверей в крае, так и ростом оленеводства, которое стало главной отраслью хозяйства. Основные способы современной охоты — с капканами фабричного производства и охота с ружьем с помощью собаки.

✱

Промысел морского зверя на Кольском полуострове уходит своим корнями в глубокое прошлое. Археологические исследования, проведенные на Мурманском побережье, обнаружили следы древнего населения времен неолита и раннего металла, главными

занятиями которого были, по-видимому, морское рыболовство и промысел морского зверя. Это подтверждается прежде всего наличием в культурном слое прибрежных стоянок огромного количества костей морских животных (главным образом тюленя)¹⁴⁰, а также характером промыслового инвентаря, в составе которого имеются каменные и костяные наконечники для стрел и копий, костяные гарпуны, костяные рыболовные крючки и другие предметы¹⁴¹. Население этих стоянок жило, по-видимому, постоянно вблизи от моря и вело полуседлый образ жизни. В пользу этого свидетельствуют обнаруженные в 3—4 км от берега поселения, по-видимому, постоянного характера с более мощным культурным слоем, более многочисленным и разнообразным инвентарем и остатками жилищ полуземляночного типа. Таких поселений было открыто три: на берегу р. Уры, в 3—4 км от побережья, на р. Харловке, в 4 км от ее устья, и на южном берегу Иоканьгского озера¹⁴². По мнению Н. Н. Гуриной, древнее береговое население этих мест, занимавшееся летом и осенью морским рыболовством и зверобойным промыслом и жившее на временных стоянках у самого моря, зиму проводило в своих постоянных поселках в некотором удалении от моря. Главным их занятием зимой служили подледный лов рыбы и охота на сухопутного зверя¹⁴³.

Среди этнографических материалов, собранных у кольских саамов, имеются данные, подтверждающие большое значение морского зверобойного промысла в их хозяйстве давнего прошлого. Так, нерпа и морской заяц (лахтак) фигурируют в саамском фольклоре¹⁴⁴. Саамы юго-восточных районов Кольского полуострова, населявшие села Поной и Сосновку, среди которых преобладала фамилия Харлиных, считали себя происшедшими из рода «тюленя»¹⁴⁵. Сами кольские саамы утверждают, что этим промыслом они когда-то занимались¹⁴⁶. Однако литературные материалы XVII—XIX вв. почти не содержат упоминаний о морском зверобойном промысле у саамов. По-видимому, к этому времени в связи с развитием оленеводства, изменением экологических условий или под влиянием каких-то других причин промысел в значительной мере уже сошел на нет, сохранив еще некоторое значение у очень небольшой части прибрежных саамов. В сокращении размеров саамского зверобойного промысла определенную роль сыграло и появление в этих местах русских промышленников-зверобоев, технически оснащенных гораздо лучше лопарей. Естественно, что зверобой-лопарь конкурировать с ними не могли. У скандинавских лопарей морской зверобойный промысел в настоящее время также имеет очень ограниченное распространение (только в районе Варангер-фиорда).

В конце XIX — начале XX в. морским зверобойным промыслом занималась только часть кольских лопарей восточных районов полуострова, живших в непосредственной близости от берегов Баренцева и Белого морей. Сюда относятся лопари кильдинские, семиостровские, иоканьгские, лумбовские, понойские и сосновские. Они охотились на нерпу и морского зайца, а также занимались так называемым торосовым промыслом гренландского тюленя в горле Белого моря¹⁴⁷.

На нерпу (rok, rog — иок.) охотились летом, примерно с июня и до конца октября. Лопари каждого погоста охотились недалеко от своих поселков в заливах или в устьях рек, впадающих в Ледовитый океан. Основным орудием лова нерпы издавна служила сеть (rog'e viġ'm' — иок.), отличающаяся от рыболовной более крупной ячейей (15 × 15 см). Сети ставили у берегов таким образом, что они образовывали своеобразные ловушки, попав в которые, обратно нерпа выйти уже не могла и запутывалась в ячее¹⁴⁸. В одну сеть попадалось иногда до 5 зверей. Просматривали сети один раз в сутки, обычно по утрам.

Кроме так называемого сетного промысла нерп стреляли из ружей с лодок или с берега (на расстоянии от 50 до 200 м). Иногда ловили переметом. В это же время года охотились и на морского зайца, лов которого также производился только вблизи берегов с помощью сетей или ружей¹⁴⁹. В настоящее время (примерно последнее десятилетие) промысел нерпы и морского зайца почти не производится, хотя эти звери и продолжают появляться летом у кольских берегов¹⁵⁰.

Торосовый промысел на гренландского тюленя (pġer'g' — иок.) длился с середины февраля и до середины апреля. Основное его место (rġnt — saj — иок.) — прибрежные участки в районе горла Белого моря, примерно от Орлова мыса до Сосновца¹⁵¹, куда съезжалось все лопарское и русское население (в основном мужское), участвующее в промысле. Наиболее благоприятным для этого промысла ветром был северо-восточный («полночник»), хорошо прижимавший льды к берегу. Неплохо проходил промысел по той же причине при юго-восточном ветре («обедник»), восточном («встоке») и южном («летнем»). При этих ветрах охотников не могло унести в море. И, наоборот, очень неблагоприятны и даже опасны были северо-западный («побережник»), западный и юго-западный («шелоник») ветры.

Способы охоты на тюленя у лопарей и русских терского берега в конце XIX — начале XX в. не отличались друг от друга и имели также много общего с организацией этого промысла у русских Архангельского Севера¹⁵².

Торосовый (или прибрежный) промысел разбивался на несколько периодов. Начало промысла — «загребной лов», при котором охотники, стоя на берегу (т. е. на прибрежных льдах-торосах), били из ружей зверей (самок), подплывавших к береговым льдинам рожать детенышей. Охотники шли по льдам на лыжах, подшитых тюленьей шкурой. Охотились обычно парами. «Стрелок» поражал зверя с берега из ружья, а «переемщик» подъезжал к нему вплотную на лодке и колот гарпуном, затем прицеплял тушу к корме лодки и подвозил к берегу. Второй период лова называли «лостебна», когда самки находились на льду вместе с детенышами. Старики говорили, что зверя «нанесло на багор». Охотились в этот период на лыжах и били зверя баграми (кјх, кие — иок., что означает *крюк*) в голову. Багор представляет собой длинный железный наконечник с острием и крюком на конце, насаженный на длинную деревянную палку. Третий период лова — «залейка», когда на льду оставались самки с самцами. В этот период зверя били из ружей на льдинах, а иногда подъезжая к нему на лодке. Шкуры от этой охоты наименее ценны (поцарапаны и почти без жира). Шкуры вместе с жиром снимали со зверей тут же, на месте промысла, и тянули на лямках по льдам к берегу. Тянули сами охотники или, если ветер хорошо прижимал лед к берегу, запрягали в сани 3—4 оленей. Туши тюленей оставляли на льдинах, и они никакого применения в хозяйстве не находили¹⁵³.

Торосовый промысел таил в себе немало опасностей и был постоянно связан с риском для жизни. Во время промысла охотники уходили на лыжах по льдам километра на 2—3 в сторону открытого моря и были нередки случаи, когда они не возвращались, так как переменявшийся вдруг ветер уносил их льдину в море.

Промысел морского зверя, особенно тюленей, в конце XIX — начале XX в. приносил лопарям большой доход. Тюленьи шкуры и жир почти целиком шли на продажу архангельским купцам, которые, скупая их тут же, на месте промысла, с первыми пароходами (в мае-июне) отправляли в Архангельск. Шкуры нерпы потреблялись в основном в хозяйстве. Они шли на изготовление оленьей упряжи, промысловой обуви, подшивку лыж, на выделку выючных и других сумок и пр. Жир нерпы, особенно у саамов-бедняков, использовался иногда для освещения. Такие жировые светильники (местн. русск. — «сальник»; лоп. — неизвестно) были распространены в прошлом у лопарей Варзина, Иоканьги, Лумбовки, Поной и Сосновки¹⁵⁴.

В настоящее время размеры колхозного промысла гренландского тюленя сравнительно невелики. Ведется он в основном силами русских рыболовецких колхозов Терского берега (села

Пялица, Чапома, Сосновка, Поной). Русское население других поселков Терского берега (Кузреки, Оленицы, Чаваньги, Тетрины, Стрельны, Кашкаранцев), которое раньше съезжалось на промысел, теперь им не занимается. Частично в промысле принимают участие и лопари, которые приезжают из Иоканьги, Варзина, иногда из Ивановки и Ловозера. Основное время охоты — март. Организация промысла в основном сохраняется прежняя, за исключением того, что на лед теперь перестали выходить на лыжах, а ходят на зверя пешком.

★

Закончив рассмотрение приемов традиционных промыслов кольских саамов, можно сделать следующие выводы. В хозяйственном типе этого народа выявляется две группы черт. С одной стороны — континентальные, с другой — береговые. Континентальный характер культуры сказывается прежде всего в двух, основных исконных занятиях саамов — озерном рыболовстве и охоте, главным образом на дикого оленя, а также и на пушного зверя. Приемы рыболовства саамов имеют много общего с карелами и коми — двумя соседними «лесными» народами. Что касается способов охоты (ямы, силки, сети и др.), то они не только характерны, а по существу и возможны только в лесной зоне. По сообщениям самих саамов, они чаще предпочитали охотиться в южных лесных и лесотундровых районах (за исключением охоты на песца). К тому же промышляемые звери (бобр, россомаха, горностай, куница, белка и др.) в большинстве — лесные «жители». Эти черты охотничье-рыболовческого хозяйства саамов отличаются, по-видимому, очень большой древностью.

Континентальный характер культуры проявляется также и в явлениях более позднего порядка, а именно в саамском оленеводстве, первичной формой которого, на наш взгляд, было оленеводство лесного типа.

Черты береговой культуры проявляются главным образом в хозяйстве саамов, занимающихся морским зверобойным промыслом. Морской зверобойный промысел известен на Кольском полуострове с неолита, и имеются данные, что саамы занимались им издавна, но этнографические материалы конца XIX — XX в. свидетельствуют о его локальном характере в то время. Он распространен главным образом у берегов Белого моря, а в других местах, особенно на западе Мурманского берега, в значительной мере случаен.

Второстепенное значение морского зверобойного промысла в хозяйстве саамов подтверждается и характером употребляемых

в нем орудий. Такое орудие, как гарпун, столь характерное для зверобойного промысла других народов (ненцев и народов крайнего Северо-Востока Сибири) и распространенное у неолитических зверобоев Мурманского берега, у саамов в конце XIX—XX в. имел крайне ограниченное применение (только в первый период торового промысла, при так называемом загребном лове).

Основным орудием лова морского зверя у кольских саамов с давних пор была сеть, которую еще в начале XX в. ставили на нерпу (гог'ε — вiг'm' — иок.), а в более далеком прошлом — также на морского зайца и на тюленя (пјег'г'а-sājм — клд.). Не исключено, что сеть на морского зверя ведет свое происхождение от рыболовной (sājм, вiг'm'). В пользу этого свидетельствуют как одинаковые названия той и другой, так и то, что у саамов всегда одним из главных занятий было рыболовство, а важнейшим орудием лова — сеть.

Саамы в отличие от других народов, занимающихся морским зверобойным промыслом, очень ограниченно использовали для своих нужд его продукцию. Мясо морских зверей они никогда не употребляли в пищу. Его или выбрасывали, или использовали (тушки нерпы) в качестве «привады» на песка. Сравнительно неширокое применение в хозяйстве саамов находили и шкуры морских животных (нерпы). Вся основная одежда, а также покрытие для жилищ издавна делались из оленьих шкур.

Кроме нерпы, морского зайца (лахтака) и гренландского тюленя у берегов Кольского полуострова нередко появлялись киты и белухи. Однако промыслом этих зверей саамы не занимались. Только в том случае, когда море выбрасывало на берег мертвых китов, саамы немедленно, не разделявая, продавали их кольским кушцам¹⁵⁵.

Заслуживает внимания, на наш взгляд, также следующее обстоятельство. Как уже говорилось, саамы Поноя и Сосновки, среди которых преобладает фамилия Харлиных, считают себя происшедшими из рода «тюленя», который, по преданию, «ходит по земле». Это как бы подчеркивает континентальный характер их культуры, где промысел морского зверя играл далеко не главную роль.

Таким образом, можно сделать вывод, что береговые элементы в хозяйственном типе саамов, хотя и ведут свое существование с неолита, носят довольно ограниченный характер. Более отчетливо и широко проявляются черты не менее древней, континентальной культуры, выраженной в сухопутной охоте, рыболовстве и более позднем оленеводстве.

- ¹ Не все эти колхозы были чисто саамскими. В состав населения некоторых из них вошли также русские, коми, ненцы, карелы и др.
- ² Составлена по полевым материалам автора 1958—1968 гг. А. А. Киселев. Из истории социалистических преобразований среди саамов Кольского полуострова за 50 лет Советской власти «Уч. зап. Карельского Гос. пед. ин-та», т. XXX. Мурманск, 1967.
- ³ Саамы к-за «Им. В. И. Ленина» входят в основном в состав рыболовецких бригад.
- ⁴ А. Э. Брем. Жизнь животных, т. V. М., 1944, стр. 566.
- ⁵ Важенка — оленья самка.
- ⁶ Особая категория оленей, которые приучены ходить под вьюком. Летом их выпасали обычно на островах, отчего называли также островными. Количество таких оленей в семье бывало от одного до двух на мужчину.
- ⁷ Саамские термины приводятся по принятой лингвистами транскрипции, несколько нами упрощенной. Термины даются на двух наиболее распространенных сейчас диалектах — иоканском (иок.) и кильдинском (клд.) или за недостатком данных — на одном из них.
- ⁸ В. В. Чарнолуцкий. Заметки о пастьбе и организации стада у лопарей. «Кольский сборник». Л., 1930, стр. 29, 30.
- ⁹ В. Х. (В. Харузина). На Севере. М., 1890, стр. 198.
- ¹⁰ В. В. Чарнолуцкий. Заметки о пастьбе..., стр. 30.
- ¹¹ Архив ИЭ АН СССР, Ена, Варзино, 1965.
- ¹² Лопари-сколты говорят на собственном диалекте. В языковом отношении исследователи объединяют их вместе с лопарями инари и кольскими лопарями в единую группу — восточные лопари.
- ¹³ Т. I. Itkonen. Suomen lappalaiset Vuoteen 1945, vol. I. Helsinki, 1948, s. 160, 161; P. I. Pelto. Individualism in Scott Lapp Society. Helsinki, 1962, p. 45, 46.
- ¹⁴ P. I. Pelto. Указ. соч., стр. 45, 46.
- ¹⁵ Ø. Vorren, E. Manker. Lapp life and customs. London, 1962, p. 27.
- ¹⁶ Н. Оверецковский. Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804, стр. 68.
- ¹⁷ Н. Н. Харузин. Русские лопари. М., 1890, стр. 106.
- ¹⁸ В. В. Чарнолуцкий. Заметки о пастьбе..., стр. 30, 31 и др.
- ¹⁹ Архив ИЭ АН СССР, 1965.
- ²⁰ В. В. Чарнолуцкий. Материалы по быту лопарей. Л., 1930, стр. 66; он же. Заметки о пастьбе..., стр. 26.
- ²¹ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964, № 64.
- ²² С. Дурылин. За полночным солнцем. М., 1913, стр. 95.
- ²³ Архив ЛО ИЭ АН СССР, к. I, оп. 1, № 3.
- ²⁴ В. В. Чарнолуцкий. Заметки о пастьбе..., стр. 42.
- ²⁵ Там же, стр. 41—44.
- ²⁶ Там же, стр. 43.
- ²⁷ Там же, стр. 41, 42.
- ²⁸ P. J. Pelto. Указ. соч., стр. 46.
- ²⁹ T. Vuorela. The Finno-Ugric peoples. Hague, 1964, p. 54.
- ³⁰ Ø. Vorren, E. Manker. Указ. соч., стр. 25, 26.
- ³¹ T. Vuorela. Указ. соч., стр. 53.
- ³² Ø. Vorren, E. Manker. Указ. соч., стр. 26, 27.
- ³³ Таа же, стр. 27.
- ³⁴ В. В. Чарнолуцкий. Заметки о пастьбе..., стр. 31, 33, 34.
- ³⁵ Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 107.
- ³⁶ P. J. Pelto. Указ. соч., стр. 34, 36.
- ³⁷ В. В. Чарнолуцкий. Заметки о пастьбе..., стр. 31, 32, 63, 64.
- ³⁸ Фонды ГМЭ, колл. 445, № 16.
- ³⁹ В. В. Чарнолуцкий. Заметки о пастьбе..., стр. 34, 35.
- ⁴⁰ Ø. Vorren, E. Manker. Указ. соч., стр. 29.
- ⁴¹ I. Scheffer. Lappland. Frankfurt a. M.—Leipzig, 1675, S. 243—244, 252.
- ⁴² Г. М. Василевич, М. Г. Левин. Типы оленеводства и их происхождение. СЭ, 1951, № 1, стр. 82; A. Nesheim. Eastern and Western elements in culture. «Lapps and Norsemen in Olden Times». London, 1967, p. 135.

- 43 В. Рилтер. Доение важенок. «Карело-Мурманский край», 1932, № 3—4, стр. 66—67; А. Nesheim. Указ. соч., стр. 135; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.
- 44 Ø. Vorren, E. Manker. Указ. соч., стр. 78.
- 45 Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.
- 46 В. В. Чарнолуцкий. Материалы по быту лопарей, стр. 26.
- 47 Подробнее об этом см. в главе «Способы и средства передвижения».
- 48 Ø. Vorren. The Reindeer Industry. North Norway of 65. «Tromsø Museums skrifter». Oslo, 1960, p. 172—174.
- 49 Г. Д. Вербов. Лесные ненцы. СЭ, 1936, № 2, стр. 63, 64; Л. В. Хомич. Ненцы. М.—Л., 1966, стр. 21.
- 50 В. И. Васильев. Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение. «Краткие сообщения ИЭ АН СССР», № XXXVI, 1962.
- 51 Г. Н. Прокофьев. Остяко-самоеды Туруханского края. «Этнография», 1928, № 2.
- 52 Н. К. Каргер. Оленеводство у енисейцев. «Советский Север», 1930, № 6.
- 53 В. И. Васильев. Указ. соч., стр. 71—72; «Народы Сибири». М.—Л., 1956, стр. 580.
- 54 Л. В. Хомич. Указ. соч., стр. 50.
- 55 В. В. Чарнолуцкий. Заметки о пастьбе..., стр. 63—65.
- 56 Архив ЛО ИЭ АН СССР, к. I, оп. 1, № 3, стр. 166.
- 57 В. В. Чарнолуцкий. Заметки о пастьбе..., стр. 30.
- 58 Главными их занятиями сейчас являются молочное животноводство и рыболовство.
- 59 Численность ненцев на Кольском полуострове крайне незначительная (около 130 человек), но почти все они работают пастухами в оленеводческих бригадах.
- 60 Архив ИЭ АН СССР, Ловозеро, 1964.
- 61 Теперь она носит название МООС — Мурманская опытная оленеводческая станция.
- 62 В. В. Чарнолуцкий. Заметки о пастьбе..., стр. 42; Н. Озерецковский. Указ. соч., стр. 68.
- 63 А. Яценко. Несколько слов о Русской Лапландии. СПб., 1892, стр. 19.
- 64 Р. Ф. Тароева. Материальная культура карел. М.—Л., 1965, стр. 23—60; В. Н. Белицер. Очерки по этнографии коми. М., 1958, стр. 91—106; Н. Трескин. Северный край Европейской России и его промыслы. СПб., 1892; В. И. Васильев. Проблема происхождения орудий запорного рыболовства у обских угров. «Сибирский этнографический сборник», IV. М., 1962 и др.
- 65 Архив ЛО ИЭ АН СССР, к. I, оп. 1, № 3, стр. 216.
- 66 I. Scheffer. Указ. соч., стр. 309.
- 67 Р. Ф. Тароева. Указ. соч., стр. 37.
- 68 В. Н. Белицер. Указ. соч., стр. 100.
- 69 Архив ЛО ИЭ АН СССР, к. I, оп. 1, № 3, стр. 215, 216.
- 70 Архив ЛО ИЭ АН СССР, к. I, оп. 1, № 3, стр. 216.
- 71 В. Н. Белицер. Указ. соч., стр. 99.
- 72 I. Scheffer. Указ. соч., стр. 309.
- 73 Там же.
- 74 В. В. Чарнолуцкий. Материалы по быту... стр. 87.
- 75 Фонды ГМЭ, колл. 445, № 47; Н. Озерецковский. Указ. соч., стр. 67.
- 76 Фонды ГМЭ, колл. 1390, № 166; Н. Озерецковский. Указ. соч. 67.
- 77 Фонды ГМЭ, колл. 5845, № 3, 4; колл. 6794, № 97; колл. 1423, № 91. Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1965, № 64.
- 78 Фонды ГМЭ, колл. 445, № 47; колл. 5845, № 79; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1965, № 64.
- 79 См. классификацию орудий рыболовства: В. Н. Белицер. Указ. соч., стр. 93—94; А. О. Бежкович, С. К. Жегалова, А. А. Лебедева, С. К. Просвирина. Хозяйство и быт русских крестьян. «Памятники материальной культуры». М., 1959, стр. 60.
- 80 А. Яценко. Указ. соч., стр. 19, 21; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1965, № 64.
- 81 T. Vuorela. Указ. соч., стр. 59, 60; P. J. Pelto. Указ. соч., стр. 49, 50.
- 82 I. Scheffer. Указ. соч., стр. 308.
- 83 T. Vuorela. Указ. соч., стр. 59.
- 84 P. J. Pelto. Указ. соч., стр. 49.
- 85 Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1965, № 64.
- 86 I. Scheffer. Указ. соч., стр. 309, 310.
- 87 P. J. Pelto. Указ. соч., стр. 51, 53—54.
- 88 Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64; Н. Дергачев. Статистический очерк Лапландии. СПб., 1869, стр. 50.
- 89 В. В. Чарнолуцкий. Материалы по быту..., стр. 87, 91; А. Яценко. Указ. соч., стр. 19—21; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964, № 64.
- 90 T. Vuorela. Указ. соч., стр. 60; U. T. Sirelius. Über die Sperfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern. Helsingfors, 1906, S. 136 и сл.
- 91 U. T. Sirelius. Указ. соч., стр. 138—151.
- 92 Там же, стр. 143.
- 93 Н. Дергачев. Указ. соч., стр. 49.
- 94 С. Дурылин. Указ. соч., стр. 96.
- 95 Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964, № 64.
- 96 Там же.
- 97 В. Верещагин. Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849, стр. 69, 70; Н. Дергачев. Указ. соч., стр. 44; Д. А. Золотарев. На Западномурманском побережье летом 1928 г. «Кольский сборник», 1928, 8, 9.
- 98 Фонды ГМЭ, колл. 5018, № 1.
- 99 В. Верещагин. Указ. соч., стр. 71; Н. Дергачев. Указ. соч., стр. 44.
- 100 В географическом отношении Кольский полуостров сочетает в себе зону тундры и лесотундры (южные районы), так что лопари могут охотиться как на тундрового, так и на лесного зверя.
- 101 В. В. Чарнолуцкий. Материалы по быту..., стр. 80; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964, № 64.
- 102 Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 280.
- 103 М. А. Кастрен. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838—1844; 1845—1849). М., 1960, стр. 30.
- 104 Архив ЛО ИЭ АН СССР, к. I, оп. 1, № 3, стр. 175.
- 105 I. Scheffer. Указ. соч., стр. 260, 261.
- 106 T. Vuorela. Указ. соч., стр. 60, 61.
- 107 М. А. Кастрен. Этнографические замечания и наблюдения о лопарях, карелах, самоедах и осяках, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838—1844 гг. «Вестник РГО», 1856, ч. 17, кн. 4, стр. 307.
- 108 Б. О. Долгих. Проблемы этнографии и антропологии Арктики. СЭ, 1964, № 4, стр. 83.
- 109 K. Birket-Smith. The Caribou Eskimos, vol. 2. Copenhagen, 1929, p. 159, 160.
- 110 Б. О. Долгих. Проблемы этнографии и антропологии...; Ю. Б. Симченко. Основные черты культуры охотников на дикого оленя Северной Евразии. М., 1964, стр. 2.
- 111 I. Scheffer. Указ. соч., стр. 261; Н. Дергачев. Указ. соч., стр. 18; А. Яценко. Указ. соч., стр. 19; Архив ЛО ИЭ АН СССР, к. I, оп. 1, № 3, стр. 231.
- 112 Ю. Б. Симченко. Указ. соч., стр. 1.
- 113 Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 111.
- 114 I. Scheffer. Указ. соч., стр. 276.
- 115 Там же, стр. 278.
- 116 Архив ЛО ИЭ АН СССР, к. I, оп. 1, № 3, стр. 174.
- 117 В. В. Чарнолуцкий. Заметки о пастьбе..., стр. 57.
- 118 Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 280, л. 19; Н. Дергачев. Указ. соч., стр. 18.
- 119 I. Scheffer. Указ. соч., стр. 262; T. Vuorela. Указ. соч., стр. 60.
- 120 Фонды ГМЭ, колл. 1507, № 16; колл. 4037, № 6, 7; Ø. Vorren, E. Manker. Указ. соч., стр. 56.

- 121 Жилище, сходное с сибирским чумом.
- 122 Архив ЛО ИЭ АН СССР, к. I, оп. 1, № 3, стр. 233, 234.
- 123 В. В. Чарнолуцкий. Материалы по быту..., стр. 92; Д. А. Золотарев. Лопарская экспедиция. Л., 1927, стр. 31.
- 124 В. В. Чарнолуцкий. Материалы по быту..., стр. 77; Архив ЛО ИЭ АН СССР, к. I, оп. 1, № 3. Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964, № 64.
- 125 Р. Ф. Тароева. Указ. соч., стр. 43.
- 126 Н. Трескин. Указ. соч., стр. 25.
- 127 В. Н. Велицер. Указ. соч., стр. 77, 78.
- 128 Архив ЛО ИЭ АН СССР, к. I, оп. 1, № 3, стр. 232.
- 129 Р. Ф. Тароева. Указ. соч., стр. 42, 43.
- 130 Л. В. Хомич. Указ. соч., стр. 71.
- 131 Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 112.
- 132 Н. Трескин. Указ. соч., стр. 28.
- 133 Архив ЛО ИЭ АН СССР, к. I, оп. 1, № 3, стр. 232.
- 134 В. Берещагин. Указ. соч., стр. 82.
- 135 I. Scheffer. Указ. соч., стр. 276.
- 136 Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 271, лл. 2—12.
- 137 Один фут равен 30, 48 см.
- 138 Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 271, лл. 2—9.
- 139 Там же, лл. 9—12.
- 140 Как сообщает Н. Н. Гурина, на одной из стоянок Екатерининского острова (находится рядом с Б. Оленьим островом) на площади в 32 кв. м среди костных остатков было выделено не менее 24 особей гренландского тюленя (Н. Н. Гурина. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова. МИА, № 39, 1953, стр. 380).
- 141 Н. Н. Гурина. Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова. МИА, № 20, 1951, стр. 163—164; она же. Памятники эпохи раннего металла... стр. 358—364 и др.

- 142 Н. Н. Гурина. Неолитические поселения..., стр. 163, 164.
- 143 Там же.
- 144 В. В. Чарнолуцкий. Материалы по быту..., стр. 79; он же. Саамские сказки. М., 1962, стр. 33, 96, 97 и др.
- 145 Теперь большинство из них считает себя русскими, хотя и сохраняет прежние лопарские фамилии.
- 146 Архив ЛО ИЭ АН СССР, к. I, оп. 1, № 3, стр. 238; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964, № 64.
- 147 Свое название этот промысел получил в связи с тем, что охота происходила весной на прибрежных льдах — торосах.
- 148 Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964, № 64.
- 149 Там же.
- 150 Употребление сетей при ловле морского зверя известно и в других районах Европы, где население занимается этим промыслом. Так, ловля тюленей сетями применяется в Северной Англии, Скандинавии, Восточной Прибалтике. Кроме того, употребление сетей в морском зверобойном промысле свойственно также ненцам. Ненцы Большеземельской тундры ловят сетями белух, а ненцы Чешской губы — дельфинов (см.: Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 86; В. Я. Калитс. О тюленьем промысле на острове Кихну. «Труды Прибалтийской экспедиции», т. I. М., 1959, стр. 484; Л. В. Хомич. Указ. соч., стр. 77, 78).
- 151 Д. А. Золотарев. Лопарская экспедиция, стр. 33.
- 152 В. Трескин. Указ. соч., стр. 66, 67, 71, 72.
- 153 Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.
- 154 Там же.
- 155 Н. Дергачев. Указ. соч., стр. 38; Архив ЛО ИЭ АН СССР, к. I, оп. 1, № 3, стр. 238.

Глава II

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Летние передвижения саамов Кольского полуострова происходили преимущественно пешком по тропам или на лодках по озерам и рекам. Пешие передвижения занимали довольно большое место. Авторы характеризуют саамов прекрасными ходоками необыкновенной выносливости. снаряжение лопаря, отправлявшегося в пеший переход, состояло обычно из посоха и разных приспособлений для переноски груза на себе. посох (siem'p'e — иок.) представлял собой деревянную палку длиной около 140 см и толщиной около 3 см иногда с рукояткой на верхнем конце¹. Груз, который требовалось взять с собой, укладывался в специальный мешок (kas'puŋk — иок.), надеваемый на плечи за спину². Кроме того, употребляли специальное приспособление для ношения небольших грузов на спине (krošna — клд.), представляющее собой нечто вроде решетки, рама которой делается из толстой березовой ветки, выгнутой дугообразно и стянутой на концах и посередине березовыми перекладинами. Длина рамы (от вершины дуги до ее основания) — около 75 см; длина нижней перекладины — около 45 см, а верхней — около 43 см. Перпендикулярно этим перекладинам натягивались веревки, образуя решетку. На крошнни надевали за спину (как рюкзак), для чего от верхней перекладины к концам дуги шли две довольно широкие кожаные лямки, надевавшиеся на плечи. Эти лямки делались обычно из старых оленьих хомутов³. Подобные приспособления для переноски груза широко распространены по всему Северу. Они известны у лопарей-сколтов⁴, карелов⁵, обских угров⁶ и др.

При переходах на большие расстояния, когда приходилось брать с собой много вещей, саамы навьючивали свой груз и маленьких детей на оленей, о чем упоминал еще в начале XVI в. С. Герберштейн⁷. Вьючное седло кольских саамов конца XIX —

начала XX в. (tāške — иок.; клд.) очень примитивно и не похоже на вьючные седла других оленеводческих народов⁸. Оно состоит из двух сосновых (или еловых) дугообразных дощечек, надеваемых на спину оленю и соединенных наверху таким образом, что утолщенный шишковидный конец одной из них входит в соответствующее отверстие в другой и при этом защелкивается. В нижних концах дощечек имеются отверстия, в которые продевается ремень (šuođ-roagkan — иок.), соединяющий эти концы и проходящий под брюхом животного. Вьюки подвешиваются на верхние торчащие концы дощечек и спускаются по бокам оленя. Чтобы седло не ерзало на спине оленя, его укрепляют другим ремнем, который охватывает зад и перед оленя и прикрепляется к нижним концам дощечек. Под седло для предохранения спины оленя от повреждений подкладывают сложенный в несколько раз кусок парусины или брезента (salvas — иок.) и оленью шкуру (tiŋa — иок.), а иногда и специальные перинки из пестрого ситца, набитые пухом куропатки⁹.

Вьючные сумы (lofk — иок.; šaud — лаук — клд.) кольские саамы делали обычно из замши. Их шили из двух кусков, составлявших стенки сумки, и третьей полоски — доньшка. На верхних краях сумки укреплялись деревянные или костяные, украшенные

резным геометрическим орнаментом пластинки-скобы (лаук-gueŋ — клд.) с отверстиями, в которые продевался ремешок, служивший ручкой¹⁰.

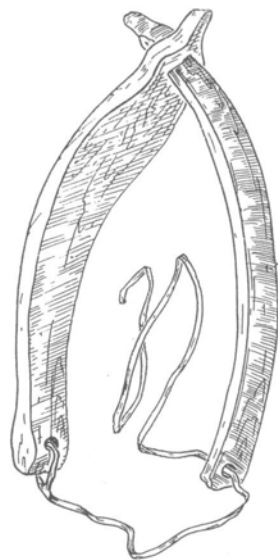
Следует отметить, что в настоящее время в оленьих стадах Кольского полуострова при передвижениях по тундре продолжают использовать оленей под вьюк и употреблять старинное самское седло, состоящее из двух дощечек.

Скандинавские и финские саамы также пользовались вьючным оленьим транспортом и имели очень похожей конструкции вьючное седло. По данным И. Шеффера, относящимся к XVII в., оно делалось из двух, довольно тонких еловых ветвей полукруглой формы, которые плотно охватывали тело оленя и скреплялись вместе — наверху, на спине, и внизу, под животом. На месте их верхнего скрепления торчали две рогульки, на которые подвешивались вьючные сумы с грузом, располагавшиеся по обоим бокам оленя. Под седло на спину оленя подкладывали особую подстилку, носившую название *tobbis*.

Вьючная сумка, по И. Шефферу, представляла собой продолговатый еловый ящик с дном из березовых прутьев, переплетенных крест-накрест в виде решетки, покрытым куском полотна. Вещи перед тем, как положить в этот ящик, завертывали в бересту или

Приспособление для перевозки вьюков на оленях

Олени с вьюками

оленью шкуру. Сверху весь व्यок перевязывался веревками и прикреплялся к व्यючному седлу. Выючные олени, отмечает И. Шеффер, идут один за другим, вытянувшись в одну линию, причем первого оленя ведет на веревке лопарь¹¹.

Выючное седло скандинавских и финских саамов конца XIX — XX в. совершенно аналогично вышеописанному седлу у кольских саамов этого же периода и также укрепляется на спине оленя с помощью двух ремней. Но в отличие от кольских скандинавские саамы употребляют не только мягкие выючные сумы в виде кожаных мешков, но и твердые — в виде корзин овальной формы¹² — очень сходные с описанными у И. Шеффера.

Кроме пеших передвижений летом широко применялось и передвижение на лодках. Как можно судить на основании имеющихся материалов, у всех саамов (как скандинавских, так и кольских) издавна были распространены очень легкие, сделанные из тонких сосновых или еловых досок килевые лодки, скрепленные по швам не гвоздями, а высушенными оленьими жилами или свежими древесными корнями. Одно из первых упоминаний о подобных *шитых* судах у лопарей содержится в «Konungasagög» («Королевских сагах») Снорре Стурласона, где в «Сказании об Инге» говорится, что Сигурд Слемме зимой 1139 г. заказал себе у финнов, т. е. у лопарей, две лодки, связанные жилами, без гвоздей. Отмечалось также, что эти лодки отличались необыкновенной быстроходностью¹³. Сообщения авторов XVI—XVIII вв. подтверждают распространение подобных лодок у лопарей. В связи с тем что мы не располагаем материалами о лодках кольских лопарей этого периода, позволим себе привести такие материалы по лопарям скандинавским. Лодки тех и других в то время, во всяком случае по основным особенностям конструкции и способу крепления досок — *сшиванию*, по-видимому, мало чем отличались друг от друга.

От первой половины XVI в. дошло до нас свидетельство И. Циглера о том, что «у лопарей имеются суда, скрепленные не гвоздями, а жилами и прутьями»¹⁴. Не менее старинный автор Олаф Магнус (1555 г.) сообщает, что лопари изготовляют свои суда из тонких еловых или сосновых досок, скрепляя их узкими свежими древесными корнями или высушенными на ветру и солнце оленьими жилами¹⁵.

И. Шеффер также отмечает, что лопари сшивают свои челноки оленьими жилами, а щели проконопачивают мхом, чтобы вода не просачивалась внутрь. Лодки имеют одну или две пары весел которые прикрепляются к бортам с помощью уключин¹⁶.

Шведский исследователь А. Еренмалм в книге о своем путешествии в 1741 г. в лопарскую область Озеле Западного Норланда

замечает, что лодки лопарей сделаны из тонких (толщиной примерно в $\frac{1}{6}$ пальца) обтесанных сосновых досок, скрепленных без гвоздей витыми из еловых корней веревками или оленьими жилами. Они имеют довольно плоский, широкий, одинаково заостренный с обоих концов киль и снабжены парой весел. В такой лодке есть две перекладыны-скамейки из бересты: одна — ближе к носу, на которой сидит гребец, другая — на середине, для пассажира. Садятся обычно точно на середину скамейки из опасения, чтобы неустойчивая лодка не перевернулась¹⁷.

Все ранние авторы отмечают, что лодки лопарей были настолько легкие, что при необходимости их без труда можно было не только перетаскивать по суше, обходя берегом пороги или совершая путь от озера к озеру (что иногда делалось также с помощью собак), но даже переносить на себе¹⁸. Именно о последнем факте сообщает А. Еренмалм. По его словам, когда лопарю нужно обойти берегом порог, он накидывает на голову свой берестяной непромокаемый плащ, надевает на спину мешок с провизией, втягивает весла и опрокидывает на себя лодку дном кверху. Миновав опасное место, лопарь снова спускает лодку на воду¹⁹. Об этой практике переносить лодки на себе, обходя берегом пороги, имеются сведения и у других авторов.

Такие лодки можно отнести к типу небольших промысловых челноков местного происхождения²⁰. По конструкции они относятся к разряду килевых составных лодок, отдельные части которых сшивались между собой²¹. Подобные легкие челноки, изготовляемые исключительно путем техники «шитья», когда-то, по-видимому, были широко распространены и среди кольских лопарей²². Следует отметить, что техника «сшивания» отдельных частей лодки широко распространена и у других народов Севера Европы. Подобные лодки известны у карелов²³, коми²⁴, ненцев²⁵, хантов и манси²⁶. Употреблялись «шитые» лодки также в Скандинавии и на Британских островах²⁷.

Со временем способ «сшивания» лодок кольские саамы все больше, по-видимому, стали сочетать с техникой соединения (сколачивания) отдельных частей гвоздями. Материалы конца XIX — начала XX в. свидетельствуют, что у кольских саамов этого периода были широко распространены легкие лодки-челноки (*vañs* — иок.; *vens* — клд.), построенные такой смешанной техникой. Зачастую они были даже единственными встречающимися у них судами. На таких лодках саамы совершали свои поездки как по озерам, крупным и беспокойным, вроде Имандры или Нотозера, так и по быстрым и порожистым рекам: Туломе, Варзуге, Поною и др.²⁸

Саамы делали свои лодки обычно из отличающихся особой прочностью еловых или сосновых досок, изготавливаемых с помощью топора (из одного ствола получали две доски) или позже (в начале XX в.) — пилы. Напиленные доски остругивали рубанком по направлению к себе.

Днище лодки выдалбливали из целого ствола ели; с наружной стороны ему придавали форму киля. Края днища утончали до одинаковой толщины с бортом (т. е. до 1,5—2 см) и плотно накладывали их на первые, нижние доски борта, которые вместе с килем образовывали довольно плоское (изнутри) дно лодки. С наружной стороны киля клали скрепы.

В месте соединения первой и второй досок борта получался довольно крутой изгиб. При этом край первой (нижней) доски накладывался (изнутри) на утонченный край второй доски и обе они сшивались (ширина шва составляла около 4 см). Веревка, скреплявшая доски, продевалась через пробуровленные в краях отверстия и укладывалась в желобок, выдолбленный между ними. Шов кончался примерно там, где начинался изгиб борта кверху. Здесь концы веревок отрезались и закреплялись деревянными кольшками. На носу и корме доски скреплялись гвоздями (деревянными или фабричными железными). Таким же образом соединялась вторая доска с третьей и т. д. Каждый борт состоял обычно из трех продольных досок.

При сшивании бортов применялись следующие орудия: бурав — винтообразный железный стержень, насаженный на березовую ручку; игла — кусок проволоки, загнутый на конце в виде ушка; веревка, ссученная из еловых корней или из волокон, взятых от мешков, в которых русские купцы привозили муку; старинные деревянные клещи и топор. Изнутри лодка скреплялась пятью шангоутами, которые приколачивались к доскам деревянными гвоздями. Швы и другие отверстия заделывали мхом и просмаливали. Лодка имела обычно три плоских лопатообразных весла: два гребных, которые укреплялись ближе к носу, и рулевое (двустороннее) — на корме. Уключины делались из бересты или веревок и прикреплялись с помощью кольшков. Иногда для управления употребляли также шест²⁹. Подобная лодка вмещала в себя не более 4 человек.

Достоинства таких лодок, по словам саамов, заключаются в том, что они были достаточно легки как в управлении на воде, так и для перетаскивания их по суше. Кроме того, они поднимали относительно много груза, сравнительно редко переворачивались и благодаря своим высоким бортам мало зачерпывали воды.

В конце XIX — начале XX в. у саамов Кольского полуострова был распространен еще один вид лодок, заимствованный, по-видимому, от русского населения. Это так называемый *карбас* — довольно большая, двух- или четырехвесельная килевая лодка с выдолбленным из целого дерева днищем и нашивными бортами³⁰. На таких лодках обычно плавали по озерам. Она по основной своей конструкции и технике изготовления (тоже смешанной) мало чем отличалась от челнока, но была массивнее, больших размеров (вмещала от 6 до 10 человек) и имела более выступающий киль. В случае надобности на носу карбаса ставили прямой парус, который применялся, однако, только при прямом ветре в спину. Следует отметить, что саамы изготавливали карбасы и для местного русского населения³¹.

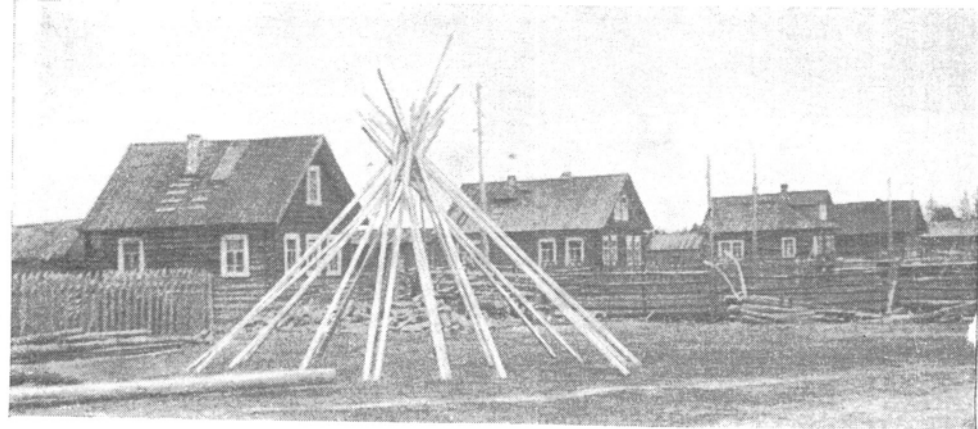
Кроме карбасов у кольских саамов были распространены построенные путем той же техники, но значительно больших размеров шестивесельные лодки (по-русски «тройник») грузоподъемностью от полутора до двух тонн, на которых также плавали под парусом. Они применялись для перевозов и промысла вдоль морского побережья³².

Все вышеописанные лодки служили у саамов основным летним средством передвижения и широко применялись на рыболовном промысле. Кроме них, был распространен еще один вид лодок чисто промысловых, употреблявшихся на морском зверобойном промысле, главным образом в Белом море. Это так называемые *ледянки* (пјѣг'šjл'л'ем' ваӡс — иок; от пјѣг'г'а — тюлень, šjл'л'ем' — промыслять, в переводе на русский язык означает «зверобойная лодка»). Это маленькая двухвесельная лодка из тонких еловых досок, особенностью которой было то, что кроме обычного киля по бокам с наружной стороны делалось еще два узких полоза (*коер*). Во время промысла, когда лодку приходилось вытаскивать на лед, она вставала на эти полозья и ее легко было тащить за собой³³. Подобные лодки на одном или двух полозьях, употребляемые во время морского зверобойного промысла, известны также у эстонцев³⁴.

В настоящее время техника «сшивания» лодок у кольских саамов почти вышла из практики. Преобладают двухвесельные килевые лодки, сделанные из еловых досок, скрепленных железными гвоздями. Очень широко распространены моторные лодки.

Зимними средствами передвижения у кольских саамов в конце XIX — начале XX в. служили лыжи и, как и у всех оленеводческих народов, оленья упряжка.

Лыжи у саамов относятся к числу наиболее старинных средств транспорта, составляющих к тому же очень важную деталь сна-

ряжения лопаря-охотника. К сожалению, материалы, которыми мы располагаем для характеристики этого средства передвижения, очень ограничены. В музейных коллекциях удалось обнаружить лишь единичные экземпляры, а в литературе по этому вопросу почти нет никаких сведений. Собранные нами полевые материалы касаются в основном XX в.

В конце XIX — начале XX в. у кольских саамов были распространены скользящие лыжи. Если за основу классификации взять конструктивный принцип, характеризующий главным образом форму лыж, как это предлагают авторы «Историко-этнографического атласа Сибири»³⁵, то у саамов, по-видимому, можно выделить две основные разновидности скользящих лыж. К первой из них относятся прямые лыжи-голицы (sevjk — иок.)³⁶, делавшиеся из березового или соснового дерева. Это узкие (около 10 см шириной) длинные (около 2 м длиной) лыжи с плоской скользящей поверхностью и заостренными, немного приподнятыми передними концами. Для закрепления ноги имелся один поперечный ремень³⁷. Во время передвижения на голицах лопарь держал в одной руке деревянную палку (čijk'em'-sijem'p' — иок.) длиной около 130 см, на нижнем конце которой было укреплено деревянное кольцо на трех ремешках. У лопарей Финмаркена с подобными же лыжами-голицами также употреблялась одна палка, выструганная из дерева, имеющая на конце железный конический наконечник³⁸. У финских лопарей подобная лыжная палка имела на нижнем конце утолщение, делавшееся из кости. В более далеком прошлом роль такой палки выполняло, возможно, копьё или гарпун³⁹.

Описанные выше голицы служили средством передвижения, а также употреблялись во время охоты (особенно, например, при охоте на диких оленей по насту, так называемой гоньбе). В настоящее время они не употребляются.

Другим видом лыж, отмеченных у кольских саамов, являются широкие (от 15 до 25 см) и длинные (до 200—210 см) лыжи, выгнутые в средней части и подшитые оленьим, тюленьим или реже

Ваготовка и сушка досок для строительства лодок

Постройка лодок

Лодки на берегу реки Поной

нерпичьим мехом ворсом назад (калк — иок.; коллас — клд.)⁴⁰. Они имеют острые, загнутые вверх передние концы и высокую ступательную площадку, сделанную из целого куска дерева, через которую проходит поперечный ремень для закрепления ноги. Мех снизу обычно пришивается или приклеивается рыбьим клеем⁴¹. Это преимущественно охотничьи лыжи, на которых ходят без палок. Они сохраняют свое значение и в настоящее время.

Лыжи такой конструкции, распространенные кроме саамов также у хантов и манси и не имеющие аналогий с лыжами других северных народов, выделяются исследователями в особый приобский тип⁴².

Оба отмеченных вида лыж встречались, по-видимому, издавна и у скандинавских лопарей. Так, по описанию И. Шеффера, лыжи лопарей были длинные, узкие, совершенно ровные с приподнятыми кверху передними концами. Длина их составляла около семи футов, а ширина — в четыре пальца и более⁴³. Нижнюю поверхность лыж иногда обивали шкурой оленят, а у приморских лопарей — тюленьей шкурой⁴⁴. Передвигаясь на лыжах, лопари, по замечанию И. Шеффера, развивали такую скорость, что обгоняли даже диких зверей⁴⁵.

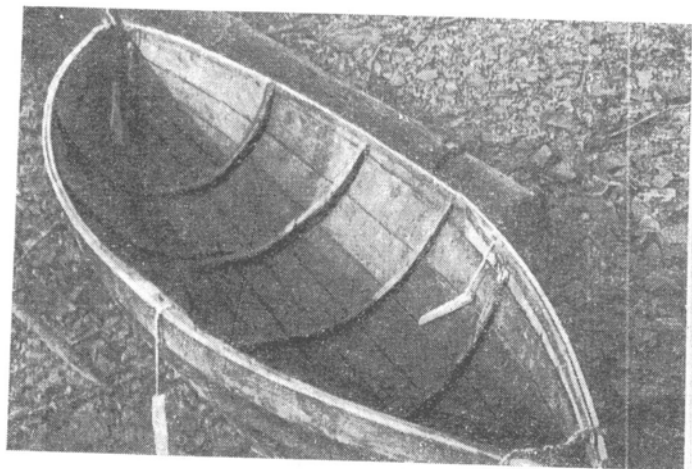
У саамов Кольского полуострова был распространен в прошлом особый способ езды на лыжах-калгах с оленем. Так, у каменских саамов сохранилось воспоминание о подобном способе передвижения. Он состоял в том, что одного оленя запрягали обычной упряжью, конец которой прикреплялся к поясу лыжника. Последний держал в руках поводок, служивший для управления. На упряжке из лыж, как отмечают каменские саамы, больше ездили в лесах⁴⁶. В настоящее время такой способ езды на лыжах зафиксирован у семиостровских саамов (село Варзино)⁴⁷. Об этом способе езды напоминает и обычай устраивать на ежегодном празднике Севера гонки на лыжах с оленями. Запрягаются при этом обычно два оленя. Лыжник обвязывается по талии ремнем, конец которого прикрепляется к оленьей упряжи. В правой руке у лыжника вожжа (поводок), в левой — хорей. Управление оленями происходит так же, как и при езде на санях. На этих соревнованиях употребляются обычные, фабричного производства лыжи, не подбитые мехом⁴⁸. Подобный способ езды на лыжах с оленем известен также финским лесным лопарям⁴⁹.

По-видимому, еще в конце XIX в. у кольских саамов был распространен и третий вид скользящих лыж — так называемые нарпачьи лыжи, состоящие из левой длинной голицы (обычно из березового дерева) и правой короткой, подшитой мехом *калги*,

Зверобой с багром у лодки

Зверобойная лодка

Багор — орудие для ловли морского зверя

поворачивала его в нужную сторону⁶³. За 10 часов (т. е. примерно за день) такая упряжка, по замечанию И. Шеффера, могла проделать не более 16 миль⁶⁴.

Кроме ездовых И. Шеффер описывает и грузовые сани — *ахкио*, употреблявшиеся лопарями для перевозки домашней клади. Эти сани по форме ничем не отличались от первых, но были значительно больше (в длину достигали пяти аршин) и не имели сверху никакого прикрытия. Груз, уложенный в сани-ахкио, для защиты от снега покрывали кожами, мехами, а иногда и берестой⁶⁵.

Сани *пульк* или *ахкио* лопари использовали не только для зимних передвижений и перевозки клади, но иногда они выезжали в них и на охоту, главным образом на диких оленей⁶⁶.

Как показывают материалы конца XIX — начала XX в., оленья упряжка кольских саамов этого времени в основных своих чертах повторяла тип упряжки, описанный С. Герберштейном и И. Шеффером. Она состояла обычно также из одного оленя, запряженного в однополосные, бескопильные сани, называемые *кережейей* (k'ēg'es' — клд.; иок.); напоминающие по форме лодку со срезанной кормой и острым высоко поднятым носом. В редких случаях при перевозке особенно тяжелых грузов в кережу запрягали двух оленей.

Одно из основных отличий кережи конца XIX в. состояло, по видимому, в том, что у нее не было закругленного снаружи основания, позволившего ей при езде свободно переваливаться с боку на бок, а она имела довольно широкое, суживающееся кпереди плоское дно-полоз (el' — иок.), способное легко скользить по снегу⁶⁷. Это дно образовывалось одной широкой продольной доской (заменившей киль), которая шла от «кормы» к «носу» и у носа суживалась и утолщалась одновременно. К этой килевой доске было прикреплено (прибито гвоздями) 4 поперечных шпангоута (по 4 на каждый борт). Все это составляло остов кережи, к которому с помощью веревок и деревянных гвоздей прикреплялась прямая спинка и боковые продольные доски (по 3 доски с каждого борта)⁶⁸. Кережу делали обычно из особенно прочных пород деревьев (сосны или ели). В носовой части кережи делалось небольшое отверстие, куда пропускалась кожаная петля, к которой прикреплялась упряжь. Различий между женской и мужской кережей не было. В женскую лишь старались запрягать обычно белого быка — *хирваса*.

В некоторых случаях у ездовой кережи устраивали крытый передок и высокий крытый верх. Для этого к бокам саней — в передней их части и у спинки — прикреплялось несколько деревянных обручей, поверх которых натягивался брезент. Затянутой оказывалась передняя часть саней, куда седок протягивал ноги, и самая задняя, а средняя небольшая часть повозки остава-

лась открытой. Получался, таким образом, своего рода кережный балок⁶⁹, что отчасти напоминает способ закрытия части кережи тюленьей шкурой, описанный И. Шеффером. Чтобы придать больше устойчивости такому довольно шаткому экипажу, сзади к саням к специальному кольцу привязывали оленя без груза, который должен был выполнять роль своеобразного тормоза и сдерживать бег упряжки⁷⁰. На ездовой кереже сидели с вытянутыми ногами или же вытянув правую ногу и свесив левую на левый борт саней.

Старинная лопарская упряжь (puazassē — иок.) оленя, запрягаемого в кережу, состояла из хомута (k'assas — иок.) и отходившего от него тяжа (puazkas — иок.), который проходил под брюхом животного, между его передними и задними ногами, и прикреплялся к саням. Тяж (шириной около 3 см) и хомут (шириной 5—7 см) делали из оленьей кожи, а последний сверху еще обшивали цветным (обычно красным или синим) сукном. Тяж одним концом привязывали к хомуту, а другой его конец заканчивали рогулькой (jūxkamolka — иок.) из оленьего рога или дерева (корня березы), которую просовывали в кожаную петлю, имевшуюся в носовой части кережи (продетую в специальное отверстие)⁷¹.

Кроме хомута и тяжа в состав упряжи входил пояс⁷² (auteg — клд.; jenden — иок.) — полоса из оленьей кожи шириной в 10—12 см, обшитая с лицевой стороны цветным сукном (часто красным), а с изнанки — серым сукном, холстом или другой тканью. Пояс перекидывался через спину оленя и свободно прикреплялся к тяжу⁷³.

Хомут скреплялся с поясом лямкой (peks — pege — иок.), которая шла по левому боку оленя и представляла собой полоску цветного сукна (шириной около 5 см), обшитую с изнанки другой тканью (холстом или ситцем). Один ее конец заканчивался вязаным из шерсти шнурком, которым лямка привязывалась к хомуту, а на другом конце имелся кожаный ремешок, пристегивавшийся к поясу⁷⁴.

На голову оленю надевали недоуздок (pejnt — клд.), который представлял собой петлю из нескольких отдельных ремешков и вставленных между ними оленьих косточек⁷⁵. Употреблялись, по видимому, и другие недоуздки (mal'k-šueg'v' — baik — клд.), более простой конструкции. Они состояли из одной (иногда изогнутой) кости с дырочками по краям, в которые продевались ремешки. Кость надевали на лоб оленю, а ремешки завязывали сзади рогов⁷⁶.

Управление кережей происходило с помощью вожжи (vjeļ-kārt — иок.; vujemlāmč — клд.), что значит «ездовая веревка»,

которая шла от недоуздка по левому боку оленя ⁷⁷. Чтобы она не спадала вниз, на поясе имелся небольшой медный или костяной крючок ⁷⁸. Лопарь обычно держал вожжу в правой руке. Если требовалось повернуть упряжку направо, то вожжу перебрасывали через спину оленя, к его правому боку, и натягивали. Кроме этого, для подстегивания оленя в левой руке держали небольшой тонкий хлыстик (*sempe* — иок.; *gʷs's'e* — клд.), изготовлявшийся часто из молодой березки ⁷⁹.

Упряжь оленя украшали колокольчиками (хомут), кусочками цветного сукна и кисточками. Особенно нарядной была упряжь праздничного выезда, она украшалась полосками цветного сукна, золотой тесьмой, кисточками, расшивалась бисером и перламутровыми пуговицами ⁸⁰.

Кроме легковой или ездовой кережи (*vʷjem'-k'ēr'ēs'* — иок.; *vʷjīm-k'ēr'es'* — клд.) у саамов в конце XIX — начале XX в. были и грузовые кережи (*vʷjessim-k'ēr'es'* — иок.; *vʷsʷim-k'ēr'es'* — клд.), которые по своей конструкции ничем не отличались от первых, но бывали значительно больших размеров и с более низкой спинкой или совсем без нее. Груз, уложенный на такую кережу, закрывали брезентом и зашнуровывали веревками (*pūrʷ* — иок.; *pūr'g'* — клд.), для продевания которых в бортах саней имелись специальные отверстия. Олень, запряженный в кережу, мог вести не более 100 кг груза.

При перекочевке на новое место саамы выезжали из погоста длинной вереницей упряжек. Каждое семейство составляло свой особый поезд, называемый *райдой*, в котором олени, запряженные в кережи, следовали один за другим. За каждой ездовой кережей обычно шло несколько грузовых.

Собранные нами материалы свидетельствуют, что кольским саамам был известен еще один очень примитивный вид грузовых саней. Это — сани-волокуша из оленьей шкуры *тылле-сан* (*tɪl'ɪ'e-sān* — иок.), использовавшиеся зимой (обычно на промысле) для перевозки грузов в том случае, когда под рукой не оказывалось грузовой кережи. Тылле-сан делали из двух шкур, укладывая их одну на другую шерстью наружу и замораживая таким образом, чтобы они приняли форму лодки. На них укладывали груз и впрягали оленя, как в обычную грузовую кережу ⁸¹.

Подобную волокушу из шкуры (*dieska*) в конце XIX в. иногда употребляли также финские лопари. Делали ее обычно из новой оленьей шкуры, которой обертывали вещи, предназначенные для перевозки. Сверху весь груз обвязывали ремнем, проходившим в отверстия, сделанные вдоль краев шкуры. От шкуры шел ремень,

который соединялся с концом оленьей упряжи. Подобные сани в среднем могли служить около двух дней ⁸².

Следует отметить, что сани-волокуши из оленьей шкуры были распространены и зафиксированы исследователями у многих северных народов, в том числе у эскимосов, шорцев, сымских эвенков и др. ⁸³

Как свидетельствуют изученные нами музейные коллекции, а также литература, оленья упряжка скандинавских лопарей конца XIX в. по конструкции саней и типу упряжи почти не отличалась от кережи саамов Кольского полуострова ⁸⁴.

У финских лопарей в конце XIX — начале XX в. также были распространены сани типа кережи: ездовые *пулька* и грузовые *ахкио*, различающиеся между собой главным образом размерами. Киль у этих саней делали обычно из сосны, а отходящие от него поперечины — шпангоуты — из березы. У грузовых саней *ахкио* делали более низкой спинку (или совсем ее не делали). У старых *ахкио* передняя часть иногда затягивалась оленьей шкурой или кожей. При переездах финские лопари, как и кольские, сзади к поезду из саней привязывали несколько оленей без груза, которые должны были выполнять роль тормоза при быстрой езде, а кроме того, составляли резерв для смены оленей в упряжках ⁸⁵.

Упряжь оленя, запрягаемого в сани, у финских и скандинавских саамов в конце XIX — начале XX в. также почти не отличалась от кольских. Она состояла из мягкого кожаного хомута, отходившего от него и прикреплявшегося к саням подбрюшного тяжа с деревянной серповидной рогулькой на конце, и пояса ⁸⁶. Некоторое отличие наблюдалось у лопарей Финмаркена, у которых олений хомут соединялся с поясом не одной, как у кольских, а двумя боковыми лямками ⁸⁷.

В коллекции С. И. Сергеля начала XX в., относящейся к лопарям Финмаркена, имеется олений хомут, сделанный из двух деревянных дуг, скрепленных наверху и внизу ремешками ⁸⁸. Но эта конструкция является, по всей вероятности, более поздним усовершенствованием.

Управление оленьей упряжкой происходило, как и у саамов Кольского полуострова, с помощью вожжи, которую прикрепляли к недоуздку, и она проходила по левому боку оленя. Недоуздок представлял собой ремennую петлю, надевавшуюся на голову оленю и застегивавшуюся позади рогов. Вожжу плели из нескольких ремешков и заканчивали петлей, которая плотно охватывала руку. При управлении в зависимости от того, в какую сторону хотели повернуть упряжку, вожжу натягивали с левой стороны или перебрасывали через спину оленя и натягивали справа. В повозке

Современная оленья упряжка у кольских саамов

сидели с вытянутыми ногами, но при езде, особенно на неровных местах, часто опускали ту или другую ногу вниз, чтобы оттолкнуться или опереться ею о землю.

С конца XIX в. с переселением на Кольский полуостров коми-ижемцев кольские саамы все чаще начинают использовать в оленьей упряжке вместо ездовой кережи заимствованную у ижемцев высокую косокопыльную нарту самоедского типа (*v̄jjet-sān* — иок.; т. е. ездовые сани). В нее впрягают веерообразно 3 или 4 (а при особенно далеких поездках и 5) оленя. Нарта имеет три (иногда четыре) пары высоких косых копыльев (*sān* — *šūt* — иок.), расположенных в задней части под сиденьем (тундровый вариант).

Мужская нарта (*v̄jjetstoli-sān* — иок.) сзади имеет спинку (*sān-l'āxk* — иок.), а женская нарта (*kāftol'-sān* — иок.) еще и невысокие боковинки (*je'te-livt'* — иок., т. е. боковые доски), с правой стороны — повыше и совсем низкая — с левой⁸⁹.

Садятся на нарту с левой стороны, вытянув правую ногу и опустив левую на полоз. Управляют с помощью вожжи (термины те же, что и в упряжке с кережей), идущей от недоуздка по левому

На оленьих упряжках ездят и летом

боку передового оленя, который в упряжке всегда бывает крайним слева. Вожжу при езде держат в правой руке. В левой руке держат хорей (*хаг'у* — иок.; клд.), представляющий собой деревянный шест длиной около 2,5 сажени с набалдашником из оленьего рога на конце. В такой упряжке саамы пользуются упряжью обычного самоедского типа⁹⁰.

Косокопыльная нарта, принесенная на Кольский полуостров коми-ижемцами и ненцами, оказалась более удобным и прочным средством передвижения, чем лопарская кережа, которая и была ею постепенно полностью вытеснена.

Вначале эта замена кережи нартой произошла в восточных лопарских погостах, где ижемское культурное влияние сказывалось сильнее. Так, В. В. Чарнолуский, побывавший у лопарей в 1927 г., отмечал, что кережа в то время уже была почти забыта в Иоканьге, хотя и употреблялась еще в соседнем Лумбовском погосте⁹¹. Давно, по-видимому, вышла из употребления кережа и у семиостровских саамов, но зато долго, вероятно, вплоть до 40-х годов этого века, сохранялась она у ловозерских, бабенских и других западных групп саамов Кольского полуострова⁹². В настоящее

Мощные вездеходы и оленья упряжка — современные передвижения в тундре

время кережа как средство транспорта используется только у скандинавских саамов.

Для перевозки грузов саамы Кольского полуострова используют небольшую низкую нарту на трех парах прямых копыльев (*vjessän* — иок., т. е. грузовые сани). Подобные грузовые нарты употребляются многими народами Европейского Севера: русскими, карелами⁹³, финнами⁹⁴, северными коми⁹⁵, ненцами⁹⁶. У саамов они, по-видимому, появились от русских или карелов, так как распространены преимущественно в западных районах Кольского полуострова и также у финских лопарей.

✱

Анализ материалов, характеризующих способы и средства передвижения, показывает, что в этом элементе культуры кольских саамов прослеживается два рода черт, сформировавшихся, по всей вероятности, в разные хронологические периоды жизни этого народа и на разных этапах его этнической истории.

Одни черты, по-видимому, более ранние, но отчетливо проявляющиеся вплоть до недавнего времени, характеризуют лопарей как пеших охотников и рыболовов, не знакомых с оленеводством. Признаки этой доленеводческой культуры сказываются как в характере пеших передвижений, в особенности лодок, так и в самой лопарской кереже. Пешие передвижения, как нетрудно было заметить, занимали еще в начале XX в. важное место. Употребление при ходьбе специального посоха, а также наличие разных приспособлений для переноски груза на себе (*кrošna* и др.) свидетельствуют о том, что пеший способ передвижения в прошлом занимал очень большое место. Зимой этот способ заменялся ходьбой на лыжах. Лыжи, как отмечают все ранние авторы, издавна играли большую роль в жизни лопарей. В древних источниках лопари выступают прежде всего как искусные лыжники.

Отличительной чертой саамских лодок — основного и очень древнего летнего средства передвижения — была большая легкость, позволявшая в случае надобности без труда переносить их на себе. Такая портативность лодки вполне соответствовала характеру пешей культуры. И, по-видимому, именно это свойство и побудило лопарей приспособить лодку для перевозки груза по суше. Так произошло превращение ее в однополосную ручную нарту, которую тянули за собой человек или собака. С развитием у саамов упряжного оленеводства ручная нарта была использована ими в упряжке. Так, по-видимому, появилась кережа.

На большое внешнее сходство кережи с лодкой уже не раз обращалось внимание⁹⁷. Интересно, что кережа во всех деталях повторяет устройство лопарской лодки.

Совершенно аналогична и техника постройки кережи и лодки. У той и другой доски бортов скрепляются способом *шитья*, а шпангоуты приколачиваются гвоздями.

Основываясь на данных И. Шеффера, можно думать, что в XVII в. сходство кережи с лодкой было еще более полным. Дно кережи того времени не было плоским, каким оно стало в более поздние времена, а имело округлую снаружи форму, которая при езде позволяла саням свободно переваливаться с боку на бок.

Родственную связь кережи с лодкой подтверждает и тот факт, что западные кольские лопари еще в начале XX в. использовали летом на рыболовном промысле свои небольшие легкие лодки в качестве саней для перевозки рыболовного инвентаря и домашней утвари от озера к озеру. В эти сани-лодку они впрягали одного или нескольких оленей⁹⁸.

Есть упоминания, что еще в конце XIX — начале XX в. кольские саамы наряду с использованием кережи в упряжке нередко

употребляли ее и в качестве ручной охотничьей нарты, которую на промысле тащил сам охотник, подпрягая иногда себе в помощь собаку⁹⁹. В рыболовном промысле при подледном лове кережу также часто использовали вместо ручной нарты для перевозки рыбы от места лова к жилищам. Рыбак тащил ее обычно за веревку, которую продевал в носовое отверстие саней¹⁰⁰.

Следует отметить, что сходная с лопарской кережей форма ручной охотничьей нарты (ahkivo) до недавнего времени сохранялась у северных карелов, что объясняется, по-видимому, как правильно отмечает Р. Ф. Тароева¹⁰¹, влиянием лопарской культуры. Употреблялась кережа (ahkio) в качестве ручной нарты и у финнов¹⁰². У других народов Европейского и Азиатского Севера, хотя и известные в качестве древнейших транспортных средств однополосные ручные нарты (у самоедов Таймыра, селькупов р. Тыма, сымских эвенков и др.)¹⁰³, но форм, близких к кереже, не наблюдалось. Г. М. Василевич и М. Г. Левин высказали мнение, что у самоедских племен в прошлом была распространена ручная и затем оленная нарта, напоминающая по форме кережу¹⁰⁴. Однако убедительных доказательств этому мы не имеем.

В то же время оленный транспорт, как упряжный, так и вьючный, занимает важнейшее место среди транспортных средств этого периода. Кережа во второй половине XIX в. была, по-видимому, единственной формой саней, применяемых лопарями в оленьих упряжках. Подобная однополосная бескопыльная форма саней не встречается больше ни у одного из других оленеводческих народов, для которых характерна двухполосная копыльная нарта. Своеобразие кережи послужило одним из существенных оснований для выделения упряжного оленеводства саамов в особый тип¹⁰⁵.

Упряжное оленеводство саамов развивалось, по всей вероятности, на местной почве.

¹ Фонды ГМЭ, колл. 343, № 9; колл. 1424, № 25.

² В. В. Чарнолуский. Материалы по быту лопарей. Л., 1930, стр. 122.

³ Фонды ГМЭ, колл. 3176, № 31. Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 67, тетр. 1, л. 8.

⁴ T. Vuorela. The Finno-Ugric peoples. Hague, 1963, s. 73; T. I. Itkonen. Suomen lappalaiset vuoteen 1945, vol. I. Helsinki, 1948, s. 387.

⁵ Р. Ф. Тароева. Материальная культура карел. М.—Л., 1965, стр. 65.

⁶ «Народы Сибири». М.—Л., 1956, стр. 583.

⁷ С. Герберштейн. Записки о Московитских делах. СПб., 1908, стр. 188.

⁸ См. материалы по народам Сибири: «Историко-этнографический атлас Сибири». М.—Л., 1961, стр. 23, 35—42.

⁹ Фонды МАЭ, колл. 1908, № 1; фонды ГМЭ, колл. 4848, № 62; колл. 4037, № 29; колл. 445, № 20.

¹⁰ Фонды ГМЭ, колл. 445, № 20; колл. 4037, № 49; колл. 4848, № 63.

¹¹ I. Scheffer. Lappland, Frankfurt a. M.—Leipzig, 1967, S. 217, 248.

¹² Фонды ГМЭ, колл. 1424, № 22, 23; T. Vuorela. Указ. соч., стр. 73; Ø. Vorren, E. Manker. Lapp life and customs. London, 1962, p. 37; T. I. Itkonen. Указ. соч., т. 1, стр. 388.

¹³ Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 292, л. 6.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 292, л. 5; I. Scheffer. Указ. соч., стр. 286, 287.

¹⁶ I. Scheffer. Указ. соч., стр. 286, 287; Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 292, л. 5.

¹⁷ Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 289, л. 6—7.

¹⁸ Там же, л. 7; № 292, л. 3—4.

¹⁹ Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 289, л. 7.

²⁰ См. классификацию в статье: В. В. Антропова. Из истории транспорта у народов Сибири. «ИСИЭ АН СССР», XV, 1952, стр. 24.

²¹ См. указанную классификацию. Фонды МАЭ, колл. 343, № 14; фонды ГМЭ, колл. 445, № 40; колл. 1507, № 21; колл. 4848, № 65 и др.; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.

²³ Р. Ф. Тароева. Указ. соч., стр. 67.

²⁴ В. Н. Велицер. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958, стр. 132.

²⁵ Л. В. Хомич. Ненцы. М.—Л., 1966, стр. 100.

²⁶ «Народы Сибири», стр. 582.

²⁷ Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 281.

²⁸ Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 289, л. 8.

²⁹ Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 289, лл. 7—14; фонды ГМЭ, колл. 4848, № 65; колл. 445, № 37, 38.

³⁰ См. указанную классификацию В. В. Антроповой.

³¹ Н. Дергачев. Статистический очерк Лапландии. СПб., 1869, стр. 62,

63; С. Дурьлин. За полуночным солнцем. М., 1913, стр. 93; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.

³² Фонды ГМЭ, колл. 445, № 40; Д. Н. Бухаров. Поездка по Лапландии осенью 1883 г. СПб., 1885, стр. 9.

³³ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964, № 64.

³⁴ В. Я. Калитс. О тюленьем промысле на острове Кихну. «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. I. М., 1959, стр. 479, 480.

³⁵ «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 84.

³⁶ За недостатком материалов мы относим лопарские голицы к прямому виду лыж только предположительно.

³⁷ Фонды МАЭ, колл. 343, № 20, 21; фонды ГМЭ, колл. 445, № 31; колл. 1424, № 25.

³⁸ Фонды ГМЭ, колл. 1424, № 26; колл. 4037, № 24.

³⁹ T. Vuorela. Указ. соч., стр. 73.

⁴⁰ Тундровые лопари покупали тюленьи и нерпичьи шкуры для подшивки лыж у приморских лопарей (иоканьских, лумбовских и др.).

⁴¹ Фонды МАЭ, колл. 343, № 55; U. T. Sirelius. Über einige Prototypen des Schlittens. I. «Sc. Fennougrienne», 1913, XXX, N 32, s. 19—20; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.

⁴² «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 85—86.

⁴³ В переводе на нашу систему мер: длина — несколько более 2 м, ширина — около 10 см.

⁴⁴ I. Scheffer. Указ. соч., стр. 279—285.

⁴⁵ Там же, стр. 285.

⁴⁶ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964, № 64.

⁴⁷ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1965, № 64.

⁴⁸ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964, № 64.

⁴⁹ T. Vuorela. Указ. соч., стр. 73.

⁵⁰ Фонды МАЭ, колл. 343, № 21, 55.

⁵¹ Один английский фут = 30,5 см.

- ⁵² *I. Scheffer*. Указ. соч., стр. 281.
- ⁵³ *T. Vuorela*. Указ. соч., стр. 73.
- ⁵⁴ *К. Вилькуна*. Народная культура Финляндии. СЭ, 1968, № 3, стр. 35.
- ⁵⁵ *Р. Ф. Тароева*. Указ. соч., стр. 63.
- ⁵⁶ *Г. М. Василевич, М. Г. Левин*. Типы оленеводства и их происхождение. СЭ, 1951, № 1, стр. 75.
- ⁵⁷ *С. Герберштейн*. Указ. соч., стр. 188.
- ⁵⁸ *И. Г. Георги*. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. ч. I. СПб., 1776, стр. 6.
- ⁵⁹ *Н. Озерцовский*. Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804, стр. 74, 75.
- ⁶⁰ Там же, стр. 75.
- ⁶¹ *I. Scheffer*. Указ. соч., стр. 288, 305.
- ⁶² Там же, стр. 307.
- ⁶³ Там же, стр. 305, 306.
- ⁶⁴ Там же, стр. 307.
- ⁶⁵ *I. Scheffer*. Указ. соч., стр. 288.
- ⁶⁶ Там же, стр. 285.
- ⁶⁷ Фонды МАЭ, колл. 343, № 16.
- ⁶⁸ Там же; *U. T. Sirelius*. Указ. соч., с. 12; *В. Верецагин*. Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849, стр. 59—60; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.
- ⁶⁹ Фонды МАЭ, колл. 343, № 18.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Фонды ГМЭ, колл. 4848, № 16а, в, д; № 26; колл. 4037, № 25 в.; *Н. Дергачев*. Указ. соч., стр. 78.
- ⁷² См. терминологию частей упряжи: «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 21.
- ⁷³ Фонды ГМЭ, колл. 4848, № 16с, 17; колл. 1507, № 12—14; колл. 445, № 14.
- ⁷⁴ Фонды ГМЭ, колл. 4848, № 16е, 19—24; колл. 4037, № 25д.
- ⁷⁵ Фонды ГМЭ, колл. 4037, № 25а, 26а, 27а.
- ⁷⁶ Фонды ГМЭ, колл. 5845, № 85, 86.
- ⁷⁷ Фонды ГМЭ, колл. 4037, № 25а, б; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964, № 64.
- ⁷⁸ Фонды ГМЭ, колл. 4037, № 25 г.
- ⁷⁹ Архив ИЭ АН СССР, 1964, № 64.
- ⁸⁰ Фонды ГМЭ, колл. 4037, № 25, 26; колл. 4848, № 16; колл. 1507, № 12, 14; фонды МАЭ, колл. 343, № 83, 87.
- ⁸¹ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, № 64.
- ⁸² *T. Vuorela*. Указ. соч., стр. 73—74.
- ⁸³ *М. Г. Левин*. О происхождении упряжного собаководства. СЭ, 1964, № 4, стр. 80—81.
- ⁸⁴ В фондах ГМЭ хранятся двое саней типа кережи, приобретенных для музея С. И. Сергеем у лопарей Карашока (Восточный Финмаркен, Северная Норвегия) в 1907—1908 гг. Одни из этих саней — ездовые, другие — грузовые. По конструкции они отличаются от кережи кольских саамов только количеством шпангоутов, отходящих от килевой доски. У первых саней, ездовых, их 7, а у вторых, грузовых, 5. В бортах носовой части ездовых саней сделаны по 4 кожаных петли, по-видимому, для зашнуровывания ног. У грузовых саней этих петель, с помощью которых зашнуровывается багаж, больше: 6 с одного борта и 7 — с другого. Размеры ездовых саней следующие: длина 193 см, ширина 45 см, глубина 15 см, высота спинки 42 см. Размеры грузовых саней: длина 220 см, ширина 61 см, глубина 22 см, высота спинки 8 см. См. фонды ГМЭ, колл. 1424, № 1, 2; *С. И. Сергеев*. Год кочевки с лопарями. Л., 1927, стр. 77—79. *Ø. Vorren, E. Manker*. Указ. соч., стр. 23—24.
- ⁸⁵ *T. Vuorela*. Указ. соч., стр. 74; *T. I. Itkonen*. Указ. соч., стр. 399.
- ⁸⁶ Фонды ГМЭ, колл. 1424, № 3, 4, 7, 8, 10; *М. А. Кастрен*. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838—1844; 1845—1849). М., 1960, стр. 82; *С. И. Сергеев*. Указ. соч., стр. 77.
- ⁸⁷ Фонды ГМЭ, колл. 1424, № 6; *С. И. Сергеев*. Указ. соч., стр. 77.
- ⁸⁸ Фонды ГМЭ, колл. 1424, № 6.
- ⁸⁹ Фонды МАЭ, колл. 343, № 15; колл. 882, № 1; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.
- ⁹⁰ *Л. В. Хомич*. Оленьи нарты и упряжь у ненцев. Сб. МАЭ, т. XX. М.—Л., 1961; «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 23.
- ⁹¹ Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 322, л. 2.
- ⁹² Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1965, № 64.
- ⁹³ *Р. Ф. Тароева*. Указ. соч., стр. 73, 74.
- ⁹⁴ *T. Vuorela*. Указ. соч., стр. 75.
- ⁹⁵ *В. Н. Белицер*. Указ. соч., стр. 143.
- ⁹⁶ *Л. В. Хомич*. Указ. соч., стр. 95.
- ⁹⁷ *Н. Харузин*. Этнография, вып. I, 1901, стр. 38; *В. К. Алымов*. Оленеводство Мурманского округа. Сб. «Мурманское общество краеведения», вып. 2. Мурманск, 1928, стр. 36.
- ⁹⁸ Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 287, л. 5.
- ⁹⁹ *К. Случевский*. По северу России. СПб., 1886, стр. 107, 108.
- ¹⁰⁰ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964, № 64.
- ¹⁰¹ *Р. Ф. Тароева*. Указ. соч., стр. 71, 72; *U. T. Sirelius*. Über einige Prototypen..., стр. 5 и др.
- ¹⁰² *U. T. Sirelius*. Указ. соч., стр. 3—5, 7—8, 12 и др.; *К. Вилькуна*. Народная культура Финляндии. СЭ, 1968, № 3, стр. 34.
- ¹⁰³ *М. Г. Левин*. О происхождении упряжного собаководства, стр. 77, 81—83; *В. Н. Чернецов*. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре. Доклад на УП МКАЭН. М., 1964, стр. 6, 7.
- ¹⁰⁴ *Г. М. Василевич и М. Г. Левин*. Типы оленеводства..., стр. 80—82.
- ¹⁰⁵ Там же, стр. 75.

ПОСЕЛЕНИЯ И ПОСТРОЙКИ

Саамы Кольского полуострова в конце XIX — начале XX в. вели полукочевой образ жизни, обусловленный их основными хозяйственными занятиями (оленоводством, рыболовством и охотой). В соответствии с требованиями своего промыслового хозяйства они в течение года несколько раз перекочевывали с места на место. При этом вместе с мужчиной — главой семьи, непосредственно занятым в том или ином промысле, каждый раз переезжала на новое место и вся семья.

Материалы, относящиеся к этому периоду, отмечают наличие у всех кольских саамов постоянных поселений — *погостов* (*sijt* — иок.; *sajt* — клд.; в переводе означает «место»). Упоминания о первых погостах кольских лопарей относятся ко второй половине XVI в. и содержатся в актах и писцовых книгах. Так, одними из первых названы погосты Норицкий¹ (не ранее 1573—1574 гг.) на Ловозере (по своему местоположению соответствует более позднему Семиостровскому), Нотозерский и Сонгельский (1575 г.)². В конце XV в., как можно судить по сообщению С. Герберштейна³, постоянных поселений у кольских лопарей, по-видимому, еще не было. Исторические документы начала XVII в. уже говорят о существовании большинства тех лопарских погостов, которые известны нам по материалам конца XIX в.⁴

В конце XIX — начале XX в. у саамов были как зимние, так и летние погосты. Зимние погосты (*tal'v-sijt* — иок.; *tal'v-sajt* — клд.) имели все кольские саамы. Каждое общество имело свой погост. В них население жило примерно с декабря по март, занимаясь выпасом оленьих стад (зимой стада отличаются значительно меньшей подвижностью) и охотой. Зимние погосты размещались обычно во внутренних частях полуострова, в местах, закрытых холмами, по берегам озер или рек и недалеко от леса как надежного источника топлива⁵. В центре или на краю такого зимнего посе-

ления, как правило, находилась часовня, вокруг или рядом с которой обычно без всякого плана располагались лопарские жилища — срубные, однокамерные, крытые на один скат постройки (*пырты*)⁶. Между ними были разбросаны маленькие амбарчики на высоких столбах, с двускатными острыми кровлями⁷.

С начала марта все жители покидали зимние погосты и вместе с оленьими стадами начинали продвижение к летним местам поселений, где, занимаясь рыболовством, оставались примерно до декабря.

Летние погосты (*kies'-sijt* — иок.; *kies'-sajt* — клд.) были не у всех саамов. Их имели только так называемые береговые лопари (пазрецкие, печенгские, мотовские, кильдинские, семиостровские, иоканьгские, лумбовские, понойские и сосновские)⁸. Эти поселения находились в непосредственной близости от морского побережья, обычно в устьях больших рек, где можно было заниматься семужьим промыслом. Состояли они, как и зимние, чаще всего из беспорядочно разбросанных маленьких деревянных избушек и амбарчиков. Отличие от зимнего поселения состояло в том, что здесь не было часовни.

Кроме зимнего и летнего погоста каждое береговое лопарское общество имело еще несколько (иногда до четырех или пяти) весенних и осенних промежуточных мест (*čakč'-sijt* — иок.; *čiečč'-sajt* — клд.). Осенние места, где стояло несколько жилищ и амбаров, располагались обычно по берегам озер и рек. Здесь лопари останавливались ненадолго весной и осенью по пути следования в летние или зимние места поселений и занимались в зависимости от времени года рыболовством или охотой.

Лопари каменские, ловозерские, пулозерские, нотозерские, бабенские и другие, зимние поселения которых находились в более южных лесотундровых районах полуострова, летних погостов не имели. Весной они разъезжались по ближайшим озерам и рекам, где занимались рыболовством.

Появление погостов у кольских лопарей, вполне отвечавших требованиям и особенностям их полукочевой жизни, возможно, в какой-то мере объясняется контактами с русским населением. В пользу этого свидетельствуют наличие часовни в составе построек, а также и само название поселения — погост. Как известно, поселения, называемые погостами, широко распространены по всему русскому Северу. Следует отметить, что погосты лопарей, как зимние, так и летние, могли один раз в 20—30 лет перемещаться с одного места на другое, более богатое ягелем и промысловыми угодьями⁹. Именно этим можно объяснить тот факт, что, как показывают различные исторические документы, перечень лопар-

ских поселений в продолжение XVII—XX вв. несколько раз менялся. Одни названия исчезали, вместо них появлялись другие. Зимний Семиостровский погост, например, менял свое местоположение 7 раз¹⁰. При этом иногда менялось и его название. То же происходило и с Сосновским погостом¹¹, Иоканьгским¹² и другими.

Если говорить о форме лопарских поселений конца XIX — начала XX в.¹³, то здесь можно выявить несколько различных вариантов. Литературные материалы середины и конца XIX в. свидетельствуют о беспорядочной застройке, при которой дома (или вежи) в поселке «разбросаны в величайшем беспорядке, по произволу хозяев»¹⁴. Беспорядочная планировка в более ранних погостах, по-видимому, преобладала. Наши полевые материалы, относящиеся к концу XIX — началу XX в., выявляют у лопарей поселения рядовой прибрежной формы¹⁵, при которой дома (избы или пырты) стоят в ряд на берегу озера и окнами обращены к озеру. Позади домов, также вытянувшись в одну линию, стоят амбары — *айты*. Такая планировка в описываемый период была свойственна, по-видимому, наиболее крупным лопарским погостам, каким было, например, Нотозеро¹⁶. Та же прибрежная рядовая форма характерна и для другого, не менее крупного в конце XIX — начале XX в. лопарского погоста — Семиостровского. Здесь дома стояли на берегу ручья (Лево), обращенные фасадами к воде, но не в один, а в два ряда (зимнее поселение). Дома летнего Семиостровского погоста, расположенного в устье р. Варзины, стояли в аналогичном порядке, но уже в три ряда¹⁷. Для небольших поселков конца XIX — начала XX в. (например погост Бабенский) характерно было беспорядочное расположение жилых построек, главные фасады которых, однако, смотрели на воду¹⁸. Как можно судить по материалам экспедиции Д. А. Золотарева (1927 г.), некоторым лопарским поселениям этого времени (например, зимней Иоканьге) свойственна уличная планировка¹⁹.

Интересны данные о числе дворов в лопарских погостах, которые мы приводим в таблице 5²⁰.

Таким образом, в среднем на один погост приходится в 1797 г. 8 дворов, в середине XIX в. — 14, в 1926 г. — 22. Нотозерский погост для получения средних данных XIX в. из подсчета исключен²¹.

Таблица показывает, что с конца XVIII по начало XX в. в большинстве лопарских поселений число дворов увеличилось.

В течение последних десятилетий текущего столетия произошел целый ряд изменений в характере поселений кольских саамов. С переходом населения на оседлость отпала необходимость в сезон-

Таблица 5

Погост	Число дворов		
	1797 г.	Середина XIX в.	1926 г.
Пазрецкий	11	13	—
Печенгский	6	12	—
Мотовский	4	10	—
Кильдинский	9	18	10
Сонгельский (1797 г. — Солзенский)	9	12	—
Нотозерский	7	90*	—
Масельский (1926 г. — Пулозеро)	7	—	15**
Бабенский	7	—	—
Екостровский	—	10	—
Вороненский	10	18	—
Ловозерский	9	10	42
Семиостровский	21	28	21
Иоканьгский	12	10	27 (зимн.) 30 (летн.)
Лумбовский	—	—	—
Сосновский	16	—	17
Каменский	—	—	14
Итого	128	231	176

* Цифра, по-видимому, очень завышена.

** По другим данным — 26.

ных поселениях (летних и зимних). Каждый лопарский колхоз имеет теперь одно постоянное селение, в котором круглый год живут семьи лопарей, занимающихся оленеводством и другими промыслами. Береговые лопари в выборе места своего постоянного поселения отдали предпочтение летним погостам, расположенным на морском побережье²².

За последние десятилетия значительно изменился и этнический состав бывших лопарских погостов. В настоящее время на Кольском полуострове нет ни одного поселка, в котором бы жили только саамы. Везде они живут чересполосно с русскими, коми, ненцами, а на западе полуострова — также с карелами и финнами²³.

Произошли изменения и в форме саамских поселений. Так, большое распространение получила уличная планировка (села Тулома, Иоканьга, Пулозеро)²⁴, которая, однако, нередко сочетается с прибрежным рядовым вариантом, наиболее распространенным, по-видимому, у кольских саамов в начале XX в. Примером этой смешанной формы могут служить села Ловозеро и Варзино²⁵. Сохраняется и чистая рядовая прибрежная форма (д. Ивановка)²⁶.

Современные поселки (особенно такие, как Ловозеро, Тулома) гораздо крупнее бывших лопарских погостов. Начиная с 50-х годов нашего века в связи с укрупнением колхозов саамы переселялись из мелких поселков в более крупные. Так, саамы поселков Восмус и Юркино переехали в село Тулому, саамы Лумбовки переселились в соседнюю Иоканьгу, а саамы Чудзьявра — в Ловозеро. В 1960-е годы в Ловозеро переселились и вороненские саамы.

За годы Советской власти значительно улучшилось благоустройство поселений, где живут саамы. Все поселки радиофицированы и электрифицированы. В каждом из них есть школа, фельдшерско-акушерский пункт, отделение связи, магазин, клуб, библиотека.

*

Наиболее ранние литературные сведения о жилище кольских саамов относятся к концу XV в. и принадлежат С. Герберштейну. По его сообщению, саамы жили в переносных, легких постройках из жердей, покрываемых сверху берестой или оленьими шкурами²⁷. Документы XVI в., как уже говорилось, отмечают наличие у части саамов Кольского полуострова постоянных поселений — погостов, которые состояли, очевидно, уже из более фундаментальных и непереносных построек. В XVIII в., по-видимому, большинство лопарей зимой жило в погостах, где жилищами им служили непереносные постройки, крытые дерном. Во второй половине XVIII в. И. Георги сообщает, что лопари живут в шалашах, состоящих из вколоченных в землю и кверху как будто куполом сведенных столбиков, покрытых хворостом, дерном, берестой, холстом, толстым сукном, войлоками или ветхими оленьими кожами²⁸. По описанию Н. Озерецковского, вежи или шалаши лопари делают из жердей, на которые настилают прутья, сплетшиеся корни и дерн²⁹. Хотя все имеющиеся ранние сведения о саамских жилищах не содержат данные об их конструкции, очевидно, что речь идет о двух видах построек: временных, переносных, по-видимому, типа чума, и более фундаментальных, постоянных, крытых дерном. Сказать что-либо определенное о форме последних трудно. Из

данных И. Георги как будто бы явствует, что они были конической формы. Однако картографические материалы середины XVIII в. зарегистрировали, по всей вероятности, пирамидальные постройки³⁰.

Среди ранних описаний жилищ очень интересны данные И. Шеффера середины XVII в., относящиеся к скандинавским лопарям. Этот автор описывает два типа построек. Один из них, распространенный у горных лопарей, представляет собой легкую переносную постройку в форме четырехгранной пирамиды. Ее остов состоит из четырех жердей, воткнутых в землю в углах постройки (по-видимому, наклонно к центру) и соединенных между собой наверху с трех сторон переками. Со стороны входа в жилище такой перекадины не делают. К остову прислоняют более длинные жерди покрытия, которые почти сходятся в вершине. Сверху постройка покрывается сукном или войлоком, и иногда еще слоем холста³¹. В лесных районах Лапландии был распространен другой вид жилой постройки, более основательной и непереносной, имеющей форму шести- или даже восьмигранной пирамиды. Иногда эти постройки И. Шеффер называет также коническими (по-видимому, потому, что пирамидальные постройки с 6 или 8 гранями могли иметь вид конических.). Детальную конструкцию этих жилищ лесных лопарей И. Шеффер не описывает, однако, отмечает, что их остов состоял из 6 (или, соответственно, из 8. — *Т. Л.*) шестов, сходящихся в вершине, а покрытие обычно делалось из досок³².

Материалы конца XIX — XX в. позволяют выделить у кольских саамов в тот период несколько форм жилых построек. Широко распространенным жилищем у всех кольских саамов в конце XIX в. была постройка, называемая в литературе вежей (*kiedt'e* — иок.; *kuedt'* — клд.). В источниках XVII—XIX вв. это жилище часто называется шалашом.

Вежа конца XIX в. представляла собой непереносную каркасную постройку из жердей, крытую древесной корой и дерном. Устраивались вежи обычно на рыболовных (летних, весенних и осенних) местах. При перекочевке на другую сезонную стоянку (или поселение) саамы не разрушали их, не брали с собой, а оставляли на том же месте, чтобы воспользоваться ими при следующем своем приезде сюда.

Вежа конца XIX в., как правило, имела форму усеченной четырехгранной пирамиды. Имеются также отдельные упоминания о существовании у саамов веж в форме шестигранной или даже восьмигранной пирамиды. Кроме того, некоторые авторы сообщают о вежах конической формы³³. Однако в последнем случае

очень возможно, что речь идет о другом виде саамских построек, действительно имеющем коническую форму (см. ниже).

Описание вежи в форме усеченной многогранной пирамиды мы находим у В. Верещагина (середина XIX в.). По его словам, она состояла из нескольких жердей длиной до двух саженей каждая, воткнутых в землю в углах постройки и почти сходящихся в вершине. Основание постройки имело форму многоугольника. Верхние концы жердей были прикреплены к маленькой горизонтальной раме, которая держала весь остов. К этому каркасу прислонялись другие жерди, хворост, а сверху вся постройка была обложена дерном³⁴. Распространение у саамов шестигранных веж подтверждается и другими данными³⁵. По рассказам ловозерских лопарей, вежа в форме шестигранной пирамиды еще совсем недавно стояла на берегу Сейдозера³⁶. Особенности ее конструкции, к сожалению, выяснить не удалось.

Итак, в исследуемый период наиболее распространена вежа, напоминающая по форме усеченную четырехгранную пирамиду. В конструктивных особенностях этой постройки выявляются определенные различия между западными и восточными районами полуострова. Саамы западных районов (бабенские, вороненские, ловозерские и др.) сооружали свои вежи следующим образом. Четыре толстых жерди *вал-тэг* («*väl-tæg*», что означает «горбатые жерди») ³⁷ длиной около 2 м каждая втыкались в землю в предполагаемых углах постройки, и верхние концы их перекрещивались попарно друг с другом так, что одна пара жердей оказывалась параллельной другой. В верхних концах этих жердей делалось по сквозному отверстию. Через отверстия пропускали пятую горизонтальную жердь (*siv-mig* — иок.; *suiv-mig* — клд., т. е. «дымовая жердь»), которая скрепляла весь остов. Дымовая жердь шла от входа к противоположной (передней) стене. Для достижения большей прочности каркаса обе пары жердей *вал-тэг* скреплялись между собой еще одной или двумя горизонтальными жердями (*siv-ljvt* — иок.; *suv-lujt* — клд.), проходившими вдоль боковых стен параллельно *сув-мур*. Они приколачивались к *вал-тэгам* гвоздями³⁸.

Покрытие вежи состояло из поставленных наклонно вплотную друг к другу жердей (*mir* — иок.; *mir* — клд.), прислоненных к остову, березовой, сосновой или еловой коры (*kir* — иок.) и дерна (*lav'n'e* — иок.; *liv'n'* — клд.), поверх которого для его большего укрепления ставилось еще несколько жердей. Наверху постройки оставляли отверстие для выхода дыма (*gehr'ep'* — иок., клд.)³⁹.

В восточных районах Кольского полуострова (у семиостров-

ских, иоканьгских, лумбовских, каменских саамов) зафиксирована несколько иная вежа. Она сохраняла описанный выше основной принцип крепления каркаса, состоявшего из двух пар жердей *вал-тэг* и горизонтальной жерди *сув-мур*, и ту же пирамидальную форму. Но в ее основании лежал небольшой сруб из горбыля или тонких бревен в 2—3 венца, углы которого скреплялись обычно рубкой в лапу⁴⁰. В современной веже семиостровских саамов, стоящей на р. Варзина, бревна заменены аналогичным образом (т. е. горизонтально) положенными досками⁴¹. На верхний венец укладывали один ряд поставленных на ребро досок (*ljvt* — иок.). На это основание ставился остальной каркас жилища, причем нижние концы жердей *вал-тэг* упирались в доски *мунт* боковых стенок сруба на некотором расстоянии от его углов. Для лучшего поддержания покрытия вежи к каркасу добавлялось еще несколько дополнительных жердей. Четыре из них шли от углов сруба к местам пересечения *вал-тэгов* с *сув-муром*⁴². Кроме того, на передней и задней сторонах каркаса (т. е. со стороны входа и напротив) приделывалось по две жерди, которые шли от сруба к *сув-мур*. На одной из них, в частности, держалась входная дверь.

Доски покрытия начинали класть, отступя примерно полметра от вершины, где оставалось отверстие для выхода дыма. Сверху укладывали несколько горизонтальных рядов, а в нижней части доски ставили стоймя, упирая их концами в сруб. Доски покрывались несколькими слоями бересты, на которые настилался дерн. Вся постройка немного (на 15—20 см, т. е. примерно на один венец) углублялась в землю⁴³.

Саамские вежи бывали, по-видимому, разных размеров, но в среднем их площадь составляла около 3 × 3 м. Эта постройка и в том, и в другом вариантах имела две двери. Одна из них (*uks* — иок.; клд.), служившая входом в жилье, устраивалась в южной⁴⁴ стене. Ее делали из досок обычно на железных или деревянных петлях, но иногда применяли также кожаные или роговые петли. Открывалась она наружу и благодаря своему наклонному положению сейчас же захлопывалась, что способствовало большому сохранению тепла в жилище⁴⁵. В вежах у восточных саамов входная дверь устраивалась над венцами сруба, которые образовывали при этом довольно высокий порожек. Снаружи перед дверью для защиты от ветра часто устраивалось небольшое прикрытие из полотна или развешенного на балках брезента. Иногда с этой же целью делали перед дверью небольшой шалаш из нескольких палок, переплетенных хворостом⁴⁶. В некоторых случаях перед входом в вежу сооружалось нечто вроде сеней из снега.

В прошлом, по рассказам саамов, в стене, противоположной входу, находилась другая, маленькая дверь (poass-uks — иок., клд.), имевшая особый ритуальный смысл и связанная с религиозными представлениями саамов. Эта дверь, как и вся передняя, обращенная на север сторона жилища, считалась священной. Через нее проходили охотники и рыболовы, отправляясь на промысел. Через нее же они, возвращаясь домой, проносили в жилище свою добычу (дичь, мясо убитых животных, в том числе диких оленей, улов рыбы) ⁴⁷. Женщинам проходить через дверь poass и вообще ходить с этой стороны жилища не разрешалось.

Материалы конца XIX и тем более XX в. почти не содержат упоминаний об устройстве саамами в своих вежах двери poass, имеющей ритуальное назначение. Однако на месте этой двери саамы стали делать небольшое окно (jekkan — иок.), затягивая его рыбьим пузырем. Это окно, по-видимому, уже не было связано ни с какими религиозными представлениями и действиями, а служило для освещения. В современных вежах, которые еще используют саамы в качестве промысловых жилищ, таких окон уже нет.

Внутренняя планировка вежи одинакова как в западном, так и в восточном вариантах этой постройки. В центре устраивался круглый очаг (tõlj-sjje — иок.; tõl-saj — клд., т. е. «огня место»), служивший для обогривания жилья, освещения и для варки пищи, огонь в котором горел почти непрерывно. Место очага обкладывали большими камнями. Сверху к очагу спускалось несколько цепей с крюками на концах (av'eI' — иок.; клд.), на которых подвешивались над огнем котлы и чайники.

О способах закрепления цепи — *аввель* наверху в литературе почти нет никаких сведений. В современных вежах аввель имеет на верхнем конце такой же крюк, как и на нижнем, и зацепляется им за горизонтальную жердь сув-мур. О таком же способе свидетельствуют и устные сообщения саамов ⁴⁸.

В. В. Чарнолуским в 1928 г. был зафиксирован другой способ, сходный с тем, который применяют в своих чумах самодийские народы (ненцы, нганасаны). Он состоял в следующем. В середине вежи перед очагом и за ним укрепляли, слегка вкапывая в землю, два стояка, которые на уровне примерно 1 м от земли соединяли двумя горизонтальными параллельными друг другу (и боковым стенам вежи) планками. Аввель представлял собой деревянную палку с железным крюком на нижнем конце и рядом (одно над другим) сквозных отверстий на верхнем. Аввель помещали между планками, а вставленную в одно из отверстий небольшая палочка, лежащая поперек планок, удерживала его в висячем положении. Пропуская палочку в разные отверстия, сделанные в верхней части

аввеля, можно было регулировать высоту его положения над огнем ⁴⁹.

По обе стороны от очага находились жилые половины (ligte — иок.; luajt — клд.). Они устилались березовыми и еловыми ветками, поверх которых клались оленьи шкуры, служившие постелями (tj'l'je — иок.; tjl'j' — клд.).

Часть вежи между очагом и входом (kitta — клд.) служила местом для различных женских занятий (обработки шкур и пр.). Здесь же во время родов находилось ложе роженицы.

Передняя часть вежи за очагом считалась священной. В ней находилось так называемое чистое место (lirs — иок.; lürs — клд.), огороженное с трех сторон поставленными на ребро досками (rolt, p'arv'et' — клд.). Здесь саамы хранили запасы пищи, посуду и прочую утварь, для чего на передней стене постройки делали небольшие полочки из досок (il'te — иок., клд.). Сюда же ставили икону. В более ранние времена саамы, по-видимому, хранили в этом месте своих идолов, различные амулеты и другие семейные сокровища. Переступить границу «чистого места» и даже наступать ногой на поставленные доски не разрешалось ⁵⁰.

Однако постепенно запреты, связанные с «чистым местом», ослабевали. Так, уже в 1927 г. В. В. Чарнолуский наблюдал, как молодая женщина лопарка спокойно сидела на доске *полт*. В настоящее время в этой части вежи также хранят запасы пищи и посуду. До сих пор сохраняется обычай огораживать это место досками, за которые живущие в веже лопари, особенно женщины, предпочитают не переступать. Но вместе с тем почитание «чистого места» и представления о нем у саамов, безусловно, проявляются сейчас гораздо слабее.

Вдоль передней стены вежи, как раньше, так и теперь, на уровне полуметра от земли от одной жерди вал-тэг к другой тянется горизонтальная жердь (oik — иок., клд.; русск. — грядка). На ней развешивают для просушки сырую одежду и обувь ⁵¹.

Распределение мест в веже между членами семьи происходило следующим образом. Если в веже жила одна семья, то наиболее почетное место хозяина, главы семьи, находилось на правой от входа жилой половине, около «чистого места». За ним следовало место хозяйки. На левой половине располагались места детей. Там же спали и работники, если таковые имелись. Гости сажали на место хозяина, который соответственно передвигался ближе к выходной двери ⁵².

Если в веже проживало две семьи, то одна из них занимала левую половину, а другая — правую. В каждой из половин

хозяин располагался около «чистого места», затем следовала хозяйка, а за нею почти у двери находились дети и работники.

Вежа, как уже говорилось, была когда-то, по-видимому, основным жилищем саамов, широко распространенным по всему Кольскому полуострову. С появлением у них срубных построек, которые стали сооружаться на местах зимних поселений, вежа приобретает характер летнего промыслового жилища и строится главным образом у рек и озер на весенних, летних и осенних местах. Именно таково было назначение саамской вежи в конце XIX — начале XX в. Со временем, однако, вежа все больше выходит из употребления и постепенно вытесняется другими, более удобными видами временного жилья.

Уже в конце XIX в. вежа не была единственным летним жилищем. Как свидетельствует, например, из сообщения Д. Н. Бухарова, относящегося к 1883 г., летний погост пазрецких лопарей, расположенный у церкви св. Бориса и Глеба, состоял в то время из 11 рубленых избушек, крытых дерном⁵³.

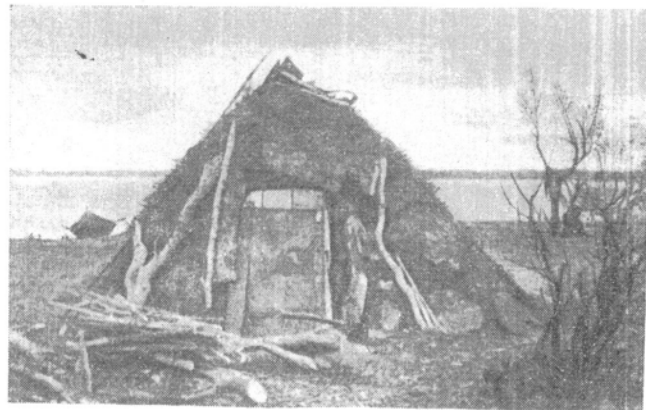
В начале XX столетия, ко времени работы на Кольском полуострове экспедиции Академии наук, которой руководит Д. А. Золотарев (1927—1928 гг.), вежа почти утратила свое значение как жилище саамов. Так, мотовские лопари, живущие на северо-западе Кольского полуострова, к этому времени уже не строили себе вежи на летних местах, а жили в маленьких, деревянных, рубленых из тонкого леса, однокамерных избушках, тупах⁵⁴, или в своеобразных однокамерных постройках с окном, обложенных со всех сторон дерном и торфом и с пристроенными сенями⁵⁵. Утратила вежа свое значение и у саамов, населяющих восточные пределы Кольского полуострова. В. В. Чарнолуцкий, работавший в 1927 г. среди терских саамов, не обнаружил вежи ни у иоканьских, ни у лумбовских лопарей.

К концу 20-х годов XX в. еще продолжали жить в вежах каменные саамы, летние места которых находились по берегам р. Поюня и прилегающим озерам⁵⁶. Сосновские и семиостровские саамы на осенних местах тоже еще строили вежи, одну из которых на берегу Енозера довелось увидеть в 1927 г. В. В. Чарнолуцкому⁵⁷.

На западе Кольского полуострова к концу 20-х годов XX в. в вежах еще продолжали жить кильдинские саамы, которые на лето для семужьего лова расселялись по восточному берегу Кольского залива, а также пулоозерские саамы, летние места которых находились на озерах, недалеко от погоста⁵⁸. Сохранялись еще вежи в качестве летних промысловых жилищ и у вороненских саамов, которые жили летом недалеко от Териберки⁵⁹.

В настоящее время вежа еще иногда используется как летнее

Вежи саамов

промысловое жилище. Так, продолжают еще жить в вежах на своих летних рыболовных местах некоторые саамы Ловозера, дер. Ивановки (бывшие каменные), села Варзина (бывшие семиостровские). Современные вежи отличаются от веж конца XIX — начала XX в. целым рядом нововведений. Так, в некоторых из них открытый очаг заменен железной или кирпичной печью с трубой, устроен дощатый пол (šel'd — иок.), а для покрытия вместо дерна используются доски и толь⁶⁰. Однако в очень недалеком будущем вежа, по-видимому, совершенно выйдет из употребления и будет заменена другими, более удобными и совершенными видами жилья.

В конце XIX в. очень распространенной формой жилища у саамов была также рубленая постройка, называемая у кольских лопарей *пыртом* (paŕt — иок.; peŕt — клд.), а у скандинавских — *тупой*. Последнее название часто употреблялось и кольскими лопарями. Тупа была зимним жилищем и строилась главным образом на местах зимних поселений-погостов.

Время появления срубного жилища у саамов остается пока неясным. Все литературные материалы XVI—XVIII вв. употребляют для обозначения саамского жилища термин *вежа* или *шалаш*. Актовый материал того же периода также не содержит упоминаний о срубных постройках у саамов. Первые карты Кольского полуострова, составленные в середине XVIII в. и показывающие размещение лопарских поселений с обозначением построек, называют в качестве лопарских жилищ только вежи.

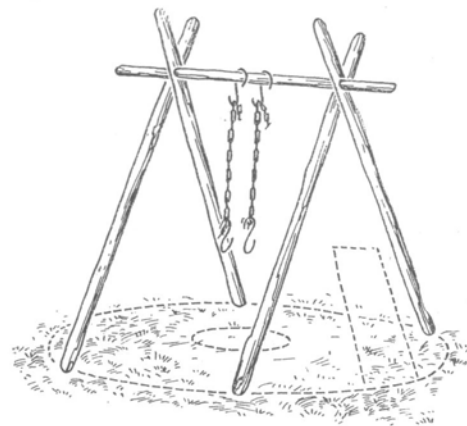
Первое упоминание о срубных постройках у саамов, живущих в районе озера Имандры, принадлежит Н. Озерецковскому и относится к концу XVIII в.⁶¹ Очень возможно, что именно саамы Имандры и других близлежащих мест стали впервые строить себе рубленые дома. Ведь как раз через эти районы проходил, по-видимому, один из древних путей проникавших на север новгородцев, и здесь издавна сосредоточивалось русское население. Одним из результатов взаимных контактов русских и лопарей и было, вероятно, появление у последних срубных построек. Этому способствовало и наличие хорошего строительного материала, так как западные районы Кольского полуострова — это наиболее лесные его районы.

Все материалы второй половины XIX в. отмечают уже повсеместное распространение у саамов Кольского полуострова срубных построек. Но еще в 1849 г. В. Верещагин, совершив поездку к кольским лопарям, отмечал, что рубленых избушек у них немного и строятся они главным образом там, где есть хороший лес, а в других местах живут больше в вежах⁶².

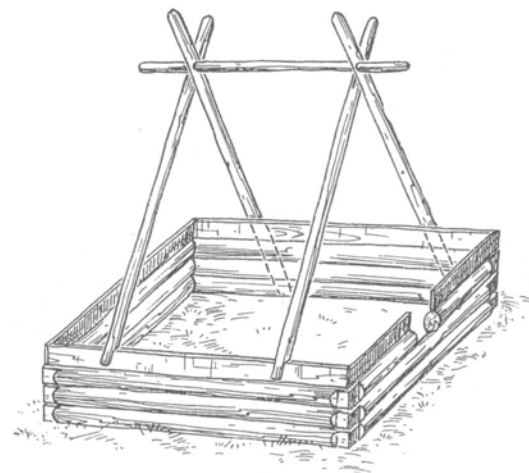
Лопарский пырт конца XIX в. представлял собой срубную (из соснового или елового леса) однокамерную постройку с плоской, чуть наклонной крышей из досок, покрытой дерном. Некоторые зажиточные лопари уже в конце XIX в. строили пырты с двускатными дощатыми крышами. Площадь пырта составляла в среднем от 10 до 16 кв. м, а высота — от 1,5 до 2 м⁶³.

Входом служила низкая (не выше 1 м) дощатая дверь на деревянных петлях, перед которой часто устраивали сени из досок или из сучьев и кольев (наподобие шалаша). В некоторых постройках были пол и потолок, сделанные из горбыля. В передней и боковых стенах (или в одной боковой стене) постройки делали по одному

Каркас вежи западных районов Кольского полуострова

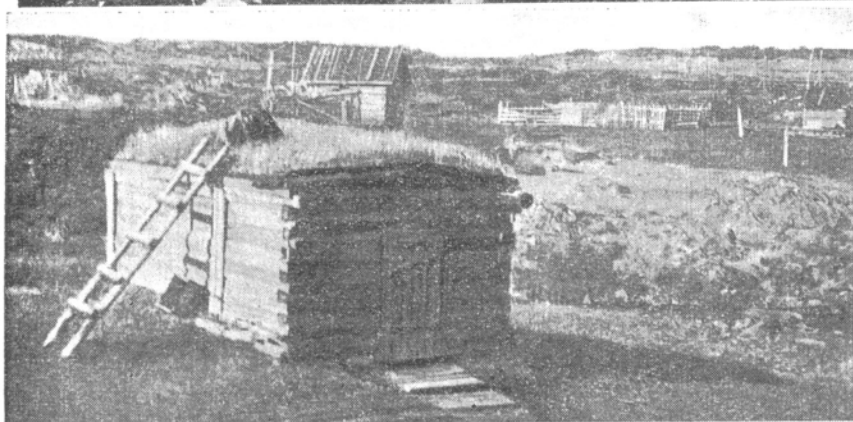

Каркас вежи восточных районов Кольского полуострова

маленькому (от 20 до 50 см высотой) окошку со стеклянными, а иногда и слюдяными рамами⁶⁴.

В одном из углов пырта, направо или налево от входа, сооружался из камней, обмазанных глиной, камелек (tägk'ë — иок.; tag'g' — клд.) с открытым устьем. От него шла широкая, суживающаяся кверху прямая труба, выходящая в отверстие в крыше. Над огнем в камельке прикрепляли горизонтальный железный прут, от которого к очагу спускалось несколько цепей с крюками на концах (ä'v'el' — иок., клд.). На них подвешивали над огнем котлы и чайники, в которых приготавливалась пища.

Между камельком и передней стеной постройки находилось «чистое место», где, как и в веже, на полках и просто на полу хранилась разная утварь, состоявшая зачастую лишь из одного медного котелка, нескольких деревянных ложек, чашек и ковшиков из бересты, тогда как глиняная посуда была только у зажиточных хозяев. Здесь же держали икону, и это место было отделено от остальной части жилья поставленной на ребро доской.

Вдоль стен находились нары для сна, которые покрывали оленьими шкурами и куда складывали также одежду и оленью упряжь.

На нарах около передней стены спали хозяева, затем сыновья и остальные мужчины, а у самой двери, как и в веже, находились места девушек⁶⁵.

Пырт саамов, по материалам первых десятилетий XX в., представляет собой, как правило, срубную постройку (толщина бревен от 15 до 20 см) с двускатной дощатой крышей и пристроенными дощатыми сенями. Размеры ее бывали различны. Площадь (жилая) колебалась от 10 до 20 кв. м, причем часто она состояла из двух комнат (кухни и «чистой» комнаты). Высота пырта составляла не более 2 м, размеры дверей — около 130 × 50 см, окон — 50 × 60 см⁶⁶. Внутренняя планировка почти не отличалась от уже описанной, если не считать, что нары все чаще заменялись самодельными деревянными кроватями. Кроме того, с одной или с обеих сторон камелька вдоль стен стали протягивать «грядки» (блк), на которых развешивали одежду.

У наиболее зажиточных саамов уже в конце XIX и особенно в начале XX в. в зимних погостах появились русские избы с двускатными тесовыми крышами, которые состояли обычно из двух половин: избы с русской печью и пырта с камельком. Эти половины чаще всего были разделены сенями, но иногда пырт пристраивался прямо к избе. В некоторых случаях вместо пырта к избе пристраивалась холодная клеть, служившая хозяйственным помещением или хлевом для овец. Нередко рядом строили и вежу, которая при этом служила кухней⁶⁷.

Со временем такие постройки получили большое распространение у саамов. Уже в 20-х годах XX в. все зимние погосты и не-

Саамский пырт

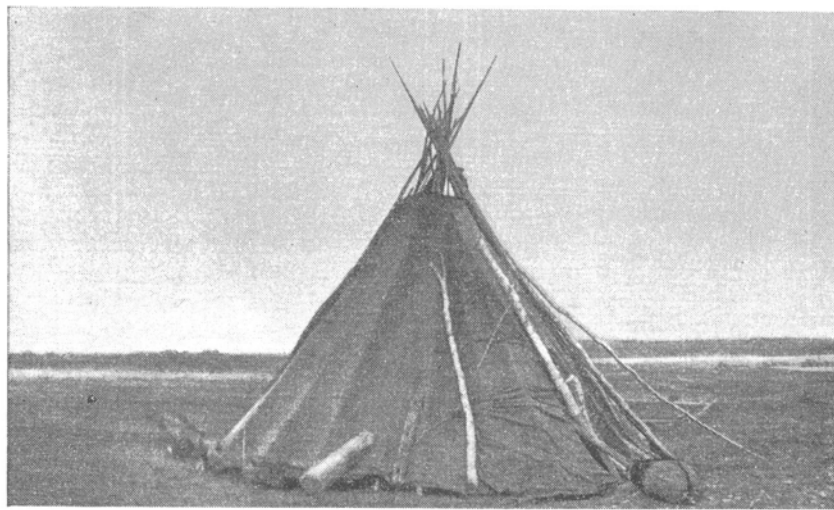
Пырт-бани

Пырт около избы, используемый в качестве хлева для овец

которые летние состояли наполовину из однокамерных пьртвов с пристроенными сенями и наполовину из русских изб с сенями и пристроенным пьртом (или клетью). Такие постройки сохраняются у саамов до сих пор, и по своей конструкции они ничем не отличаются от жилищ русского населения Кольского полуострова и северных районов Карелии.

В конце XIX — начале XX в. у саамов была распространена и сохраняется в настоящее время еще одна форма постройки. Речь идет о легкой, переносной конической постройке из жердей, покрываемой парусиной — *куваксе* (kuvvas — иок., kivas — клд.). У саамов восточных районов Кольского полуострова эта постройка носит также название *о́дай* (ođaj — иок.) или *спалка*. Иногда также здесь употребляется русское название «стан».

Каркас куваксы состоит из жердей длиной около 3 м (siaïkan — иок.), расставленных по кругу и сходящихся в вершине. Количество жердей бывает различным (от 12 до 25) и зависит от размеров куваксы, которые определяются числом людей, живущих в этом жилище. При постановке куваксы первоначально ставятся 2 или 3 жерди (особого названия не имеют), которые связывают у вершины веревкой. Если на конце одной из них имеется развилка, то они соединяются без помощи веревки. К этим основным

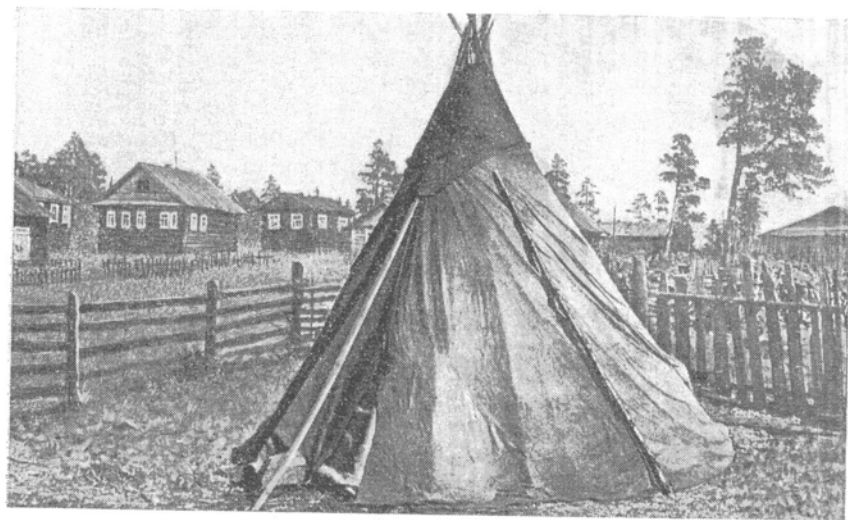

Рыбачья кувакса на рыболовной стоянке

жердям приставляются все остальные. Если первые жерди скреплены веревкой, то все последующие ставятся под нее.

Покрытие куваксы состоит обычно из двух кусков мешковины, брезента или парусины (siaïvas — иок.), которые привязываются к каркасу веревками. Сверху для большей прочности к постройке прислоняется еще несколько жердей. Наверху оставляют отверстие для выхода дыма (tehr'ep' — иок.). Вход в куваксу устраивают обычно с подветренной стороны, а дверью служит незакрепленный край одного из *салвасов* ⁶⁸.

Внутренняя планировка и терминология отдельных частей современной куваксы — та же, что и вежи. В. В. Чарнолуский сообщает о несколько иной планировке, которую он наблюдал в 1927 г. у терских саамов. У них спальные места в куваксе располагались, как направо и налево от входа, так и за очагом, причем эти последние места считались наиболее почетными. «Чистое место» (Цірс — иок.) в этом случае находилось за очагом перед спальными местами ⁶⁹. Крюк для подвешивания котлов над огнем в современных куваксах прикрепляется к перекладине, привязанной веревками к двум противоположным жердям постройки. Некоторые авторы отмечают, что этот крюк прикреплялся в вершине постройки в том месте, где сходились жерди ⁷⁰. Бывали

Кувакса — подобное помещению

случаи, что аввеля вообще не было, а около очага наклонно втыкали в землю палку (*kiṃpešitg* — иок.; *kiṃpešitg* — клд.), верхний конец которой приходился над огнем. На этот конец и подвешивали чайник или котел⁷¹.

Кувакса служила саамам жилищем во время их передвижений по тундре при занятиях оленеводством, охотничьим промыслом или каких-либо других переездах. Разбивая куваксу где-нибудь в тундре летом, саамы закрывали тлеющий очаг мхом, и тогда постройка становилась своего рода дымокуром, хорошо защищавшим от комаров. В настоящее время ею иногда пользуются и рыбаки.

Традиционное жилище саамов Кольского полуострова интересно сравнить с жилыми постройками скандинавских саамов, культура которых отличается большим сохранением архаических черт.

У скандинавских саамов в конце XIX—XX в. было распространено несколько видов жилых построек, различных в лесных, горных и прибрежных районах.

У горных лопарей Швеции и Норвегии, которые занимаются преимущественно оленеводством и ведут кочевой образ жизни, основным видом летнего (а у некоторых и зимнего) жилища служит легкая переносная коническая постройка из жердей — *кота*, покрываемая сверху парусиной, сукном или толстым войлоком.

Основу каркаса коты составляют 4 изогнутых жерди — *бэллие*, соединенные попарно в дугообразные (так называемые арочные) стропила, концы которых стоят на земле. Одна пара жердей (стропил) ставится параллельно другой. В верхних утолщенных концах этих жердей имеются сквозные отверстия, через которые проходит горизонтальная жердь — *суовва-муорра* (дымовое дерево), скрепляющая весь остов. Для большей прочности каркаса жерди бэллие соединяют еще двумя дополнительными поперечинами, которые проходят параллельно дымовой жерди, но ниже ее, примерно на середине высоты.

Кроме этого, на оба выступающих конца дымовой жерди надеваются через отверстия в верхних концах еще три жерди: две — со стороны двери, для которой они служат рамой, и одна — с противоположной стороны. Полученное сооружение служит остовом для всей постройки. К этому остову прислоняют от 12 до 18 тонких жердей длиной в 3—4 м, которые почти сходятся в вершине. Иногда жерди для их более прочного прикрепления к каркасу пропускают в особые петли, которые имеются в жердях

бэллие и в боковых поперечинах. Диаметр постройки примерно 4,5 м⁷².

Летом вся постройка обтягивается сверху толстым холстом или парусиной, а зимой сукном, войлоком или толстыми разноцветными шерстяными одеялами, которые сами ткнут прибрежные или другие оседлые лопари. Шведские лопари иногда и летом покрывают свои жилища серыми шерстяными одеялами.

Покрытие состоит из двух основных одинаковой величины кусков, которые накладываются на каркас таким образом, что их края сходятся у двери, и третьего куска, который набрасывается сзади на место стыка первых двух. Покрытие прикрепляется к остову тесемками.

Дверь сделана из того же материала, что и покрытие, и имеет треугольную форму. Она представляет собой треугольный кусок ткани, натянутый на несколько поперечных палочек и укрепленный (подвешенный), как уже отмечалось, на двух передних жердях постройки. Наверху постройки оставляется небольшое отверстие для выхода дыма, которое в плохую погоду закрывается специальным куском ткани⁷³.

В центре коты устраивается очаг, который состоит из больших камней, положенных в круг диаметром около полуметра — *арен*, внутри которого разводят огонь — *толля*. К очагу от дымовой жерди спускается несколько крюков — *муоррариги*, служащих для подвешивания над огнем котлов и кофейников⁷⁴. За очагом у стены, противоположной входу, расположено наиболее почетное «чистое место» — *боассо*, где раньше, вероятно, находились идолы, а сейчас хранятся запасы пищи, утварь и разный хозяйственный инвентарь. Здесь, как и в «чистом месте» вежи кольских лопарей, не может находиться никто из людей, особенно женщины.

Сразу за входной дверью в коте отводится место для дров. По обе стороны очага располагаются жилые половины — *лойддо*, которые устилаются ветвями (сосновыми или березовыми), оленьими шкурами и шерстяными домоткаными одеялами. Места на лойддо распределяются чаще всего следующим образом. На правой стороне, у «чистого места», находятся места хозяина и хозяйки. Сюда же сажают и гостей. Ближе к двери на этой же стороне размещаются маленькие дети. На противоположной левой стороне дальше от двери сидят взрослые сыновья и дочери, а ближе к двери — работники. Исследователи скандинавских саамов Е. Манкер и О. Воррен отмечают, что в распределении мест внутри жилища существует много местных вариантов. Так, например, у южных лопарей места хозяина и хозяйки находятся на левой стороне⁷⁵.

Во многих районах Лапландии на весенних и осенних местах распространена другая форма постройки — торфяная кота, напоминающая по конструкции описанную выше коту кочевых лопарей и имеющую в основе каркаса те же два пары дугообразных сферических стропил.

Торфяная кота представляет собой непереносную постройку, покрытие которой состоит из поставленных вплотную друг к другу жердей, березовой коры и торфа. Поверх торфа приставляется еще несколько толстых бревен.

Сохраняя единую основную конструкцию остова, состоящую из двух пар арочных стропил и горизонтальной жерди наверху, соединяющей их, торфяная кота имеет два варианта — в северных и южных районах Лапландии. На севере, у горных и береговых лопарей, жерди, прислоняющиеся к остову и составляющие как бы нижний слой покрытия, бывают короткими. Тем самым вся постройка получает куполообразную форму. В южных районах те же жерди делают длинными, что придает постройке форму конуса. Внутреннее устройство торфяной коты не отличается от описанного выше ⁷⁶.

На некоторых весенних и осенних местах лопарей еще и сейчас можно встретить очень старинную жилую постройку, крытую только березовой корой ⁷⁷. Это берестяная кота, которая теперь уже почти везде вышла из употребления.

Как видно из приведенного выше описания, оба вида торфяной коты основными особенностями конструкции своего остова, внутренней планировкой и терминологией очень напоминают вежу кольских саамов, особенно западных районов полуострова. Отличие их состоит главным образом в том, что у вежи жерди валтэг соединяются друг с другом под углом примерно в 90—100°, а у коты каждая пара соединенных вместе жердей бэллие представляет собой дугу. Получаемый таким образом «арочный» характер каркаса коты составляет основную отличительную особенность этой постройки.

В настоящее время южный вариант торфяной коты (конический) также почти везде вышел из употребления. Лопари этих районов продолжают использовать для жилья легкую переносную коту, торфяную коту в ее северном варианте, а зимой часть из них живет в рубленых домах.

В южных районах Лапландии у лесных шведских и финских лопарей распространена другая форма жилой постройки, которую также называют котой. Эта постройка очень сходна с вежей кольских лопарей, но уже восточных районов полуострова. В основании ее лежит квадратной формы сруб в 3—4 венца, на который опи-

раются деревянные горбыли (или планки), поставленные в форме усеченной пирамиды. Сверху постройка обкладывается березовой корой и торфом. Внутреннее убранство такое же, как и в коте кочевых лопарей ⁷⁸.

Кроме этой сравнительно фундаментальной непереносной постройки у лесных лопарей Швеции и Финляндии распространена легкая переносная постройка из жердей, похожая на куваксу. Жерди сходятся в вершине и образуют остов конической формы, который сверху покрывается обычно шерстяными одеялами. Этим жильем лопари пользуются обычно на зимних пастбищах или во время каких-либо передвижений ⁷⁹.

Жилищем береговых (полуоседлых или даже оседлых) лопарей служит торфяная кота (в ее северном варианте) куполообразной формы. Кроме того, у них имеются постройки пирамидальной формы, крытые торфом или досками, напоминающие своей конструкцией вежу кольских лопарей в ее западном варианте ⁸⁰.

Зимой скандинавские и финские лопари живут большей частью в тупах — рубленых постройках, мало чем отличающихся от пыртов кольских лопарей ⁸¹.

В настоящее время у скандинавских лопарей сохраняются все описанные виды жилищ. Горные лопари живут в легких разборных котах, крытых холстом или сукном. Оседлые лопари используют для жилья торфяные коты, тупы или рубленые дома. Следует заметить, что в последние годы в связи с процессом перехода на оседлость стало больше строиться деревянных домов, хотя владеют ими только зажиточные лопари. Остальные же живут в котах или тупах.

★

Основными хозяйственными постройками у саамов издавна были, по-видимому, различные амбары, служившие для хранения прежде всего запасов пищи (дичи, рыбы, оленьего мяса), а также разного рода орудий и снастей, употребляемых в охоте, рыболовстве и оленеводстве.

Наиболее архаичными видами хозяйственных построек у кольских (а также у скандинавских) саамов, как и у других соседних охотничье-рыболовческих народов (карелов, коми и др.), были, по-видимому, промысловые амбары. Они устраивались непосредственно на местах промысла (охотничьего, рыболовного) и служили для сохранения полученной добычи от медведей, волков, лисиц и других зверей. Эти амбары у кольских лопарей уже давно вышли из употребления.

Сохранились описания промыслового амбара (nálla) скандинавских лопарей (середина XVII в.). Это была дощатая построй-

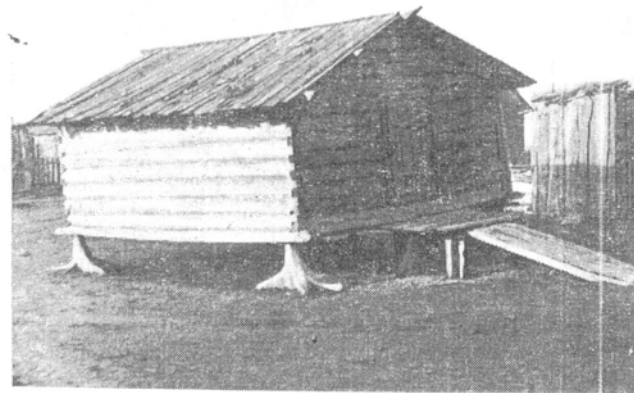
ка, крытая досками или берестой, поставленная на пень (высотой около 3 м) срубленного дерева. Причем на пне предварительно укрепляли крестообразно два бревна, на которые и ставили амбар. Дверь делали в полу вроде люка, который закрывался над головой спускавшегося вниз лопаря. Взобраться в амбар можно было по лестнице, которой служил деревянный брусок с глубокими зарубками на нем вместо ступенек. Чтобы звери не могли залезть в амбар, ствол, на котором он стоял, очищался от коры и затем смазывался жиром. Ствол становился скользким и хищники попасть в кладовую не могли⁸². У кольских лопарей мы находим почти аналогичные хозяйственные постройки, которые они издавна строили в местах своих зимних и летних поселений недалеко от жилищ и где хранили не только запасы пищи, но и различный хозяйственный инвентарь и даже одежду. Эти амбары сооружались на пнях (высотой в несколько метров) срубленных деревьев, по-видимому так же, как и промысловые. И. Георги, например, отмечал, что лопари устраивали чуланы на пнях высотой более сажени. В них помимо пищевых запасов складывались также вся утварь (чугунные котлы, деревянные миски, чашки, ложки и пр.) и орудия труда, которые лопари не хотели брать с собой при переезде на другое место⁸³.

Как можно судить по сообщениям разных авторов, побывавших в XIX — начале XX в. на Кольском полуострове, подобные амбары на столбах были неотъемлемой составной частью всех лопарских поселков. Они стояли почти у каждого жилища, «словно ящики на высоких столбах, только с острыми кровлями⁸⁴».

Такой амбар конца XIX в., служивший основной хозяйственной постройкой хозяину-сааму, представлял собой небольшую постройку (вроде ящика) из толстых досок, соединенных по углам «в охряпку». В передней стене — открывающаяся внутрь дверь. Крыша из досок, крытая на один или два ската с коньковым бревном на гребне. Вся постройка ставится на один столб (пень). Для этого на пень сверху кладется толстое, плохо отесанное бревно, на которое прикрепляют на некотором расстоянии от концов две поперечные доски. На полученное основание и ставят амбар⁸⁵.

Саамы строили свои амбары как на одном столбе-пне, так и на четырех⁸⁶. Последние (ājh'te — иок., ājh't — клд.) до недавнего времени были еще широко распространены. В меньшей мере они продолжают использоваться и сейчас. Их можно еще встретить в селах Ловозере, Иоканьге и других местах.

Такой амбар представляет собой рубленную (углы скреплены рубкой в угол или лапу) невысокую (в 9—11 венцов) постройку с двускатной крышей, поднятую над землей примерно на 50—

80 см и поставленную на четыре пня. Иногда амбары ставят не на пни (за неимением таковых), а на крупные камни, которые подкладывают под углы, как это делают, например, еще и сейчас в Иоканьге⁸⁷.

В передней стене постройки делают дверь, висящую на железных петлях. К этой двери с земли ведет небольшой покатый настил из досок. Внутри амбара с правой и с левой сторон устроены полки, над которыми на высоте около 1 м протянуты деревянные жерди-грядки (олк), служащие для хранения и просушки одежды. В амбаре, как и раньше, хранят различный хозяйствен-

ный инвентарь, одежду, запасы пищи⁸⁸. Однако в настоящее время такие амбары все больше и больше выходят из употребления. Их с успехом заменяют кладовые (ājh'te — иок.), которые саамы устраивают в доме, отделяя часть сени. Такие кладовые есть везде, в каждом современном лопарском доме. Аналогичные амбары на одном или четырех столбах до сих пор еще встречаются и у скандинавских саамов⁸⁹.

Кроме амбаров на столбах у саамов существовали и другие хозяйственные сооружения, напоминающие погреба, некоторые устраивались на летних рыболовных местах и представляли собой постройку типа вежи с вырытой в полу глубокой ямой. Эти хозяйственные постройки (k̄l̄l̄ε-ajh'te — иок., kul'-ājh't — клд., т. е. «рыбный амбар») служили главным образом для хранения сложенной в бочки рыбы (свежей или соленой)⁹⁰. В настоящее время такие постройки отмечены у саамов Ловозера⁹¹.

*

Закончив характеристику построек саамов конца XIX — начала XX в., можно сделать следующие выводы. В исследуемый период у кольских саамов распространено три основных вида жилищ: 1) срубные постройки (пырт, изба) на местах постоянных поселений, 2) каркасная⁹² переносная с дерновым покрытием вежа, служащая жилищем главным образом на местах рыболовного промысла, и, наконец, 3) временная, корьевая, переносная постройка типа сибирского чума — кувакса.

Определенные различия между западными и восточными районами Кольского полуострова удалось проследить главным образом на примере самой старой жилой постройки саамов — вежи. Так, имеется два различных конструктивных варианта этой постройки при сохранении единого принципа крепления основных жердей. Различия сводятся к тому, что вежа восточных районов характеризуется небольшим срубом в основании, некоторым углублением в землю и покрытием из досок и дерна. Вежа западных районов не имеет в основании сруба и не углубляется в землю. Покрытие ее состоит из жердей и дерна.

Первый вариант вежи — со срубом — представляет собой постройку, более соответствующую лесной полосе, чем тундровой, о чем говорят как ее некоторое углубление в землю, так и сам характер идущего на ее изготовление материала (бревна, доски). «Лесные» особенности этой вежи нельзя объяснить природно-географическими условиями, так как восточные районы полуострова наиболее бедны лесом. Можно предположить, что жилище именно

такого типа было распространено в прошлом у лесных лопарей Карелии. В пользу этого говорят следующие соображения.

Основными занятиями лесных карельских лопарей были, по-видимому, лесное оленеводство, охота на дикого северного оленя или лося, озерное и речное рыболовство. Образ жизни их был полукочевой. Они довольно длительное время жили на одних и тех же местах, и перекочевки их происходили на относительно ограниченных пространствах. Этой системе хозяйственных занятий и образу жизни вполне соответствовало такое переносное и довольно фундаментальное жилище, как вежа со срубом. Некоторое углубление постройки в землю, которое раньше, возможно, было большим — на величину всего сруба, приближает ее к типу полужемлянок. А, как известно, на территории Карелии в предполагаемых районах расселения лопарей Н. Н. Гуриной были раскопаны жилища полужемляночного типа. Кроме того, в Карелии разными авторами не раз отмечалось наличие так называемых лапландских могил или ям, о которых упоминал еще М. А. Кастрен⁹³ и которые, по преданию, были лопарскими жилищами с конусообразной или пирамидальной кровлей, сделанной из дерева, камней и торфа. М. А. Кастрен отмечал сходство этих ям с жилищами лопарей безлесной части Лапландии.

Наконец, если такое жилище полужемляночного типа, каким в прошлом была, по-видимому, вежа со срубом, во всех отношениях соответствовало образу жизни и культуре лесных лопарей, то вряд ли оно могло быть когда-либо распространено у кочевых лопарей горной Кольской тундры. Этому противоречил весь основанный на длительных и частых перекочевках уклад жизни тундровых лопарей, не имевших, по-видимому, до XVI—XVII вв. постоянных поселений и переносных жилищ. Препятствовали этому и свойства почвы (большая каменистость).

Сходная лесная культура существовала и у лопарей лесных районов Швеции и Финляндии, где она отчасти сохраняется и сейчас. Постройки этих лопарей, сооруженные из деревянных планок и имеющие в основании небольшой сруб, очень сходны с описанной выше вежей и отличаются от жилищ других скандинавских лопарей, населяющих районы горной тундры⁹⁴.

Допуская, что свойственная восточным кольским лопарям вежа со срубом есть видоизмененное (в соответствии с новыми условиями) жилище лесной полосы, можно также предположить, что это жилище было принесено на Кольский полуостров предками терских лопарей, последние группы которых переселились сюда, по-видимому, в XVIII в. из Карелии.

Временным переносным жилищем саамов Кольского полуострова, как было сказано, является кувакса. В. В. Чарнолуцкий, основываясь на примитивности конструкции куваксы, считал ее наиболее архаичным видом саамского жилья и выделял в особый тип саамских традиционных жилых построек. По нашему мнению, кувакса так же, как и вежа со срубом, представляет собой один из элементов (несколько видоизмененный, возможно, как и вежа, в связи с новыми условиями) материальной культуры лопарей, населявших еще в XVII в. лесные районы Карелии.

Термины *кувакса*, *кувас*, *ковас* относятся к финским языкам ср. *куала*, *куа*, *ква* — старинная жилая постройка у удмуртов), но, очевидно, не являются саамскими. Саамы не считают это слово своим и перевести на русский язык не могут. В восточных районах полуострова эта постройка носит также саамское название *оадай*, *уада*, буквально *спалка*, от глагола «спать». В литературе постройка, называемая *куйваксой*, упоминается впервые в 80-х годах XIX в. в связи с выставкой местных предметов, которая была устроена в Коле в 1884 г.⁹⁵ До этого времени термин «кувакса» нигде не встречается.

Терминология куваксы полностью совпадает с терминологией вежи. Спальные места в куваксе могут распределяться двояко: только в боковых частях постройки (как в чуме самодийских народов), а иногда и по всей окружности жилища (как в тунгусском чуме). Нет и единого способа укрепления аввеля, а способ подвешивания котла над огнем на жерди кимн-мур подчеркивает временное, недолгое использование этой постройки под жилье. Возможно, что раньше очага в куваксе вообще не было, а он устраивался снаружи, перед входом в жилище. У лопарей-сколтов, например, еще в начале XX в. было известно употребление в качестве временного жилища полущалаша, который устраивался из нескольких расставленных полукругом жердей, покрытых брезентом или парусиной. Перед таким полущалашом раскладывался очаг⁹⁶. Подобные постройки с очагом перед входом известны были и у других северных народов, например у кетов, у которых они служили летними жилищами на местах рыбного промысла⁹⁷, а также у обских угров⁹⁸.

Все эти особенности, характеризующие куваксу как временное жилище, свидетельствуют о том, что она никогда не могла служить единственным видом жилья, а существовала одновременно с другими, более фундаментальными видами построек. Кувакса является скорее жилищем лесной полосы, где она использовалась наряду с полужемлянкой. У тундровых же лопарей Кольского полуострова, как уже говорилось, вряд ли до XVI—

XVII вв. имелись непереносные жилища. У них была, по-видимому, распространена другая, единая форма переносной, крытой оленьими шкурами застройки, наподобие скандинавской коты.

Постройка, аналогичная куваксе кольских лопарей, характерна и для лесных лопарей Швеции и Финляндии. У других групп скандинавских лопарей она не встречается⁹⁹.

Постройка типа куваксы, служившая в прошлом жилищем у лесных лопарей, вероятно, довольно долгое время имела очень ограниченное распространение на Кольском полуострове. Только этим можно объяснить, что до 80-х годов XIX в. о ней ни разу не упоминает ни один из многих авторов, писавших о лопарях.

Если допустить, что предки современных терских лопарей являются выходцами из Карелии и что они принесли на Кольский полуостров остатки лесной культуры, то очевидно, что постройка, называемая куваксой как один из элементов этой культуры была известна вначале только в местах расселения терских лопарей, а потом уже распространилась по всему Кольскому полуострову. Кстати, сейчас только у терских лопарей эта постройка носит саамское название (*oadaĵ* — иок.).

В заключение хочется также обратить внимание на то, что жилые постройки саамов, в частности вежа и кувакса, содержат в себе некоторые черты сходства с постройками народов Сибири. Так, лопарская кувакса по своим конструктивным особенностям и интерьеру очень сходна с сибирским чумом в его самодийско-кетском варианте. По существу кувакса отличается от чума только меньшими размерами и тем, что в настоящее время на ее покрытие не используются оленьи шкуры.

Некоторые черты сходства с вежей можно видеть в шатровых постройках обских угров, а также кетов, селькупов и др.¹⁰⁰ Так, например, вежу по конструкции можно сравнить с угорской полужемлянкой пирамидальной формы, крытой дерном, каркас которой состоит из четырех наклонных столбов, соединенных попарно или с помощью четырехугольной рамы¹⁰¹. Интересен также и тот факт, что сам процесс развития лопарского жилища — вежи сходен, по-видимому, с процессом развития обско-угорского жилища от полужемлянки к наземным сооружениям¹⁰². У кольских лопарей выявляется аналогичный процесс развития полужемлянки в наземную вежу со срубом, лишь слегка углубленную в землю.

Говоря о некоторых чертах конструктивного сходства, намекающего между саамской вежей и постройками обских угров, следует в то же время еще раз отметить своеобразие вежи. Оно заключается в сферической (первоначально) форме ее каркаса, ос-

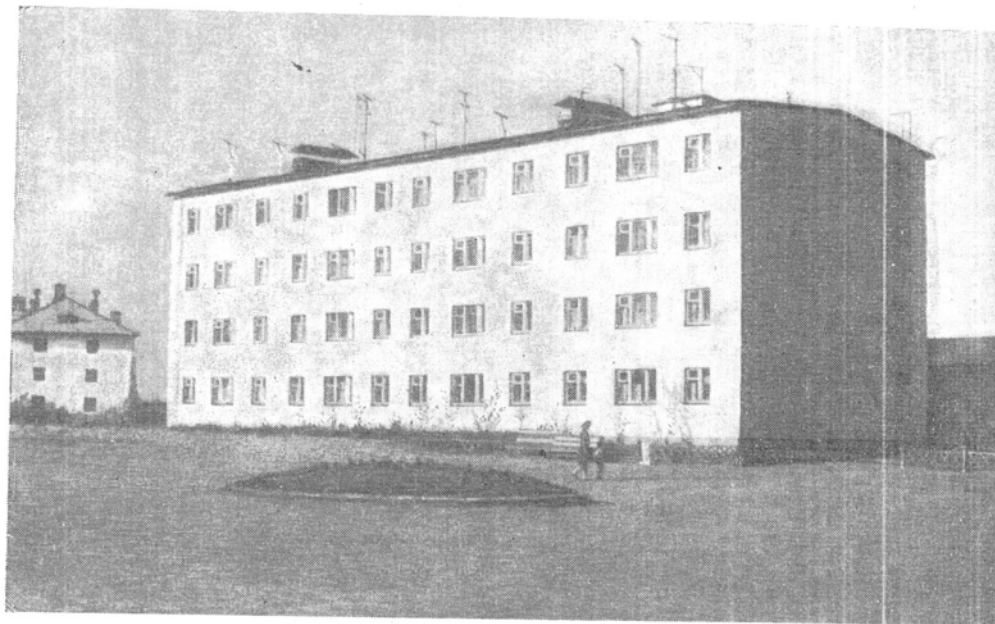

Памятник В. И. Ленину в с. Ловозеро

нову которого составляют две пары изогнутых жердей (см. коту скандинавских саамов).

В настоящее время все саамы Кольского полуострова живут оседло в больших благоустроенных поселках. Пастухи-оленеводы по очереди несут дежурство со стадом, передвигаясь вслед за оленями по тундре.

Советское правительство оказывает большую помощь малым народам Севера в деле перестройки их хозяйства, подъема быта и культуры. После постановления Совета Министров РСФСР 1956 г. «О мерах помощи в развитии хозяйства и культуры районов Севера» широко развернулось строительство новых жилых домов. Особенно интенсивно оно проходило в селах Ловозере, Туломе, Иоканьге и Варзине, где в настоящее время почти не осталось старых построек. При строительстве домов саамам, как и другим народам Севера, предоставляются льготы. Они получают ссуду в размере всей стоимости дома, часть которой выдается безвозмездно, а остальную они могут выплачивать в течение 10 лет.

Многоквартирный дом саамов в с. Ловозеро

Современное жилище саама в поселках центральных районов Кольского полуострова (Ловозеро и др.) представляет собой рубленый дом, обычно пятистенок с сенями, половина которых отгорожена дощатой стеной и превращена в холодную клеть-кладовую — *айт*, служащую для хранения разного хозяйственного инвентаря, одежды и запасов пищи. Специального фундамента такой дом не имеет, а ставится на камни, которые подкладывают под весь первый венец или на деревянные чурбаки-стулья. Иногда делают завалинку. Высота домов небольшая и колеблется в среднем от 11 до 15 венцов. Подполье в домах не делают. Углы сруба скрепляют обычно рубкой «в лапу», реже «в угол». Крыши в современных домах кроют на два ската и делают на стропилах. Средняя площадь такого дома составляет около 20 кв. м.² Хозяева, имеющие овец, пристраивают к задней стене дома небольшой рубленый односкатный хлев.

Внутренняя планировка и убранство современных домов саамов разительно отличаются от убогой обстановки старого жилища лопаря — пырта с дымным камельком и маленькими окнами. Часто

эта обстановка приближается к обычной обстановке городского типа. Входом в современный дом саама служит дверь с крыльцом или без него, которая ведет в сени. Из сеней ведут две двери: одна — прямо, в отгороженную в сенях клеть, другая — направо (или налево) в жилое помещение. Жилая часть дома состоит из двух половин: одной — с плитой или русской печью, где происходит приготовление пищи, стоит обеденный стол, висят полки с посудой и т. д., и другой — так называемой чистой половины, горницы.

В настоящее время в саамских домах уже редко можно встретить русские печи. Они почти везде заменены плитами. Русские печи, где они еще сохранились, стоят направо или налево от входа и устьем повернуты к окнам главного фасада или к противоположной боковой стене.

Плита занимает то же место в избе, что и печь, направо или налево от входа. Рядом с ней вешают рукомойник. Обеденный стол находится или в «красном» («большом») углу, расположенном по диагонали от печи, или у одного из окон главного фасада. Напротив печи (плиты), по боковой стене дома стоит кровать, обычно деревянная, самодельная, завешенная пологом из цветного ситца.

Дома саамов в поселках

На этой кровати чаще всего спит кто-либо из старшего поколения семьи (мать или отец). Над плитой вдоль и поперек дома протянуты деревянные грядки — *длк*, на которых сушится одежда.

Вторая, чистая, половина дома, обычно несколько меньшая по площади, приближается по своему интерьеру к обстановке городского типа. Нередко в числе вещей можно встретить радиоприемник, швейную машину и др. Таким образом, дома саамов, живущих в настоящее время в поселках, ничем не отличаются от жилищ русского населения этих мест.

Новые дома прибрежных саамских поселков (Иоканьги, Варзина), расположенных на берегу Баренцева моря, несколько отличаются от описанных выше. В этом районе нет хорошего строевого леса, из которого можно было бы строить обычные рубленые дома. Поэтому здесь очень распространены сборно-щитовые дома с обмазкой из цемента, крытые шифером. Такой дом состоит из 4 комнат общей площадью около 40 кв. м и помещаются в нем обычно две семьи. Внутренняя обстановка ничем не отличается от обстановки в домах саамов Ловозера других поселков.

Современные жилые постройки саамов Кольского полуострова не ограничиваются постоянными благоустроенными домами в по-

селках. У них сохраняются и временные виды жилищ, в которых живут саамы во время оленеводческого, рыболовного и охотничьего промыслов.

Среди временных жилищ в настоящее время сохраняет свое значение кувакса, которую используют оленеводы в качестве летнего передвижного жилища и рыбаки на местах промысла. Как уже было отмечено, отчасти сохраняет свое значение как летнее жилище рыбаков и вежа (села Варзино, Ловозеро и др.).

На некоторых рыболовных местах (Ловозеро, Ена) рыбаки живут во время промысла в избушках. Такая избушка представляет собой обычно рубленую однокамерную постройку с 2 и 3 окнами и односкатной крышей. Внутри — дощатый пол, железная печь с трубой и нары, которые служат постелями. На Сейд-озере, где находятся рыболовные места ловозерских саамов, рыбаки живут в рубленом доме с двускатной крышей, крытой шифером. Внутри — камелек с трубой (tag'g') и кровати.

Зимним переносным жилищем саамам-оленеводам, находящимся со стадами олней в тундре, служит чум (čum — иок., клд.), который впервые появился на Кольском полуострове, по-видимому, еще в конце XIX в., — с приходом в эти места оленеводов коми-ижемцев (с р. Ижмы Печорского края)¹⁰³.

Чум, которым пользуются сейчас оленеводы Кольского полуострова, состоит из шестов (сіаукап — иок.) длиной около 6 м каждый, количество которых колеблется от 24 до 40 штук. Первоначально ставятся 3 основных шеста, к которым приставляются все остальные. Покрытие состоит из 2 слоев — сукна и оленьих шкур, из которых шьют специальные покрывки-нюки. Для покрытия одного чума требуется 2 или 3 нюка.

В центре чума устраивается очаг, к которому спускаются цепи с крюками на концах. Эти цепи висят на горизонтальной жерди (кімнешиг — клд.), которая одним концом скреплена с одним из шестов каркаса, а другим упирается в вертикальную жердь (кімне-тиг-сіанкап — т. е. жердь для *кимн-мура*), воткнутую в землю сбоку от очага и скрепленную своим верхним концом с соответствующим шестом каркаса.

Внутренняя планировка чума несколько отличается от куваксы своей большей благоустроенностью. В частности все чаще открытый очаг заменяют железной печью с трубой. Пол чума устлан досками, а для сна оленеводы используют раскладные кровати.

Зимой олени стада не передвигаются на большие расстояния и бригада пастухов может довольно долго жить на одном месте — от одной недели до одного месяца. При этом дежурные по очер-

ди находятся со стадом, уходя от чумов иногда на расстоянии до 10 км.

В настоящее время проводится большая работа по проектированию новых, более удобных и совершенных видов переносных жилищ для пастухов-оленеводов.

¹ «Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв.» Л., 1930, стр. 29.

² Н. Н. Харузин. Русские лопари. Приложение I. Выписка из писцовой книги Василия Агалипа, М., 1890, стр. 98—99.

³ С. Герберштейн. Записки о Московских делах. СПб., 1908, стр. 190.

⁴ «Сборник материалов по истории Кольского полуострова...», стр. 43, 55—64; Н. Н. Харузин. Указ. соч. Приложение I, стр. 98—99.

⁵ Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 133, л. 3.

⁶ Погосты XVII—XVIII вв., когда у лопарей еще не было срубных жилищ, состояли из веж — построек из жердей, крытых дерном.

⁷ В. И. Немирович-Данченко. Лапландия и лапландцы. СПб., 1877, стр. 63, 64.

⁸ Название *береговые*, как уже отмечалось (см. главу I), применимо к этой группе кольских лопарей, летом живших по побережью, а на зиму откочевывавших в глубь полуострова, довольно условно — в отличие от остальных лопарей, обитавших в течение всего года во внутренних районах.

⁹ Ф. Г. Иванов-Дятлов. Наблюдения врача на Кольском полуострове. Л., 1928, стр. 27.

¹⁰ В. В. Чарнолуцкий. Материалы по быту лопарей. Л., 1930, стр. 36.

¹¹ Там же, стр. 40.

¹² Там же, стр. 38.

¹³ Мы пользуемся классификацией поселений, предложенной М. В. Витовым (М. В. Витов. Формы поселений Европейского Севера. КСИЭ АН СССР, вып. XXIX, стр. 30—37).

¹⁴ В. В. Верещагин. Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849, стр. 57; А. Яценко. Несколько

слов о Русской Лапландии. СПб., 1892, стр. 15.

¹⁵ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1965, № 64.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Д. А. Золотарев. Лопарская экспедиция. Л., 1927, стр. 23.

²⁰ Таблица составлена по материалам ЦГВИА, ф. ВУА, № 18558, л. 858; ф. 414, № 259, лл. 14 об.—15. Данные за 1926 г. взяты из указанных работ Ф. Г. Иванова-Дятлова (стр. 26) и Д. А. Золотарева.

²¹ Там же.

²² Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1958—1959, № 63.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.

²⁶ Там же.

²⁷ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 190.

²⁸ И. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. I. СПб., 1776, стр. 7.

²⁹ Н. Озерцовский. Описание г. Кольмы и Астрахани. СПб., 1804, стр. 79—80.

³⁰ ЦГВИА СССР, ф. 416, № 42, 44; ф. ВУА, № 23407.

³¹ I. Scheffer. Lappland. Frankfurt a. M.—Leipzig, 1675, S. 220.

³² Там же, стр. 221.

³³ С. В. Максимов. Год на Севере. СПб., 1871, стр. 231; Д. Н. Бухардов. Поездка по Лапландии осенью 1883 г. СПб., 1885, стр. 13; В. Львов. Русская Лапландия и русские лопари. М., 1903, стр. 32, 33.

³⁴ В. Верещагин. Указ. соч., стр. 54, 55. Следует отметить, что на фотографии, помещенной в книге В. Верещагина, рядом с вышер-

- веденным описанием изображена постройка в форме шестигранной пирамиды. Поэтому можно думать, что и описана именно такая вежа.
- ³⁵ В. Львов. Указ. соч., стр. 32—33; фонды ГМЭ, колл. 1507, № 1.
- ³⁶ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.
- ³⁷ Происхождение этого термина связано, по-видимому, с тем, что в более далеком прошлом жерди *валтаг* имели не прямую, а несколько выгнутую форму, так что каждая пара их образовывала нечто вроде дуги. Это становится более ясным, если сравнить конструкцию вежи кольских лопарей с аналогичной постройкой лопарей скандинавских, каркас которой состоит из двух пар дугообразных «арочных» стропил (см. ниже).
- ³⁸ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Архив В. В. Чарнолуского. 1927—1928 гг.
- ⁴¹ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.
- ⁴² Архив В. В. Чарнолуского, 1927—1928 гг.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ В современных вежах этой ориентировки двери на юг уже не придерживаются.
- ⁴⁵ В. Х. (В. Харузина). На Севере. СПб., 1890, стр. 178; С. Максимов. Указ. соч., стр. 231; В. Львов. Указ. соч., стр. 33; В. Верещагин. Указ. соч., стр. 55.
- ⁴⁶ Ф. Г. Иванов-Дятлов. Указ. соч., стр. 31.
- ⁴⁷ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Архив В. В. Чарнолуского, 1927—1928 гг.
- ⁵⁰ В. Верещагин. Указ. соч., стр. 86—88; В. И. Немирович-Данченко. Указ. соч., стр. 51; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1965, № 64.
- ⁵¹ В. И. Немирович-Данченко. Указ. соч., стр. 52; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.
- ⁵² Архив В. В. Чарнолуского, 1927.
- ⁵³ Д. Н. Бухаров. Указ. соч., стр. 8—11.
- ⁵⁴ См. стр. 96.
- ⁵⁵ Д. А. Золотарев. На западномурманском побережье летом 1928 г. «Кольский сборник». Л., 1930, стр. 7.
- ⁵⁶ В. В. Чарнолуский. Материалы по быту лопарей, стр. 45; Ф. Г. Иванов-Дятлов. Указ. соч., стр. 18.
- ⁵⁷ В. В. Чарнолуский. Материалы по быту лопарей, стр. 43.
- ⁵⁸ Ф. Г. Иванов-Дятлов. Указ. соч., стр. 21, 22.
- ⁵⁹ В. Лебедев. К северным народам. М., 1933, стр. 33.
- ⁶⁰ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.
- ⁶¹ Н. Озерецковский. Указ. соч., стр. 80.
- ⁶² В. Верещагин. Указ. соч., стр. 57.
- ⁶³ Архив ВГО, разряд 53, оп. 1, № 27, л. 10.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же, л. 10 об.; Н. Н. Харузин. Русские лопари, стр. 99; он же. Очерк истории развития жилища у финнов. М., 1895, стр. 32; В. Харузина. Указ. соч., стр. 176, 177; В. Верещагин. Указ. соч., стр. 56, 57; В. И. Немирович-Данченко. Указ. соч., стр. 69—71.
- ⁶⁶ Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 67, тетр. 1, л. 19, л. 40; Архив В. В. Чарнолуского, 1927 г.; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.
- ⁶⁷ Д. Н. Бухаров. Указ. соч., стр. 10, 11; В. В. Чарнолуский. Материалы по быту лопарей, стр. 44; Д. А. Золотарев. На западномурманском побережье, стр. 7; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.
- ⁶⁸ В. В. Чарнолуский. Материалы по быту лопарей, стр. 43; Ф. Г. Иванов-Дятлов. Указ. соч., стр. 32; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.
- ⁶⁹ В. В. Чарнолуский. Материалы по быту лопарей, стр. 131, 136.
- ⁷⁰ В. Львов. Указ. соч., стр. 33.
- ⁷¹ Устное сообщение В. В. Чарнолуского.
- ⁷² Ø. Vorren, E. Manker. Lapp life and customs. London, 1962, p. 44; С. И. Сергеев. Год кочевки с лопарями. Л., 1927, стр. 82—84; фонды ГМЭ, колл. 1424, № 33, 34, 38, 39. Термины здесь и далее приводятся по С. И. Сергееву (указ. соч.).
- ⁷³ Ø. Vorren, E. Manker. Указ. соч., стр. 44; С. И. Сергеев. Указ. соч., стр. 83, 84; фонды ГМЭ, колл. 1424, № 43.
- ⁷⁴ Фонды ГМЭ, колл. 1390, № 179, 199; колл. 1424, № 44.
- ⁷⁵ Ø. Vorren, E. Manker. Указ. соч., стр. 45, 46; С. И. Сергеев. Указ. соч., 69—71, 84, 85; М. А. Кастрен. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири. М., 1860, стр. 80.
- ⁷⁶ Ø. Vorren, E. Manker. Указ. соч., стр. 46, 47, 62.
- ⁷⁷ Там же, стр. 47.
- ⁷⁸ Ø. Vorren, E. Manker. Указ. соч., стр. 78; K. Nickul. The Scott Lapp Community Suenjelsijd. Uppsala, 1948, plate XXXI, № 94; М. А. Кастрен. Указ. соч., стр. 25.
- ⁷⁹ Ø. Vorren, E. Manker. Указ. соч., стр. 78; K. Nickul. Указ. соч., табл. XXXVIII, № 120.
- ⁸⁰ Ø. Vorren, E. Manker. Указ. соч., стр. 62—64; Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 275.
- ⁸¹ Н. Харузин. Русские лопари, стр. 97, 98; Н. Харузин. Очерк истории развития жилища у финнов, стр. 17.
- ⁸² I. Scheffer. Указ. соч., стр. 228; Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 280, л. 13.
- ⁸³ И. Георги. Указ. соч., ч. I, стр. 7.
- ⁸⁴ В. И. Немирович-Данченко. Указ. соч., стр. 63, 64.
- ⁸⁵ Колл. МАЭ, ф. 342, № 2.
- ⁸⁶ Колл. ГМЭ, ф. 445, № 44.
- ⁸⁷ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1958, № 63.
- ⁸⁸ Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 67, тетр. 3, лл. 52—54.
- ⁸⁹ T. I. Itkonen. Suomen lappalaiset vuoteen 1945, vol. I. Helsinki, 1948, s. 232—236; K. Nickul. Указ. соч., табл. V, № 14; табл. X, № 32, 33; табл. XLIX, № 171—174.
- ⁹⁰ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² См. классификацию построек: «Историко-этнографический атлас Сибири». М.—Л., 1961, стр. 132; З. П. Соколова. К истории жилища обских угров. СЭ, 1957, № 2, стр. 89.
- ⁹³ М. А. Кастрен. Указ. соч., стр. 55, 56.
- ⁹⁴ Ø. Vorren, E. Manker. Указ. соч., стр. 78.
- ⁹⁵ К. Случевский. По Северу России. СПб., 1886, стр. 107.
- ⁹⁶ P. I. Pelto. Individualism in Scott Lapp Society. Helsinki, 1962, p. 165; K. Nickul. Указ. соч., табл. LX, № 215—216.
- ⁹⁷ Е. А. Алексеенко. Кеты. М.—Л., 1968, стр. 105.
- ⁹⁸ З. П. Соколова. К истории жилища обских угров.
- ⁹⁹ Ø. Vorren, E. Manker. Указ. соч., стр. 78; K. Nickul. Указ. соч., табл. XXXVIII, № 120.
- ¹⁰⁰ З. П. Соколова. Указ. соч., стр. 92, 98, 99: «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 132—163.
- ¹⁰¹ З. П. Соколова. Из истории жилища обских угров. Отд. отт. «Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum Budapestini Habitus, 1960». Budapest, 1963, стр. 339.
- ¹⁰² Там же, стр. 343—345.
- ¹⁰³ Первые несколько семей ижемцев появились на Кольском полуострове в 1887 г. и осели в погосте Ловозеро.

Наиболее ранние сведения об одежде кольских саамов мы находим у авторов XVII—XVIII вв. (И. Георги, П. Ламартинье-ра, Н. Озерецковского). В это время основным материалом для одежды служили оленьи шкуры и дубленые кожи, а также, по-видимому, шкуры морских животных, из которых делали обувь. Имеются также упоминания и об одежде (головных уборах) из сукна, которая, по всей вероятности, имела в этот период еще небольшое распространение. О способах обработки и приговления материала для одежды у авторов XVII—XVIII вв. сведений нет.

Основными видами материала, из которого кольские саамы шили свою одежду в конце XIX — начале XX в., были оленьи шкуры и дубленые кожи, получаемые ими в собственном хозяйстве, а также ткани — сукно, холст и ситец, покупаемые преимущественно у русских купцов на ярмарках, которые ежегодно устраивали в уездном городе Коле. В качестве отделки использовались лисьи, заячьи и бобровые шкурки. Некоторые виды обуви изготовлялись из нерпичьих или тюленьих шкур. Нитки, применяемые в шитье одежды из шкур, изготовлялись из оленьих сухожилий. Кроме того, в составе саамской одежды указанного периода имеются предметы, вязаные (носки, варежки и т. д.) или плетеные (пояса) из овечьей шерсти.

Лучшим видом оленьих шкур, которые шли на изготовление одежды, были шкуры годовалых телят (неблюев). На головные уборы использовали шкурки пыжиков — новорожденных оленей, мех которых отличается особой мягкостью. Одной шкурки пыжика хватало на одну шапку с длинными, доходящими до пояса ушами. Обувь делали из *койб* — наиболее прочных частей шкуры с ног оленя.

Обработка шкуры для одежды так же, как и шитье самой одежды, было чисто женским занятием. Выделка шкуры начиналась

с того, что ее сушили в течение двух-трех дней прикрепленной к стене дома мехом внутрь. Затем, сняв шкуру со стены, мазали мездру ржаным тестом-опарой и давали ей в течение нескольких часов подсохнуть. Иногда мездру мазали особым составом из смеси тюленьего жира, мыла и ржаного теста¹. После этого началось скобление шкуры особым острым скребком (*nesk'em* — клд.), который представлял собой деревянную палку с вделанной в нее (на середине длины) острой металлической пластинкой. Шкуру скребли до тех пор, пока она не становилась мягкой. В некоторых случаях во время скобления для отбеливания мездры ее периодически натирали мелом.

Для выделки пыжиков и койб применяли особый скребок (*vekx'es* — клд.), состоявший из двух деревянных палочек, соединенных под углом примерно в 45°. Противоположные концы палочек соединяла острая металлическая пластина, которой и скоблили шкуру.

После того как шкура была выделана, мездру обычно для большей прочности красили краской, приготовленной из ольховой или березовой коры (из ее нижнего коричневого слоя) или из смеси той и другой. Краску готовили следующим образом. Ольховую кору ломали на кусочки, бросали в ведро, заливали кипятком и оставляли на сутки. После этого добавляли в состав мыло и получали оранжевую краску, которую и наносили на шкуру². Окрашенная и высохшая шкура была готова для шитья одежды.

Дубление кож производилось следующим образом. Шкуру в течение недели мочили в воде, бросив ее в озеро или реку, в результате чего из нее выпадали все волосы. Затем приготавливали вышеописанным образом, но без мыла, раствор из березовой или ольховой коры, куда погружали извлеченную из реки и высушенную шкуру. В этом растворе шкура оставалась от трех суток до недели, причем ее несколько раз вынимали и разминали руками. После всего этого высушенная шкура становилась мягкой, имела желто-коричневый цвет и была готова к употреблению.

В настоящее время выделка шкур производится таким же образом, но для крашения теперь используются обычно краски фабричного производства.

У скандинавских лопарей Внутреннего Финмаркена обработка шкур для одежды производится несколько иначе. Перед выделкой с мездры железным скребком снимают остатки мяса и жира, после чего шкуру смазывают смесью из рыбьей печени, молока и муки и свертывают в плотный спиральный валик. Так повторяют несколько раз, энергично разминая при этом шкуру руками. Затем

смесь смывают теплой водой, шкура сушится и становится мягкой и готовой к употреблению³.

Обработка овечьей шерсти происходила следующим образом. Настриженную шерсть перед прядением чесали специальным гребнем из оленьей кости⁴. Скандинавские лопари употребляли для трепания шерсти деревянные щетки с проволочной щетиной⁵. После того как шерсть была хорошо расчесана, приступали к прядению. Пряли на веретене (nal't — иок., pol'de — клд.), которое представляло собой деревянную палочку круглую в сечении, суживавшуюся к обоим концам, и деревянного, кожного или из оленьего рога пряслица⁶. Прялку (kuzel' — клд.), к которой прикреплялась кудель, делали из целого куска дерева⁷. Пряли лопарки сидя. Процесс прядения не отличался от того же процесса у северных русских — левой рукой тянули кудель, а правой приводили во вращение веретено⁸.

Из овечьей пряжи саамы вязали чулки, носки, рукавицы, иногда шапки, а также плели пояса. Вязали иглой (кольские саамы)⁹ или спицами (скандинавские саамы)¹⁰.

Плетение поясок у саамов (как кольских, так и скандинавских) происходило с помощью специального инструмента — бердо, представлявшего собой деревянную или костяную раму, у которой две противоположных стороны соединены рядом параллельных пластин со сквозными отверстиями по середине¹¹. Такой способ плетения «на бердечке»¹² широко распространен у многих народов Европы. Он характерен, в частности, для всех групп восточных славян, для некоторых народов Поволжья и Прикамья (коми, мордвы), а также для народов Зауралья (хантов)¹³.

*

Наиболее раннее описание костюма кольских лопарей, которое мы находим у П. М. Ламартина, относится к XVII в. Лопари, судя по этим сведениям, шили свою одежду из оленьих шкур мехом наружу. «Что касается мужчин, то все их платье сделано из оленьих шкур шерстью вверх, короткое наподобие камзола, спускающегося до середины ляжек; потом штаны и чулки из такой же кожи мехом наружу, а сверху сапоги из рыбьей кожи, хотя и неуклюже, но столь хорошо сшитые, что незаметно швов. Многие не носят сапог, а башмаки такие же, как у женщин; на голове круглая шапка вроде матросской из оленьей кожи шерстью вверх, опушенная внизу полосой лисьего меха, у одних белого, а у других серого цвета»¹⁴.

Тип этой одежды по основным особенностям покроя не совсем

ясен. Но сравнение ее с камзолом наводит на мысль, что речь идет о распашной одежде с застежкой спереди. Можно также сказать, что в это время уже существовала какая-то дифференциация одежды по полу, что сказывалось, например, в обуви. Упомянутые П. М. Ламартином сапоги из рыбьей кожи, которые носили только мужчины, представляли собой, по-видимому, обувь из тюленьих шкур, подобную той, которая известна у саамов по более поздним материалам.

В конце XVIII в. И. Георги описал лопарский костюм, откуда следует, что кроме одежды из шкур и выделанных кож лопари в то время уже шили одежду из сукна, по краям которой делали опушку из меха или оторочку из сукна другого цвета. Верхнюю одежду лопари надевали прямо на голое тело, без нижнего белья. В числе отдельных предметов костюма упоминаются узкие длиной до самой щиколотки штаны и говорится также об остроносой обуви, которая составляла одну из отличительных черт лопарского костюма и в XIX в.

Особый интерес представляет замечание И. Георги о том, что у лопарей были «сшитые по костюм душегрейки, которые носят в распашку», и сделанное по росту верхнее одеяние с узкими рукавами и полами до колен¹⁵. Эти душегрейки были, по-видимому, короткой нагрудной одеждой без рукавов с застежкой спереди, надевавшейся под другую, верхнюю одежду с узкими рукавами и полами до колен. Как нижняя, так и верхняя одежда представляли собой скорее всего тип распашной одежды, которую, как отмечает И. Георги, носили и мужчины, и женщины. Костюм дополнял кожаный пояс, к которому подвешивали «нож, огниво с принадлежностью и шабашный прибор»¹⁶.

И. Георги приводит также описание лопарской шапки — с меховым околышем и высокой суконной четырехугольной тульей, отделанной по швам кантом из сукна другого цвета¹⁷. Речь идет, по-видимому, о мужской шапке, очень сходной с теми, которые носили как кольские, так и скандинавские лопари в конце XIX — начале XX в.

Интересно еще одно (почти одновременное с предыдущим) описание костюма кольских лопарей, принадлежащее Н. Озерецковскому и относящееся к концу XVIII в. Не останавливаясь на деталях костюма, этот автор сообщает, что лопари носят одежду глухого покроя, которую шьют из оленьих шкур мехом наружу. Эта одежда, называемая *печок*, не имеет разреза спереди, а надевается через голову¹⁸. Материалом для летней одежды, по замечанию Н. Озерецковского, служат выделанные оленьи кожи. Об одежде из сукна упоминаний не имеется¹⁹.

Среди наиболее ранних, известных нам сведений по лопарскому костюму большой интерес представляют в качестве сравнительных данных очень детальные описания И. Шеффера середины XVII в., касающиеся скандинавских лопарей²⁰. По этим данным, одежду шили из оленьих шкур (медвежьи и тюленьи шкуры использовались редко) шерстью наружу и надевали прямо на голое тело. Зимний костюм состоял из глухой одежды прямого покроя с длинными рукавами до колен, надевавшейся через голову и подпоясывавшейся поясом, из плотно прилегающих, тоже из оленьей шкуры штанов, особых набедренников и из того же материала обуви, в которую для тепла подкладывали сено. На руки надевали вязаные шерстяные рукавицы, а на голову — нечто вроде шлема из оленьей шкуры, закрывавшего плечи и имевшего только небольшое отверстие для лица. Вся меховую одежду украшали кусочками цветных тканей и блестящими нитками.

Летнюю одежду лопари шили из домотканой шерстяной, ткани, обычно серого или белого цвета, которую изготовляли в Швеции и привозили в Лапландию шведские купцы. Зажиточные лопари покупали более дорогие шерстяные ткани зеленого, синего и особенно красного цветов. Черный цвет у них спросом не пользовался.

Мужской летний костюм, как и зимний, состоял из штанов и глухой одежды, того же покроя, длиной до колен, но уже не из шкур, а из вышеназванной шерстяной ткани. Подпоясывался он кожаным поясом, отделанным оловянными или серебряными кружками. К поясу подвешивались кожаные ножны с вложенным в них ножом, четырехугольная сумка из оленьей шкуры, в которой хранили огниво, трут и серу — для получения огня, табак и другие мелкие вещи. Кроме этого, к поясу подвешивали кожаный мешочек для хранения денег, кожаный игольник с иглками и нитками, а также множество железных цепочек с колечками на концах.

Летний головной убор лопаря представлял собой шапку, спитую из шерстяной цветной ткани (часто красной) или связанную из белой заячьей шерсти, а иногда из птичьего пуха. Эти шапки имели форму колпаков и по краю их иногда обшивали лисьим, бобровым или рысьим мехом. Летнюю обувь шили из оленьих шкур и закрепляли на ноге завязками.

И. Шеффер упоминает также еще об одном виде летней одежды, сшитой из выделанной оленьей кожи, название которой и особенности покроя автором не указываются. Дополнением к ней служил шлем из ткани (наподобие зимнего), который надевали

для защиты от комаров. Это был, по-видимому, род летней промысловой одежды.

Летний женский костюм шили из того же материала, что и мужской. Основу его также составляла глухая одежда типа рубахи прямого покроя, но в отличие от мужской она была гораздо длиннее и доходила почти до пят. Отличался от мужской и пояс, которым женщины подпоясывали свою одежду. Он был гораздо шире и украшался не кружками, а длинными оловянными или серебряными пластинками различной формы, которые нанизывались на тонкий кожаный ремешок вдоль всего пояса. Кроме этого, лопарки подвешивали к своему поясу ножны с вложенным в них ножом, кошелек, игольник и бесчисленное множество металлических колечек, которые служили предметом особой гордости лопарской женщины.

И. Шеффер описывает одно очень своеобразное нагрудное женское украшение, называемой им *кракка*, которое состояло из полоски красной или другой цветной ткани шириной в ладонь, надевавшейся на шею и острым мысом спускавшейся на грудь. Спереди на него нашивалось множество металлических (медных, железных, а у более зажиточных — серебряных, иногда даже с позолотой) кружочков, цепочек, брелоков. Это украшение, как подчеркивает И. Шеффер, было главным и любимым украшением лопарки и предметом ее постоянных забот.

Летним женским и девичьим головным убором служила круглая плоская шапочка красного цвета, поверх которой, правда, довольно редко, повязывали полотняный платок. Летняя обувь лопарки ничем не отличалась от мужской.

Как видно из этого детального описания, скандинавские лопари в XVI в., как и кольские, шили свою одежду из оленьих шкур или из покупного шерстяного домотканого материала. Женская одежда по существу не отличалась от мужской. Она была лишь длиннее, имела более широкий пояс и большее количество украшений. Следует отметить, что данные И. Шеффера, как и Н. Озерецковского, не содержат упоминаний о распашной одежде. Он также описывает только глухую одежду, надевавшуюся через голову.

Сравнивая вышеприведенные ранние сведения о костюме лопарей, можно заключить, что авторы XVII—XVIII вв. зафиксировали, по-видимому, в разных районах, у разных групп лопарей два различных типа одежды: распашную, с застежкой спереди, и глухую, надевавшуюся через голову. Из этих описаний также следует, что, если у скандинавских лопарей в этот период уже довольно широко распространена одежда из тканей, у кольских,

по-видимому, еще преобладает одежда из шкур и дубленых кож.

Основным видом верхней плечевой одежды кольских саамов, как мужчин, так и женщин, в конце XIX в. был *печок* (p'εск — иок., клд.) — глухая одежда из оленьих шкур обычно темно-коричневого цвета мехом наружу, длиной ниже колен, немного расширяющаяся к подолу. Стан печка состоял из двух прямых полотнищ, которые составляли перед (ajtɯmp'εl'1' — иок.) и спинку (siel't-pie'l'1' — иок.), и двух (а иногда и четырех) боковых клиньев трапецевидной формы, идущих от самой проймы. Переднее и заднее полотнища пришивались к двум кускам, которые покрывали плечи и переходили на перед острыми мысами, а назад спускались прямоугольниками. Широкие рукава (sjeje — иок., клд.) с ластовицами заканчивались узкими обшлагами из цветного сукна. Низкий стоячий воротник (kāvlas — иок.) стягивался завязками с кистями на концах ²¹.

Мужской печок делался длиной немного ниже колен, а женский — длиннее, иногда до самой щиколотки. Основное отличие женского печка от мужского заключалось в наличии украшений — главным образом на груди, у ворота, а также по подолу и обшлагам. Украшения состояли из кистей (на груди), сделанных из узких полосок цветного сукна, из нашитых треугольников цветного сукна, бисера, маленьких перламутровых пуговиц и из узких полосок сукна, пропущенных в швы. Мужской печок почти не имел украшений. Иногда только делали ворот из белого меха.

Печок, как правило, не различался на праздничный и повседневный. Его шили всегда одинаково. В праздничном же костюме при обычном печке делали лишь более красочной шапку.

Другим видом верхней плечевой одежды, которую также носили и мужчины, и женщины, была *торка* или *торк* (to'k'ε — иок., что означает «шкура») — глухая одежда из оленьих шкур, сшитая мехом внутрь длиной гораздо короче печка. Торку делали выше колен (хотя есть сведения, что ее длина доходила до щиколотки). Носили эту одежду в холодное время дома или надевали под печок в сильные морозы, отправляясь куда-нибудь в дорогу ²². В. В. Чарнолуский отмечает, что торку делали очень нарядной, опушали заячьим, а иногда и песцовым мехом и использовали как верхнюю праздничную одежду ²³.

Торка, по-видимому, представляет собой очень старинный вид лопарской одежды, уже давно вышедшей из употребления. В музейных коллекциях, относящихся к кольским лопарям преимущественно конца XIX — начала XX в., этого вида одежды вообще

нет. Других материалов о ней также немного. Поэтому вопрос о ее происхождении остается пока неясным.

Печок саамы надевали обычно на рубаху из белого (у женщин) и серого (у мужчин) сукна прямого покроя, называемую *юпой* (jura — иок.). Юпа кроилась из целого куска материала, сложенного вдвое, и имела два шва по бокам и два с внутренней стороны цельнокроеных, суживающихся к концам рукавов. Иногда юпу делали немного расклешенной.

Спереди рубаха имела небольшой прямой разрез (длиной в 20—22 см.), вдоль которого пришивалась из того же материала планка. Небольшой стоячий с закругленными углами воротник и эта планка обшивались по краю цветной тесьмой. Застегивалась рубаха (у мужчин и у женщин) справа налево на одну или две самодельных медных пуговицы и воздушные петли из крученого узкого ремешка. Украшения делались по вороту, подолу и обшлагам. Они состояли из нашитых кусочков (в форме ромбов и треугольников) цветного сукна, бисера и цветной тесьмы вдоль подола.

Зимой юпу, как уже отмечалось, носили под печок, а летом она часто служила верхней, в частности промысловой, одеждой, которую использовали на рыболовном и охотничьем промыслах. Вместо юпы мужчины-лопары летом часто надевали кафтан (k'aχtan — иок., клд.) — распашную одежду из сукна, в талию, неотрезную в спине, расширяющуюся книзу, длиной до колен. Такие кафтаны носило все русское население Архангельской губернии. В. Верещагин отмечает кафтан у лопарей уже в 40-х годах XIX в. ²⁴

Неизменной принадлежностью костюма саамов как мужчин, так и женщин был пояс, который надевали поверх одежды (печка или юпы). Зимой, надевая пояс поверх печка, делали на талии большой напуск — *пазугу*, служившую местом хранения разных мелких вещей. Мужчины носили обычно кожаный пояс (tāsma — иок.; tāsm — клд.), к которому подвешивали кожаные ножны (tohp — иок., клд.) с вложенным в них охотничьим ножом (nɯjɯ' — иок.), кожаный мешочек с огнивом, сумочку (kisa — иок., клд.) с иглами и нитками, кошелек для денег разного рода амулеты (медвежьи зубы, медные колечки и др.).

Охотничьим ножом, которым на промысле чистили рыбу или резали мясо, дома, в поселке, обычно не пользовались. Дома употребляли ножи поменьше (liejɯ-čɯhpɯm-nɯjɯ' — иок., клд., т. е. «нож для резания хлеба»). Вместо ножа саамы часто имели при себе топор, который засовывали сзади за пояс.

Женщины вместо кожаного пояса носили обычно пояс, плетенный из шерсти, шириной в 10—15 см, на который также под-

вешивали нож с рукояткой из оленьего рога в кожаных ножнах кисы с иголками и нитками, кошелек и различные амулеты. На праздничной одежде мужчины также носили не кожаный, а шерстяной кушак, плетенный из гаруса, чаще всего синего или зеленого цветов, тогда как у женщин преобладали красные пояса.

К нижней плечевой одежде саамов конца XIX в. относится полотняная (у женщин) и ситцевая (у мужчин) рубаха туникообразного покроя (rājē⁹ — иок., rajt — клд.) длиной до колен с прямым воротом, длинными прямыми рукавами с ластовицами. Стан рубахи состоял из двух прямых полотнищ и двух небольших боковых клиньев²⁵.

На эту рубаху мужчины надевали обычно суконные или из дубленой оленьей кожи штаны (kadt⁹ — иок.), а женщины — сарафан (sārivan — иок.) из пестрого сатина или ситца и из того же материала фартук (fartuk — иок.).

Сарафан, который носили как женщины, так и девушки, представлял собой высокую юбку на узких лямках, сшитую из четырех или пяти прямых полос ткани и собранную наверху в густую сборку. Наверху сарафан заканчивался широким поясом, к которому пришивали лямки. На левом боку делали застежку. Сарафаны шили чаще из яркого однотонного (часто красного, голубого или желтого) или пестрого сатина, а лямки и пояс делали из ситца другого цвета²⁶. На сарафан надевали сшитый из такого же материала передник, который сзади завязывали тесемками. Передник с широким кушаком наверху собирали в сборку, вдоль подола шла широкая оборка. Средняя длина его составляла 85 см, а ширина в подоле — 173 см²⁷.

Под сарафан лопарки иногда надевали кофту (kurta — иок.) из ситца или из покупной шерстяной ткани ярких оттенков на ситцевой подкладке. Кофту шили в талию и украшали оборками, она имела невысокий стоячий воротник, спереди застежку. Рукав — длинный, собранный у плеча в сборку и суживающийся к обшлагоу²⁸.

Белье саамы обычно не носили. Как женщины, так и мужчины надевали рубаху *пайд* и иногда полотняные штаны (ruks¹ — иок.).

Свою обувь саамы шили из наиболее прочных частей оленьей шкуры (с оленьих ног и лбов) мехом наружу или из дубленой оленьей кожи на мягкой подошве из того же материала. Своеобразной особенностью всей саамской обуви был острый загнутый кверху носок. Зимней обувью служили обычно яры (jēŋ¹ — иок.) — обувь из оленьих шкур мехом наружу с длинными, достигающими до паха голенищами и острыми загнутыми кверху носками. Голенище яров состояло из 4 сшитых друг с другом

продольных полос: передней, задней и двух боковых, причем полоски светлого меха чередовались с темными. В швы вставляли узкий кант из цветного (красного, желтого или черного) сукна. Кроме этого, яры украшали нашитыми треугольничками из цветного сукна²⁹.

Яры были очень красивой и нарядной обувью, шитье которых требовало от саамской женщины большого искусства. Саамы говорили, что у них сватают ту девушку, которая сумеет шить яры.

Яры носили и мужчины, и женщины. Однако, как отмечает Н. Н. Харузин, употребление женщинами яров не было повсеместным. В некоторых погостах, например в Сонгельском, женщины яров не носили³⁰. Это, возможно, исходит здесь от скандинавских лопарей (Сонгельский погост — один из западных погостов), для которых такая обувь была нехарактерна.

При переездах по тундре кольские саамы надевали яры с пришитыми к ним из дубленой оленьей кожи штанами — *огузеньем* (kadt⁹ — иок.). Верхнюю часть огузеня делали из двух слоев

Лопарки в летней одежде

кожи. На талии штаны заканчивались поясом, который сзади стягивали ремешками (делалось нечто вроде шнуровки), а спереди переходили в два хлястика, один из которых имел петлю, а другой пуговицу³¹.

Находясь в погосте, саамы вместо яров часто носили другую, более низкую обувь — *каньги* (kāmŋij — иок.; k'emŋ'e — клд.), которые также шили из оленьих шкур мехом наружу. По покрою они не отличались от яров, но были гораздо короче их, лишь немного закрывая щиколотку. По существу это были яры без голенищ. По швам у них также выпускали кант из цветного, чаще всего красного сукна. Спереди к каньгам пришивали две длинные плетенные (или вязанные) из шерсти завязки — оборы, которые обкручивали вокруг ноги и которые тем самым служили своего рода застежкой³². Женские каньги делали обычно из выбеленных на солнце оленьих шкур и украшали бисером и нашитыми кусочками цветного сукна. Каньги саамы носили как зимой, так и летом. Летние каньги (*нюреньки* — русск.) делали из выделанной, дубленой оленьей кожи, а также из нерпичьей или тюленьей шкуры, обладающей способностью не пропускать влагу. Для большего сохранения тепла в яры и каньги клали сено.

Под каньги и яры на ноги надевали вязанные из овечьей шерсти чулки (sukk^a — иок., suk — клд.) без ступни длиной выше колена или носки (suhkvejv^a — иок.), мужчины — однотонные, а женщины и особенно девушки — полосатые и пестрые. Женщины, кроме того, носили еще суконные чулки без ступни (ped — клд.)³³.

На руках саамы носили рукавицы, летом — вязанные из овечьей шерсти белого или серого цвета (vass — иок., клд.), а зимой — из оленьей шкуры мехом наружу — *койбинцы* (k'este — клд., kışt — иок.), отороченные цветным сукном. Зимой в дорогу надевали две пары рукавиц: сначала — шерстяные, а сверху — меховые³⁴.

Очень интересны, разнообразны и красочны головные уборы саамов конца XIX — начала XX в. Наиболее распространенным головным убором мужчин была суконная шапка (kab'p'er' — иок., клд.; *латушка* — русск.), состоявшая из околыша красного или синего цвета, высокой четырехугольной тульи другого цвета (красного, синего или черного) и наушников, имевших на концах тесемки, которые завязывались под подбородком. Иногда околыш и наушники делали из меха. Эти шапки шили на меховой оленьей подкладке и с лисьей опушкой. Украшения состояли из нашитых треугольничков цветного сукна, бисера и маленьких прозрачных пуговиц. Богатые лопари украшали свои шапки жемчугом. По швам выпускали кант из сукна другого цвета³⁵.

Кроме вышеописанной у саамов известна и другая мужская шапка. Тулью ее, цилиндрической формы с доньшком, делали из бересты и обтягивали цветным (обычно синим или красным) сукном. К этой тулье пришивали суконный же, но другого цвета околыш, украшенный нашитыми треугольничками цветного сукна и бисером, и опушенный по краю лисьим мехом. Шапку делали на подкладке из оленьего меха, она имела меховые наушники, которые с помощью тесемок завязывали под подбородком³⁶.

Кроме суконных шапок с высокой тульей мужчины-саамы часто носили вязанные из овечьей шерсти островерхие колпаки с помпонами или без них³⁷.

Подобные мужским, были и женские суконные шапки — на меховой подкладке, с меховой лисьей или заячьей опушкой и наушниками. В отличие от мужских они имели не четырехугольную, а высокую круглую тулью. Такие шапки (женская — šamš-kab'p'er' — иок.; девичья — nijt-kab'p'er' — иок.) носили, как правило, зимой³⁸. Летним обычным головным убором замужних женщин-лопарок была *шамшура* или *самшура* (šamšur, šamš — иок., клд.), напоминающая по форме русский кокошник. Шамшуру делали из бересты, обтягивали красным сукном и расшивали бисером³⁹.

Девичий головной убор — *перевязка* (p'er'ev'es'k — иок.) — представлял собой цилиндр из бересты без доньшка, также обтянутый красным сукном и расшитый бисером⁴⁰. Если шамшуру носили, убирая под нее все волосы, то перевязку надевали выше, открывая лоб и часть волос. Поверх своих летних головных уборов женщины и девушки часто надевали платок, складывая его треугольником, и завязывая углы под подбородком. Иногда углы платка перекрещивали на груди, а концы завязывали сзади, на талии. Платки лопарки всегда покупали у соседнего русского населения⁴¹.

Одежда кольских саамов конца XIX в. имеет много общего с описанным выше лопарским костюмом XVII—XVIII вв. Однако в конце XIX в. прочное место в одежде лопарей уже занимает одежда из тканей (сукна, холста, ситца), на которую зимой надевают одежду из оленьих шкур. Последняя тем самым превратилась в верхнюю одежду. Кроме того, в отличие от XVII—XVIII вв. среди материалов XIX в. мы нигде не находим упоминаний о существовании у лопарей распахнутой верхней одежды. Вся верхняя меховая одежда лопарей конца XIX в. относится к типу глухой, не имеющей разреза спереди и надеваемой через голову. К концу XIX в. у саамов Кольского полуострова уже довольно отчетливо прослеживались различия между зимней и летней верхней

одеждой, что отчасти объясняется соседством с русским населением.

Одежда кольских саамов конца XIX — начала XX в. очень сходна с костюмом скандинавских и финских лопарей того же периода. Зимняя верхняя одежда из оленьих шкур (*pesk, mudd*) как мужчин, так и женщин очень напоминает печок кольских лопарей. Отличие заключается в том, что писк скандинавских лопарей более расклешен за счет клиньев, вставленных в спинку и отходящих от талии ⁴². Под писк в особенно холодное время скандинавские и финские лопари также надевают торку (*tork*), спитую, как и у кольских, из оленьих шкур мехом внутрь ⁴³.

В обычное время под писк надевают глухую одежду из цветного сукна (*kuft, kaft*), подобную юпе, но отличающуюся от нее большей расклешенностью, идущей от талии за счет вставленных клиньев ⁴⁴. Сверху куфт перехватывается широким кожаным поясом, на котором всегда висит нож в ножнах, сделанных из оленьего рога. Летом куфт служит верхней одеждой.

Как и кольские, скандинавские и финские лопари носят аналогичного покроя полотняные (или из другой хлопчатобумажной ткани) рубахи и штаны (мужчины) из хлопчатобумажной или шерстяной ткани ⁴⁵. Зимой, кроме того, надевают штаны из дубленой кожи, соединенные с меховыми голенищами, доходящими до щиколотки ⁴⁶.

Обувь кольских саамов — яры с высокими голенищами — для скандинавских лопарей не характерна. Не свойственна им и обувь, соединенная со штанами (типа *яры с огузеньем*). Они шьют свою обувь из оленьих шкур шерстью наружу или из дубленой кожи высотой до колен или чуть выше щиколотки (покрой ее в точности совпадает с каньгами кольских лопарей). Особенность ее, как и в обуви кольских лопарей, — узкий загнутый сверху носок ⁴⁷.

Головные уборы скандинавских лопарей очень разнообразны и имеют целый ряд вариантов по отдельным районам Лапландии. Их шьют из цветного сукна и отделявают мехом. У мужчин преобладают шапки с высокой четырехугольной тульей (как и у кольских саамов), а у женщин — типа капора с наушниками ⁴⁸.

В настоящее время вместо традиционной одежды скандинавские и финские лопари все больше начинают носить одежду шведов, финнов и норвежцев. Продолжают сохранять свою одежду главным образом кочевые лопари-оленьеводы.

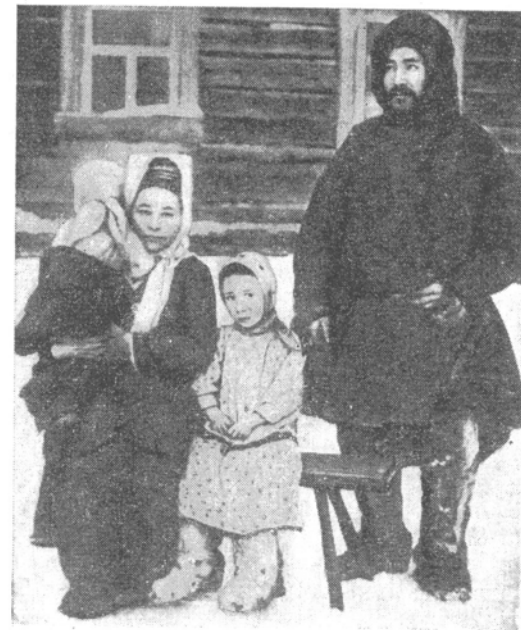
В конце XIX в., с появлением на Кольском полуострове ненцев и коми-ижемцев (начиная с 1887 г.), началось проникновение в лопарскую культуру ижемско-самоэдских элементов. Для

одежды это выразилось в распространении у саамов малицы с капюшоном, маличной рубашки и некоторых видов обуви (пимов, тоборков и меховых чулок-липтов). Особенно этот процесс усилился с начала XX в. Малица и пимы получали все большее распространение, пока окончательно не вытеснили лопарскую традиционную меховую одежду (печок и яры).

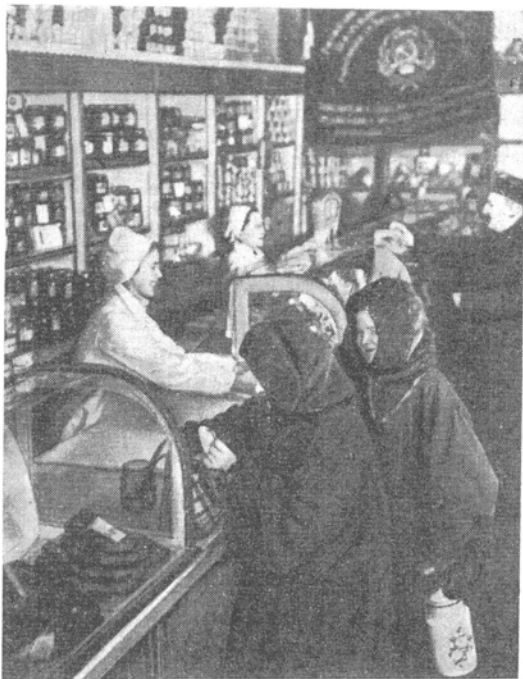
Следует отметить, что в прибрежных погостах Кольского полуострова (Иоканьгском и Лумбовском), где ижемского населения почти не было, у так называемых терских лопарей, дольше сохранялась традиционная лопарская одежда. Так, еще в конце 20-х годов нашего века саамы этих погостов продолжали носить печок и яры, тогда как в центре ижемской колонизации — Ловозере — они уже целиком были заменены малицей и пимами ⁴⁹.

В настоящее время малица, пимы и тоборки используются главным образом как осенняя и зимняя промысловая одежда в оленеводческом и рыболовном промыслах. Сохраняется значение этой одежды и как зимней повседневной, которую носят в поселках.

Малица (*mālic'* — иок.) саамов представляет собой одежду из оленьих шкур глухого покроя мехом внутрь, немного расширяю-

Лопарская семья

Женщины в малицах — обычной зимней одежде саамов

щуюся к подолу, длиной почти до щиколотки. По вороту пришивается капюшон из двух слоев меха: нижнего шерстью внутрь и верхнего шерстью наружу. Капюшон плотно прилегает к лицу и в случае надобности его стягивают завязками. Рукава заканчиваются пришитыми к ним меховыми рукавицами. Малицу подпоясывают кожаным поясом, оставляя на талии напуск — пазуху, служащий для хранения разных мелких вещей⁵⁰. Повседневная малица украшений не имеет. Праздничная же украшается меховой опушкой по подолу, над которой пришивают одну или две узких (в 2—3 см шириной) полоски красного и синего сукна⁵¹.

Поверх малицы для предохранения ее от влаги надевают маличную рубашку — *обтяжку* (*shālīc'* — олк, иок.), которую шьют из хлопчатобумажного материала темного цвета (черного, коричневого или синего). Маличная рубашка имеет прямой покрой, немного расширяющийся книзу, длинные, суживающиеся к концам рукава и открытый ворот, иногда с прямым разрезом на груди⁵².

Некоторые саамы во время сильных морозов в дорогу надевают поверх малицы *совик* — одежду, по покрою напоминающую малицу, но шитую шерстью наружу. Однако совик, свойственный одежде ненцев и ижемцев, не получил среди лопарей большого распространения.

Обычной зимней обувью саамов, как мужчин, так и женщин, в первой половине XX в. стали *пимы* (*pim^a* — иок., клд.), сменившие традиционные лопарские яры. Пимы — высокая до паха обувь из оленьих шкур мехом наружу, с мягкой подошвой и круглым тупым носком. Чтобы они не спускались, их прикрепляют к поясу особыми ремешками (*pim^a-kuar'k* — иок.), пришитыми спереди к верхним краям пимов. Пимы шьют каждый из шести продольных полос меха, чередуя темные полосы со светлыми. По швам выпускают узкий кант из зеленого, красного или желтого сукна. Рабочие пимы делают более темных тонов, а праздничные — более светлыми⁵³.

По покрою женские пимы не отличаются от мужских. Они различаются по ширине и характеру чередования продольных полос, а также по размещению украшений. Мужские пимы шьют из шести полос равной ширины, причем переднюю полосу делают белой, а заднюю, соответственно, темной. Украшение в виде нескольких параллельных поперечных кантов из цветного сукна делается на передней светлой полосе в двух местах: на уровне колена (или немного ниже) и несколько выше колена⁵⁴.

Женские пимы шьют также из шести полос, но при этом три передних полосы делаются уже остальных и средняя из них должна быть темного цвета. Задняя полоса на женских пимах — всегда светлая. Украшение, состоящее из тех же поперечных кантов, находится также спереди, но ниже, чем на мужских пимах, — несколько выше щиколотки. Под этим украшением на уровне голеностопного сустава на переднюю темную полосу нашивается небольшая светлая продольная меховая полоска⁵⁵.

В настоящее время пимы продолжают носить главным образом мужчины, которым они служат основной зимней обувью на промысле, а также праздничной зимней обувью. Повседневной зимней обувью мужчин и женщин, которую они носят в поселках, стали теперь валенки.

Под пимы саамы, как и ижемцы, надевают меховые чулки — *липты* (*lip^t* — иок.), сшитые из оленьих шкур, мехом к телу, длиной выше колен. Как и пимы, липты прикрепляются к поясу ремешками⁵⁶. Коми-ижемцы надевают липты на голую ногу,

подкладывая внутрь сено. Лопари же предпочитают под липтами носить свои вязаные шерстяные чулки⁵⁷.

Кроме пимов саамы восприняли от ижемцев и другой вид обуви из оленьих шкур — *тоборки* (tubyrk — иок.), которые они носят и сейчас главным образом в поселке. Тоборки шьют длиной до колен и надевают также на липты.

Интересно, что саамы, заимствовав тоборки у ижемцев, изменили их соответственно своим вкусам и потребностям. Тоборки стали у них основным видом промысловой обуви, которая полностью сохраняет значение и в настоящее время. Головки промысловых тоборков (nah'ktubyrk — иок.) делают из шкуры нерпы, а голенища (длиной до паха) — из кожи или брезента. Чтобы эта обувь не пропускала влагу, в нее перед ноской наливают смоляную воду (tar'v^o — b̄āze — иок.), которую оставляют на трое суток. После этого воду выливают, а тоборки сушат. Эту обувь саамы широко носят летом и осенью на оленеводческом и рыболовном промыслах⁵⁸.

*

Современная одежда саамов Кольского полуострова в большой мере утратила те черты, которые были свойственны ей в конце XIX в. Из традиционных элементов костюма в повседневной одежде в настоящее время широко сохраняют свое значение каньги как летняя обувь, ареал которой выходит сейчас далеко за пределы Кольского полуострова и охватывает весь Европейский Север.

В женской одежде кроме канег сохраняет свое значение сарафан с передником, который носит в основном старшее поколение, а также головной убор шамшур, являющийся обязательным элементом современной праздничной одежды.

В мужском костюме традиционные черты сохраняются главным образом в промысловой одежде. Сюда относится ношение промысловых тоборков, шерстяных чулок, а также кожаного пояса — тасмы, которым лопарь теперь подпоясывает малицу.

В остальном современный костюм кольских саамов, какой они носят, находясь в поселке, состоит преимущественно из покупной одежды и обуви. Кроме белья мужчины носят современного покроя пиджак и брюки, заправленные летом в сапоги, а зимой — в валенки или тоборки (или каньги) из оленьих шкур длиной до колен. На голове — русская шапка-ушанка или кепка. Верхней зимней одеждой в поселке мужчинам служит ватник (*фуфайка*) в сочетании с ватными штанами, а в особенно холодное время — малица.

Женщины поверх белья носят пестрые ситцевые платья, юбки и кофты, а также покупные вязаные шерстяные и хлопчатобумажные кофты. На ногах — чулки и обычная покупная обувь (туфли, босоножки, тапочки). Верхней одеждой зимой женщинам служат малица и валенки.

Таким образом, к концу XIX в. костюм кольских саамов в своем «чистом» виде не сохранился. Однако он содержал в себе еще немало черт, которые можно рассматривать как исконные лопарские. Это относится в первую очередь к меховой одежде, все элементы которой (печок, торк, яры с огузеньем, каньги) отличаются большим своеобразием, имеют свои собственные лопарские наименования и почти не находят аналогий не только в костюме соседних, но и других северных народов.

Особенностью верхней плечевой одежды саамов, как мужчин, так и женщин, начиная со второй половины XIX в. был ее глухой покрой. Это была одежда без разреза спереди, надевавшаяся через голову. Следует заметить, что среди других народов Крайнего Севера одежда глухого покроя имеет довольно ограниченное распространение и является в основном мужской (у ненцев, части

Саам в малице и пимах

хантов и манси, энцев и нганасанов). Женская глухая одежда, как наиболее древняя, известна только у народов Крайнего Северо-Востока Сибири (коряков, чукчей, азиатских эскимосов и ительменов)⁵⁹.

Наличие в лопарском костюмном комплексе женской глухой одежды, несомненно, говорит о ее большой древности. Об архаичности глухой одежды у лопарей свидетельствует и ее слабая дифференциация по полу и возрасту. Мужская одежда почти не отличалась от женской, а последняя — от девичьей. Почти неизвестны у лопарей специальные виды одежды (свадебная, погребальная и промысловая). Костюм невесты по своим элементам и покрою ничем не отличался от обычного девичьего костюма, но в нем преобладали светлые и белые тона. Свадебный печок делали всегда светлым, а юпу и каньги — белыми. Для погребальной одежды также был характерен белый цвет, причем эта одежда всегда была новой. На ноги надевали каньги, с которых срезали их острые загнутые носы. Женщинам на голову повязывали белый платок, а мужчин хоронили без головного убора.

Саамы в современной летней одежде

Очень возможно, что одежда глухого покроя на Кольском Севере была известна еще неолитическим морским охотникам и рыболовам, которые жили оседло по побережью Баренцева моря и чьи стоянки были открыты Н. Н. Гуриной⁶⁰. Преемниками этой береговой неолитической культуры стали, по-видимому, береговые лопари, чьи стойбища, как показали те же археологические работы под руководством Н. Н. Гуриной, издавна существовали в этих местах.

С другой стороны, материалы по одежде лопарей конца XIX — начала XX в. позволяют выделить в лопарском костюме другой, не менее древний пласт, связанный, по-видимому, с теми группами лопарей, которые жили не на побережье, а в более южных районах.

В коллекциях ГМЭ среди принадлежностей лопарского костюма начала XX в. имеется нагрудник, сделанный в виде петли из полосы оленьей замши (длина — 0,32, ширина — 0,035 м), покрытый с лицевой стороны красным сукном и украшенный цветным бисером и перламутровыми пуговицами. Края нагрудника

Нагрудник-набрюшник
шведских лопарей

окантованы шерстяным шнуром зеленого цвета. Спереди в виде украшения нашиты восемь ремешков. Надевается нагрудник через голову и носится на груди поверх одежды во время охоты⁶¹. Аналогичные нагрудники (только бóльших размеров), были распространены и среди шведских лопарей. Об этом свидетельствуют несколько экземпляров нагрудников, хранящихся в Гос. музее ЭССР. Этот нагрудник представляет собой прямоугольный кусок синего сукна, украшенный кусочками сукна другого цвета и расшитый серебряными нитками, размером 31 × 36 см, с тесемками, которые завязываются сзади на шее (верхние) и на спине (нижние)⁶².

Материалы по одежде народов Сибири показывают, что подобные нагрудники составляют неотъемлемую часть костюма целого ряда сибирских народов и уходят своими корнями в глубокую древность. Они характерны для костюма как тунгусоязычных народов, так и самодийцев, для кетов, юкагиров и др.⁶³ В настоящее время эти нагрудники сохраняются у вышеназванных народов главным образом в виде части шаманской или промысловой одежды, а также в виде орнамента, имитирующего нагрудник, на обычной повседневной одежде.

Все народы Севера, для костюма которых характерен подобный нагрудник, носят или носили в прошлом распашную одежду: В одежде распашного покроя нагрудник был призван закрывать от холода грудь и живот, и его ношение имело совершенно определенный практический смысл. Ношение же нагрудника поверх одежды глухого покроя, как это было зафиксировано у лопарей, бессмысленно и, несомненно, является архаизмом.

Наличие нагрудника в костюме кольских лопарей конца XIX — начала XX в. позволяет допустить, что в более ранние времена у них также была распространена распашная одежда. Особенно это касается, по-видимому, тех групп лопарей, которые населяли более южные, лесные районы Лапландии. Не лишним будет заметить и то, что ношение такого нагрудника в начале XX в. было зафиксировано у терских лопарей — выходцев, как мы предполагаем, из лесных районов Карелии.

Следует заметить, что предположение о существовании у лопарей в прошлом одежды распашного типа подтверждают и описания XVII—XVIII вв. (П. М. Ламартиньера, И. Георги), которые, к сожалению, не содержат сведений о более детальном ее покрое.

Таким образом, можно думать, что у лопарей, населяющих пределы России, в прошлом, по-видимому, еще в XVII—XVIII вв., существовало два основных типа одежды — глухого и распашного покроя. Эти два вида костюма соответствовали, по всей вероятности, двум древним основным хозяйственно-культурным типам лопарей: полусоседным охотникам на морского и сухопутного зверя, жившим в прибрежной полосе, и охотникам на дикого оленя и рыболовам лесной и лесотундровой зоны.

В костюме кольских лопарей конца XIX — начала XX в. являются черты, общие с народами Восточной Европы, говорящими на родственных лопарям финских языках. Так, например, основная отличительная черта всей лопарской обуви — острый, загнутый вверх носок — встречалась также в обуви собственно карелов, которые, как мужчины, так и женщины, носили сапоги — кеньги из сыромятной кожи (*nüppikenkät*) с мягкой подошвой из бычьей кожи, без каблуков и с загнутыми вверх носками⁶⁴. Подобная обувь, предназначавшаяся для ходьбы на лыжах, известна также у эстонцев (*suuskingat*) и финнов (*pieksut*)⁶⁵.

Аналогичная обувь для лыж (*kom*) была распространена и у северных групп коми. Она представляла собой башмаки, сшитые из одного куска сыромятной кожи, с толстой подошвой и загнутыми вверх носками, с петлей на конце. К кожаным головкам пришивались холщовые или суконные голенища⁶⁶.

В костюме лопарей проявляется целый ряд и других черт, сходных с костюмом карелов и главным образом собственно карелов, населяющих средние и северные районы Карелии. Это проявляется как в терминологии, так и в отдельных деталях одежды. Тем и другим свойственна туникообразная рубаха (собств. кар.— *paita*; людики — *paid*; ливвики — *paidu*⁶⁷, лоп.— *paĭt^o*, *paĭt*), шерстяные чулки без пятки (собств. кар.— *sukk*; людики — *sukk*; ливвики — *sukku*⁶⁸; лоп.— *sukk^o*, *suk*), вязанные из белой шерсти рукавицы с геометрическим орнаментом.

В костюме лопарей Кольского полуострова конца XIX в. можно отметить еще одну интересную деталь, сходную с таким же элементом костюма у карелов, а также коми. Это особый вид головного убора — *куколь*, который шили из серого сукна и использовали на летних промыслах для защиты от сильных ветров и комаров⁶⁹. Такой же головной убор был характерен, по-видимому, и для костюма скандинавских саамов, у которых он был описан еще в XVII в. И. Шеффером. Аналогичный лопарскому карельский *кукель* (*kukkel*) — накомарник — представлял собой капюшон, сшитый из белого холста, который надевали на голову, а концы его обертывали вокруг шеи⁷⁰. Р. Ф. Тароева приписывает этому головному убору у карелов большую древность. Подобный же накомарник — *номдора*, имеющий вид капюшона из белого холста, известен и у коми-зырян, где он служит иногда еще и теперь головным убором охотников, отправляющихся летом на работу в лес⁷¹. У удорских коми этот накомарник также носит название «кукель»⁷².

Сходным элементом костюма лопарей, собственно карелов и коми, является также кожаный пояс с металлической пряжкой, которым подпоясывают одежду (чаще всего верхнюю). К поясу подвешивают нож в кожаных, а у коми — в деревянных или плетенных из березового лыка ножнах, кожаный кисет, принадлежность для добывания огня (огниво, кремь, трут) и пр.⁷³

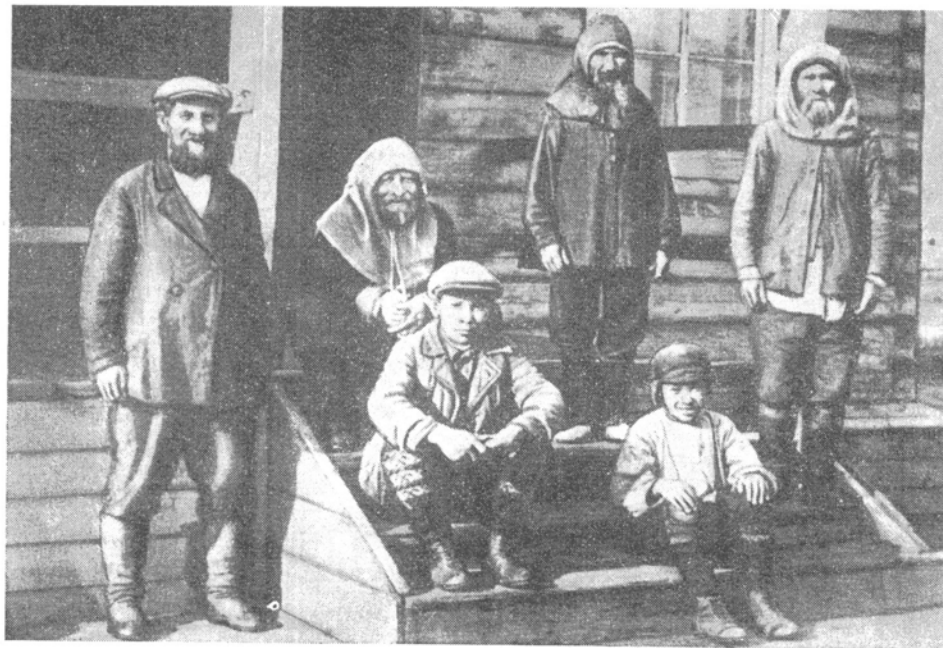
Костюм кольских лопарей, который по нашим материалам довольно детально прослеживается уже со второй половины XIX в., отражает многовековые контакты лопарей с русскими. В результате лопари заимствовали целый ряд черт севернорусского костюма, особенно головные уборы и одежду из тканей.

У мужчин появились кафтан (*káxtan*), суконные штаны, некоторые виды головных уборов (шапка — *латушка* и картуз с козырьком), русские сапоги. Женщины переняли у русских сарафан (*sarivan*) с передником, головные уборы (шамшур, перевязка, головной платок).

Многие авторы, писавшие о лопарях, сообщали об изменениях

в их одежде. Уже в 1849 г. В. Верещагин, побывавший в «Русской Лапландии», отмечал, что многие лопари носят русские кафтаны и сюртуки, а на голову часто надевают русскую шапку или картуз с козырьком⁷⁴. Однако, по мнению Н. Харузина, употребление кафтана в 40-х годах XIX в. было редким. К 90-м годам XIX в., как утверждает Н. Харузин, мужская юпа была уже совершенно вытеснена кафтаном и сделалась принадлежностью только женского костюма⁷⁵. Однако изучение музейных коллекций⁷⁶, а также наши полевые материалы показывают, что еще в начале XX в. юпа сохраняла свое значение в качестве летней мужской одежды и использовалась часто на промысле.

Шапка — *латушка* или *каппер* — с высокой четырехугольной тульей и меховым или суконным околышем, которую носили как кольские, так и скандинавские лопари во второй половине XIX в., была характерна для всех восточнославянских народов (*рогулька*,

Саамы и ненцы в летних промысловых головных уборах *куколь* (верхний ряд, трое справа)

рогатка), хотя и не получила у них широкого распространения⁷⁷. В середине XIX в. кроме русского населения Архангельской губернии, где ее называли «шпанкой на четыре уголышка»⁷⁸, ее носили также и карелы⁷⁹.

Лопарский сарафан по покрою ничем не отличается от русского. Интересно, что лопари иногда шили сарафан с рукавами, причем делали их из другого материала, что также было очень распространено у северных русских⁸⁰.

От русских лопари переняли и очень распространившиеся у них в конце XIX в. женские головные уборы шамшур и перевязку, которые как названием (последняя), так и покроем не отличаются от русских⁸¹. Платки, которые лопарки надевали поверх своих головных уборов, также, несомненно, русского происхождения. В пользу этого говорит прежде всего способ их вызывания⁸².

В то же время русские стали носить низкую лопарскую обувь из оленьих шкур — каньги, которая в настоящее время известна всему русскому населению Европейского Севера.

С конца XIX в., как уже было указано, у лопарей получает распространение одежда ижемско-самоедского типа (малица, маличная рубашка, пимы, тоборки, липты), которая постепенно вытесняет лопарскую меховую одежду и продолжает использоваться и в настоящее время (главным образом на промысле).

Эволюция лопарского костюма отражает разные исторические периоды жизни лопарей и те этнические процессы, которые происходили и происходят в настоящее время на территории этого края. К сожалению, наши материалы не позволили выявить каких-либо локальных различий в костюме лопарей конца XIX — XX в., хотя предположительно такие различия и удалось наметить в саамской одежде более раннего времени.

¹ Ф. Г. Иванов-Дятлов. Наблюдения врача на Кольском полуострове. Л., 1928, стр. 63.

² Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964, № 64.

³ С. И. Сергель. Год кочевки с лопарями. М.—Л., 1927, стр. 108.

⁴ Фонды ГМЭ, колл. 4848, № 39.

⁵ Фонды ГМЭ, колл. 1390, № 169.

⁶ Фонды МАЭ, колл. 336, № 6; колл. 1240, № 10; фонды ГМЭ, колл. 444, № 8; колл. 5845, № 1; колл. 3176, № 10; колл. 4848, № 43.

⁷ Фонды ГМЭ, колл. 444, № 6; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965 № 64.

⁸ См. описание этого процесса: Н. И. Лебедева. Прядение и ткачество восточных славян. «Восточнославянский этнографический сборник». М., 1956, стр. 481.

⁹ Фонды МАЭ, колл. 1240, № 8.

¹⁰ I. Scheffer. Lapland. Frankfurt a. M.—Leipzig, 1675, S. 297.

¹¹ Фонды ГМЭ, колл. 4848, № 48; колл. 4037, № 21; колл. 6794,

№ 15, 16; колл. 5845, № 2; колл. 1390, № 156.

¹² См. описание этого способа: Н. И. Лебедева. Указ. соч., стр. 506, 507.

¹³ Там же, стр. 507.

¹⁴ П. М. Ламартиньер. Путешествие в северные страны 1653 г. М., 1912, стр. 18.

¹⁵ И. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. I. СПб., 1776, стр. 8.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Н. Озерцовский. Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804, стр. 76, 77.

¹⁹ Там же, стр. 77.

²⁰ I. Scheffer. Указ. соч., стр. 230—242.

²¹ Материалы МАЭ, колл. 343, № 42; колл. 343, № 41; Материалы ГМЭ, колл. 444, № 15; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.

²² Архив В. В. Чарнолуцкого, 1928 г.

²³ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1965, № 64; Архив В. В. Чарнолуцкого, 1928 г.

²⁴ В. Верещагин. Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849, стр. 89, 90.

²⁵ Материалы ГМЭ, колл. 444, № 37 и др.

²⁶ Там же, колл. 5845, № 14.

²⁷ Там же, № 16.

²⁸ Материалы ГМЭ, колл. 5845, № 15.

²⁹ Там же, колл. 4847, № 91.

³⁰ Н. Н. Харузин. Русские лопари. М., 1890, стр. 94.

³¹ Материалы ГМЭ, колл. 4848, № 91.

³² Там же, колл. 6639, № 1, 2; колл. 1507, № 10; колл. 5808, № 3 и др.; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964, № 64.

³³ Там же.

³⁴ Материалы ГМЭ, колл. 444, № 16; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.

³⁵ Материалы ГМЭ, колл. 1233, № 2 и др.; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.

³⁶ Материалы МАЭ, колл. 336, № 2.

³⁷ Там же, № 3.

³⁸ Там же, колл. 343, № 36, 37.

³⁹ Там же, № 33; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.

⁴⁰ Материалы МАЭ, колл. 343, № 32; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1958—1964, № 63, 64.

⁴¹ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1958—1959, № 63.

⁴² Фонды ГМЭ, колл. 1423, № 11; фонды Гос. музея ЭССР, № В13:23, В13:24, В30:3; фонды МАЭ, колл. 339, № 151.

⁴³ Фонды ГМЭ, колл. 1423, № 12.

⁴⁴ Там же, № 1, 2, 3; фонды Гос. музея ЭССР, № В15:4; В26:1, В13:22 и др.

⁴⁵ Фонды ГМЭ, колл. 1423, № 4; фонды Гос. музея ЭССР, № В13:12, В13:13, В15:3 и др.

⁴⁶ Фонды ГМЭ, колл. 1423, № 6; фонды МАЭ, колл. 339, № 6; фонды Гос. музея ЭССР, № В15:6.

⁴⁷ Фонды ГМЭ, колл. 1423, № 28, 30, 32, 33, 34; фонды Гос. музея ЭССР, № В13:16, В13:14, В26:5 и др.; фонды МАЭ, колл. 339, № 7, 10, 16.

⁴⁸ Фонды ГМЭ, колл. 1423, № 38, 39, 40, 41; фонды Гос. музея ЭССР, № В15:7, В11:9, В13:1, В11:10 и др.

⁴⁹ Ф. Г. Иванов-Дятлов. Указ. соч., стр. 60, 67.

⁵⁰ Ф. Г. Иванов-Дятлов. Указ. соч., стр. 61, 62.

⁵¹ Материалы ГМЭ, колл. 6175, № 1, 2.

⁵² Там же, колл. 4037, № 46.

⁵³ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1965, № 64.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Материалы ГМЭ, колл. 5845, № 29.

⁵⁷ Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ «Историко-этнографический атлас Сибири». М.—Л., 1961, стр. 239.

⁶⁰ Н. Н. Гурина. Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова. МИА, № 20, стр. 163, 164.

⁶¹ Материалы ГМЭ, колл. 4848, № 8.

⁶² Фонды Гос. музея ЭССР, № В25:24, В26:4, В15:5, В13:6.

ПИЦА И УТВАРЬ

- ⁶³ Г. М. Василевич. Тунгусский нагрудник у народов Сибири. «Сб. МАЭ», т. XI, М.—Л., 1949, стр. 42—61.
- ⁶⁴ Р. Ф. Тароева. Материальная культура карел. М., 1965, стр. 154.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958, стр. 254.
- ⁶⁷ Р. Ф. Тароева. Указ. соч., стр. 146.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ С. Максимов. Год на Севере. СПб., 1874, стр. 230, 231.
- ⁷⁰ Р. Ф. Тароева. Указ. соч., стр. 150.
- ⁷¹ В. Н. Белицер. Указ. соч., стр. 250.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ В. Н. Белицер. Указ. соч., стр. 251; Р. Ф. Тароева. Указ. соч., стр. 152.
- ⁷⁴ В. Верецагин. Указ. соч., стр. 89, 90.
- ⁷⁵ Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 93.
- ⁷⁶ Материалы ГМЭ, колл. 1233, № 1 и др.; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1958—1959, 1964—1965, № 63, 64.
- ⁷⁷ Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов. «Востоочнославянский этнографический сборник», стр. 598.
- ⁷⁸ Г. С. Маслова. Указ. соч., стр. 598.
- ⁷⁹ Р. Ф. Тароева. Указ. соч., стр. 151.
- ⁸⁰ Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 95.
- ⁸¹ Г. С. Маслова. Указ. соч., стр. 739.
- ⁸² Там же, стр. 664.

Пища лопарей издавна состояла главным образом из мяса (зимой) и рыбы (летом). В более далеком прошлом, когда большую роль в хозяйстве играла охота, в пищу шло мясо дикого оленя и реже медведя. Употребление в пищу медвежьего мяса было характерно, по-видимому, преимущественно для лопарей лесной полосы. Медведь считался священным животным и, как и у многих других народов Севера, у лопарей существовал целый ритуал, связанный с охотой и поеданием мяса медведя¹. Медвежье мясо считалось лакомством². После снятия шкуры с медведя мясо его разрезалось на куски и опускалось в котел. Голова оставалась нетронутой. Через некоторое время ее тоже опускали в котел. Варили обычно без соли. У лопарей полагалось варить и съесть все мясо сразу, ничего не оставляя в запас. Во время варки все участники этого ритуала сидели в веже, каждый на определенном месте, по обе стороны от огня³. Кости медведя зарывали в землю, чем хотели выразить особое уважение к зверю и обеспечить удачную охоту на него в будущем⁴. Имеются также указания, что кости медведя собирали и прикрепляли (в том числе и череп) в соответствующем порядке к какой-нибудь хворостине. Собранный таким образом «скелет» медведя укладывали на землю и заваливали бревнами, чтобы звери не могли его повредить⁵.

У кольских лопарей конца XIX в. медвежий праздник, по-видимому, был уже в значительной степени забыт. Имеются даже указания, что с убитого медведя снимали шкуру, а мясо бросали в лесу, считая его «поганым», «негодным»⁶. К концу XIX в. в связи с сокращением размеров охотничьего промысла основным источником мясной пищи стало домашнее оленеводство.

Мясо оленя употребляли в вареном, вяленом, замороженном или реже — соленом виде. Об употреблении сырого мяса сведений почти не имеется. С. Герберштейн (начало XVI в.) сообщает

о том, что среди лопарей начинает распространяться обычай варки пиши и что они уже предпочитают есть не сырое, а немного «поджаренное» мясо⁷. В конце XIX — начале XX в. из оленины чаще всего варили суп (*limm* — иок.; местн. русск. *бурдух*), добавляя туда немного ржаной муки, соли и тертых ягод (вороники, морошки), причем во время еды сначала съедали мясо (*enčjer* — иок., клд.), а затем выпивали оставшийся бульон⁸.

В некоторых случаях, особенно по праздникам, готовили мясо следующим образом. Мороженое мясо нарезали кусками и складывали в котел, добавляя туда же немного оленьего сала (*pijte* — иок.). Воды при этом не наливали. Над огнем мясо оттаивало, выделяло сок и слегка поджаривалось⁹. Часто такое мясо (*paštem* — *jenč* — иок.) готовили без соли¹⁰.

Вяленое мясо (*košk'ε* — *jenč⁹* — иок.) заготавливали впрок, на зиму. Для этого мясо нарезали полосами и подвешивали над огнем. Иногда вялили прямо на воздухе. Такое мясо считалось более вкусным. Особенно любили лопари вяленую оленью грудинку. Куски вяленого мяса, пересыпанные солью, хранили в особых корзинах.

Кроме вяленого, лопари издавна употребляли в пищу также и сырое замороженное мясо, которое для еды нарезали тонкими ломтиками. Это так называемая строганина, известная у многих северных оленеводческих народов¹¹. Об употреблении лопарями подобного, «выдержанного на морозе», мяса упоминал еще И. Шеффер¹². В связи с этим нельзя согласиться с утверждением некоторых авторов, что это блюдо заимствовано лопарями от коми-ижемцев¹³, появившихся на Кольском полуострове только в конце XIX в. Солили оленину лопари редко — только в том случае, если весной или осенью по какой-либо причине приходилось закалывать оленя.

В пищу лопари употребляли всего оленя, за исключением головы и легких, которыми обычно кормили собак¹⁴. Почки, посыпав немного солью и положив перед камельком на камень, запекали на огне¹⁵. Печенку употребляли в жареном виде (*pastem-vjives* — иок.)¹⁶. Особыми деликатесами считались мозги, сердце¹⁷, язык, желудок и грудинка¹⁸. Любили лопари и свежую оленью кровь, которую часто пили как лекарственное средство¹⁹.

Интересно привести следующие цифры, иллюстрирующие, сколь велика была разница в потреблении мяса между зажиточными и бедными лопарями. Если первые съедали за год до 100 пудов мяса на семейство, то последние иногда не более 4—5 пудов²⁰.

Оленье мясо составляло основную пищу также и скандинавских лопарей, главным образом горных, у которых оленеводство —

почти единственное занятие. В потреблении продуктов оленеводства у скандинавских лопарей много общего с кольскими, хотя имеются и различия. Последние выражаются главным образом в более полном и широком использовании скандинавскими лопарями продуктов своего оленеводческого хозяйства²¹. Основное различие состоит в употреблении в пищу скандинавскими лопарями оленьего молока, из которого они приготавливают также и сыр²². И то, и другое они получали уже издавна, о чем есть указания у различных авторов XVII в.²³ И. Шеффер пишет, что лопари приготавливают из оленьего молока масло. Для этого они «добиваются свертывания молока в большом котле, дающего стукот, напоминающий по виду сыр; размешивая содержимое котла палочкой, получают некоторое количество масла темного цвета, которое слегка солят и хранят затем в особом сосуде»²⁴. Однако приготовление масла, по-видимому, было довольно сложным делом и имело очень ограниченное распространение²⁵. Кроме того, в пищу у них идет также сыворотка (*mesen*) от сыра, которую варят до загустения, после чего добавляют в нее немного сливок от оленьего молока. Полученная масса высушивается в оленьих желудках и идет в пищу²⁶. Финские лопари также употребляют в пищу оленье молоко²⁷, которое хранят иногда в замороженном виде²⁸.

Следует отметить, что у кольских лопарей известны случаи доения важенок²⁹. Однако, как уже говорилось³⁰, оно у них никогда не было широко распространено³¹.

В пищу скандинавские лопари употребляли также всего оленя. Однако они, по-видимому, более широко, чем кольские, использовали оленью кровь, которую хранили в предварительно вымытых и высушенных оленьих желудках, подвешенных в котле на дымовую жердь³². Кроме того, из внутренностей оленя скандинавские лопари делали колбасы — *марффи*³³, а финские лопари употребляли в пищу также молодые оленьи рога³⁴. Интересно отметить и то, что в приготовлении пиши у скандинавских лопарей иногда, по-видимому, участвовали и мужчины. Это было зафиксировано еще в начале нашего столетия у лопарей-оленеводов Внутреннего Финмаркена, у которых основную, вечернюю, еду (суп из оленьего мяса — *сухту*) всегда готовили мужчины³⁵. Для кольских лопарей XX в. это не характерно, хотя и имеются упоминания об участии мужчины в приготовлении пиши³⁶.

Летом и осенью основу питания кольских лопарей составляла рыба, преимущественно озерная: сиг, щука, окунь, налим и др. Семга же скупалась, как правило, русскими и норвежскими купцами. Береговые лопари (иоканьские, лумбовские и др.), про-

давая выловленную семгу, закупали одновременно у лопарей внутренних районов для собственного потребления озерную рыбу.

Лопари готовили рыбу в вареном, жареном, вяленом, реже — в соленом виде, а также запекали ее в тесте. Из рыбы варили, как и из мяса, суп, съедая также сначала куски сваренной рыбы, а затем выпивая бульон. Жарение производилось следующим образом. Рыбу потрошили, мыли, нареза́ли на большие куски, солили и жарили, накальвая на особые палочки (kīl'niř-čas — иок., клд.), которые втыкались в землю около огня³⁷. Поджаренную таким образом рыбу ели с хлебом или без него.

Вяление рыбы происходило обычно на воздухе. Кольские лопари прикрепляли куски разделанной рыбы, предназначенной для вяления, к внешней стороне вежи или тупы. Скандинавские лопари потрошили и развешивали рыбу «на особых подставках под навесом, который должен был защищать ее от дождя»³⁸. Случалось, что рыбу сушили и над огнем³⁹.

Соление рыбы у лопарей было распространено, по-видимому, значительно меньше. Для этого ее разрезали, потрошили, мыли, насыпали внутрь соли и укладывали для хранения в кадушки. В конце XIX — начале XX в. готовили иногда еще и рыбу «с духом», для чего ее предварительно зарывали на некоторое время в землю. В настоящее время такую рыбу почти не употребляют.

Любимым блюдом лопарей была и остается сейчас рыба, запеченная в тесте. Для этого рыбу, предварительно выпотрошенную и вымытую, облепляют тестом и запекают в печи. Затем «корка с рыбы снималась, как крышка, и ее ели вместо хлеба, а рыбу брали руками, как из тарелки»⁴⁰. Однако происхождение этого блюда было, по всей вероятности, довольно поздним (его могли готовить только в русской печи, которых в прошлом у лопарей не было) и заимствованным от русского населения.

Количество потребляемой рыбы зависело не от достатка семьи, а от улова. Лопари внутренних районов полуострова (Ловозера, Пулозера и др.) заготавливали обычно около 30 пудов на семейство, а береговые — от 5 до 10 пудов⁴¹.

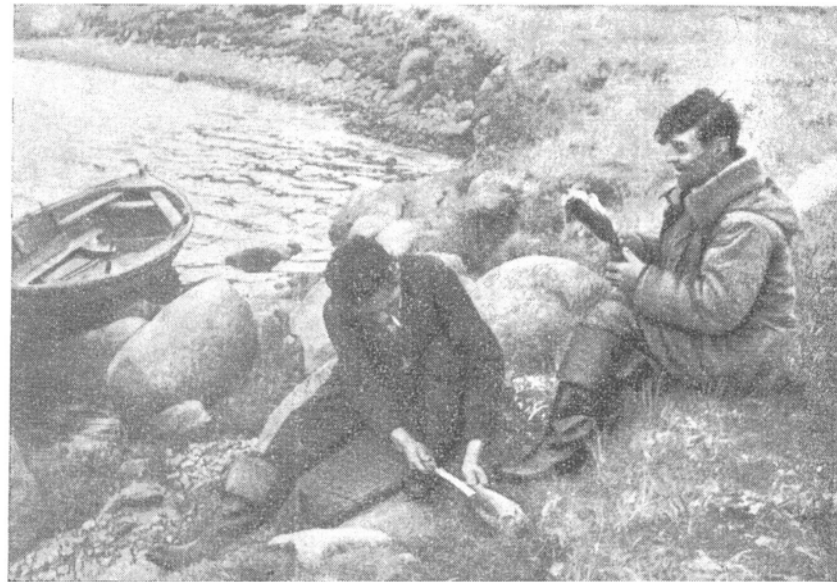
Кроме оленьего мяса и рыбы зимой в пищу употребляли также дичь, главным образом куропатку, из которой чаще готовили суп, а иногда ее жарили. Одно семейство за зиму съедало в среднем 3—4 пуда куропаток⁴².

Из растительных продуктов в состав пищи лопарей в конце XIX — начале XX в. входила ржаная мука. Ржаную муку лопари покупали у русских, и появилась она у них довольно давно. Основное изделие из нее — ржаные лепешки (riř'k'э — иок; местн. русск. *резки*), которые выпекают в пьрте перед камельком⁴³.

Зажиточные лопари покупали у русских ржаной и даже пшеничный хлеб. Потребление ржаной муки в начале XX в. определялось в среднем 50 пудами на семейство (в 6—7 человек)⁴⁴.

Довольно распространенным пищевым продуктом всех лопарей издавна была сосновая кора. Кору снимали с дерева с помощью особого костяного орудия (cūet'-kem — иок.). Затем другим, заостренным костяным орудием соскабливали ее внутренний белый слой и сушили над огнем⁴⁵. После этого ее толкли, смешивали с небольшой частью ржаной муки и употребляли в пищу. Эту так называемую сосновую кашу (piezuht — иок.) ели обычно с рыбным или мясным супом⁴⁶.

По данным И. Шеффера, определенным образом приготовленную сосновую кору лесные скандинавские лопари употребляли вместо соли. Для этого также, собрав внутренний белый слой коры, высушив и измельчив его, складывали полученную массу в большие берестяные коробки, которые закапывали в землю, засыпая сверху песком. Затем разводили на этом месте большой костер. Содержимое коробок «проваривалось в своем соку под землей и

Разделявание рыбы

превращалось в красную массу, издающую приятный запах», которую и использовали вместо соли⁴⁷. Кольские лопари вместо соли часто употребляли золу.

В 20-х годах нашего века кольские лопари стали употреблять в пищу, хотя и в небольших размерах, овощи, особенно картофель и лук. Грибы, в изобилии имеющиеся в Лапландии, лопари не любят и никогда их не собирают. Зато ягоды — воронику, бруснику, чернику и морошку — собирают охотно и едят в сушеном или моченом виде⁴⁸, а также употребляют в качестве приправ к пище (кладут в суп и др.). И. Шеффер, называя в числе ягод, собираемых скандинавскими лопарями, лесную малину и землянику⁴⁹, а особенно бруснику и морошку, описывает следующий способ приготовления морошки. Ягоду, по его словам, варили на медленном огне без воды, в собственном соку, с небольшим добавлением соли. Приготовленную таким образом, ее укладывали в берестовый сосуд и зарывали в землю, где она могла храниться до весны⁵⁰. И. Шеффер описывает еще одно «странное», по его выражению, блюдо, приготовленное из смеси рыбы с морошкой. Для этого сваренную рыбу очищали от костей и перемешивали с ягодами, растирая «деревянным пестиком так, что получалось нечто вроде похлебки, которую затем хлебали ложками»⁵¹.

Любимым напитком кольских лопарей является чай (čaj — клд.), который они пьют по нескольку раз в день. Раньше особенно любили пить чай с луком, опуская его в стакан тонкими ломтиками. Бедняки иногда вместо чая заваривали его суррогат, для которого употребляли куски болезненного нароста на стволах березы. Такой чай называли *мур-чай*, т. е. «деревяно-чай»⁵². Следует отметить, что скандинавские и финские лопари вместо чая обычно пьют кофе, который при этом немного подсаливают.

В настоящее время питание кольских лопарей существенно изменилось. Пища их стала более разнообразной. С развитием в лопарских колхозах молочного животноводства в рацион лопарских семей кроме оленьего мяса и рыбы вошло коровье молоко. Значительно также увеличилось содержание в пище витаминов, вследствие чего совершенно уничтожена цинга.

В магазинах лопари покупают сейчас хлеб, муку, различные крупы, сахар, масло, овощи и другие необходимые им продукты.

✱

Домашняя утварь кольских лопарей в конце XIX в. не отличалась особым разнообразием. Основными материалами, из которых она изготовлялась, были дерево, преимущественно береза,

в меньшей степени сосна, березовая кора, шкуры животных (оленьи или нерпичьи), дубленая кожа и рог.

Одним из наиболее важных предметов лопарской кухонной утвари в конце XIX — начале XX в. был чугунный (иногда медный) котел (kim'no — иок.), подвешиваемый над очагом, где приготавлилась основная пища (главным образом суп), а также кипятился чай. В начале XX в. многие лопари уже имели чайники.

подавляющее большинство предметов лопарской утвари конца XIX — начала XX в. делалось из дерева. Так, в лопарских коллекциях, хранящихся в этнографических музеях СССР, имеется большое число предметов, выдолбленных из целого куска березы различной формы. Это — тарелки (jidte — иок.; kār — клд.)⁵³, ложки (lišk' — иок., raštem — клд.)⁵⁴, чашки (nāhr — клд.)⁵⁵, сделанные из березового нароста, а также ковши с ручкой (kuns'e — иок.)⁵⁶, служащие для черпанья супа, воды, чая, и многое другое. Среди прочих предметов интересна выструганная из березы (иногда из ивы) палка (pirčas — иок., клд.), предназначенная для жарения на ней рыбы (kil' pirčas — иок.) или мяса (enč-pirčas — иок., клд.)⁵⁷. На один заостренный ее конец насаживают приготовленные для жарения сырые куски мяса или рыбы, а другим, более тупым концом втыкают палку в землю около очага. Немногие предметы утвари делались из сосны⁵⁸.

Принадлежности домашнего обихода лопари выделывали из бересты. Сюда относятся различные чашки, ковшики, корзины, скатерти, солонки⁵⁹.

Кроме этого, в каждом лопарском хозяйстве имелись всевозможные мешочки, сумочки, где хранились запасы муки, соли, сахара, табака, спичек и прочее, а также различные пищевые запасы для дороги. Эти сумки (viss — иок.)⁶⁰ и мешки (vos — иок.)⁶¹ шили из шкуры с оленьих лбов, тюленьей шкуры или замши. Они были овальной или круглой формы. Застежкой служил стягивающийся у горла ремешок из оленьей кожи или скобы, сделанные из оленьего рога.

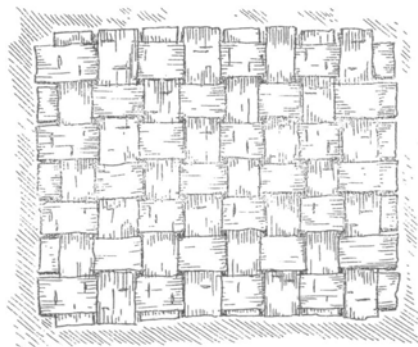
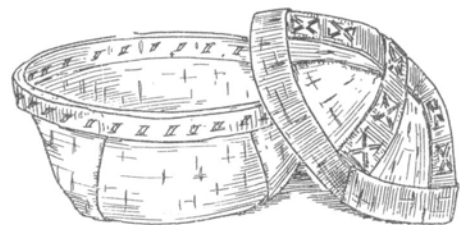
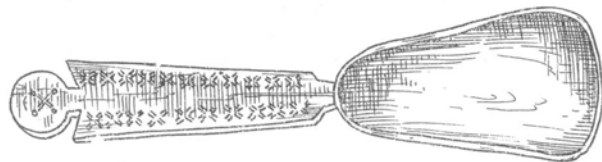
Спальные принадлежности состояли главным образом из оленьих шкур. Шкуры подкладывали под себя (в веже — на лежащие прямо на земле ветки, а в тупе — на нары или деревянные кровати) и ими же укрывались. Одеялами служили оленьи шкуры, сделанные наподобие мешков (roāvv^o — иок.)⁶². Зажиточные лопари употребляли иногда подушки и перины, набитые пухом куропатки⁶³.

Среди прочих предметов домашнего обихода особого внимания заслуживает своеобразная детская колыбель (*kitkım* — иок.; *k'etk'em* — клд.), которая имела в каждом лопарском доме. Колыбель представляла собой маленькое (средние размеры: длина 70 см, ширина 20—25 см), выдолбленное из целого куска дерева (обычно сосны) корытце, обтянутое снаружи и изнутри дубленой оленьей кожей. Над изголовьем устраивали козырек, состоявший из куска кожи, натянутого на два деревянных обруча. На дно колыбели клали слой ягеля, шкурку молодого оленя и маленькую подушечку, набитую пухом куропати. Ребенка укрывали шкуркой молодого оленя (шерстью вниз) и зашнуровывали ремешками. Колыбель украшали бисером, пуговицами, суконными кисточками и т. д. В качестве оберегов в нее клали серебряные денги и иголку, а также подвешивали иногда зуб лося, щуки и пр.⁶⁴

В пути колыбель с ребенком несла обычно женщина. Она надевала ее на шею, на специальный шнурок и держала так, что ребенок находился как бы в полувертикальном положении. Иногда люльку с ребенком подвешивали на рог оленю⁶⁵ или навьючивали на оленя⁶⁶.

У скандинавских лопарей кроме подобной же колыбели, выдолбленной из куска дерева, известна и другая, чаще употреблявшаяся во время передвижений. Она состояла из деревянной овальной рамы (высотой около 10 см), образующей стенки колыбели, и основания — решетки, которые составляли перекрещивающиеся между собой и прикрепленные к раме веревки. Ребенка укладывали в колыбель завернутого в оленью шкуру и зашнуровывали веревками. В пути такую колыбель навьючивали на оленя⁶⁷. Имеются также упоминания, что у скандинавских лопарей использовались и легкие кожаные колыбельки, которые можно было нести на себе⁶⁸.

Современная хозяйственная утварь кольских саамов существенно отличается от прежней. Большую роль в этом сыграли переход лопарей к оседлому образу жизни, а также повышение их материального уровня жизни. В быт лопарей теперь прочно вошла эмалированная и фарфоровая посуда (кастрюли, чайники, тарелки, чашки и пр.). Изменилась и сама обстановка лопарского дома. Почти у всех имеются кровати с бельем, шкафы, диваны и пр. Во многих домах, кроме того, можно встретить швейные машины, аккордеоны, радиоприемники и т. д. Все это свидетельствует о значительно возросшем по сравнению с прошлым благоустройстве лопарского быта и растущем уровне их материального благосостояния.

Домашняя утварь из дерева и бересты. а — ковш, выдолбленный из целого куска березы; б — ложка; в — корбочка из бересты; г — скатерть из бересты

Рассмотренные нами материалы по пище и утвари кольских саамов позволяют сказать, что как в составе и способах приема пищи, так и в характере утвари у лопарей имеется много общего с соседними им народами, главным образом с северными русскими, карелами, коми и ненцами. Это проявляется в способах приготовления рыбы, оленьего мяса, изделий из теста.

Кроме того, анализ приводимых сведений показывает, что характер пищи и утвари саамов сближает их с народами таежной культуры. В пользу этого говорит наличие в прошлом развитого ритуала медвежьего праздника, характерного также для многих народов таежной зоны Сибири, употребление в пищу лесной малины и земляники, сосновой коры, «березового» суррогата чая. Основным материалом утвари кольских саамов в конце XIX — начале XX в. была береза. Среди вещей домашнего обихода преобладают предметы, выдолбленные из целого куска березы или сделанные из березового корня, коры и нароста на коре. Это обилие предметов утвари, сделанных из березы, также, несомненно, характеризует саамов как народ лесной полосы.

- 1 Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 280, лл. 19, 20.
- 2 *I. Scheffer*. Lappland. Frankfurt a. M. — Leipzig, 1675, S. 246.
- 3 Архив АН СССР, ЛО, ф. 282, оп. 1, № 64.
- 4 Там же, ф. 135, оп. 2, № 280, л. 20.
- 5 Архив АН СССР, ЛО, ф. 282, оп. 1, № 64.
- 6 Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964, № 64.
- 7 *С. Герберштейн*. Записки о Московских делах. СПб., 1908, стр. 190.
- 8 Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964, № 64; Архив ЛО ИЭ АН СССР, к. I, оп. 1, № 3, стр. 266.
- 9 *Ф. Г. Иванов-Дятлов*. Наблюдения врача на Кольском полуострове. Л., 1928, стр. 49.
- 10 Архив ЛО ИЭ АН СССР, к. I, оп. 1, № 3, стр. 266; *В. Лебедев*. К северным народам. М., 1933, стр. 74.
- 11 Употребление в пищу *строганины* нельзя приравнивать к употреблению сырого мяса только что убитого оленя. Стrogанина вследствие длительного заморажива-
- ния приобретает иные свойства (в том числе и вкусовые), отличающие ее от сырого мяса.
- 12 *I. Scheffer*. Указ. соч., стр. 244.
- 13 *Ф. Г. Иванов-Дятлов*. Указ. соч., стр. 48.
- 14 Там же, стр. 49; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964, № 64.
- 15 *Ф. Г. Иванов-Дятлов*. Указ. соч., стр. 49.
- 16 Архив ЛО ИЭ АН СССР, к. I, оп. 1, № 3, стр. 266.
- 17 *В. Лебедев*. Указ. соч., стр. 76.
- 18 *В. Лебедев*. Указ. соч., стр. 76; Архив ИЭ АН СССР, 1964, № 64.
- 19 *В. Лебедев*. Указ. соч., стр. 58.
- 20 Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 133, л. 10 об.
- 21 *Ø. Vorren, E. Manker*. Lapp life and customs. London, 1962, p. 31.
- 22 Там же, стр. 29.
- 23 Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 278, л. 7; № 280, л. 17; *I. Scheffer*. Указ. соч., стр. 243, 244.
- 24 *I. Scheffer*. Указ. соч., стр. 252.
- 25 Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 280, л. 17.
- 26 Там же, № 276, л. 5.

- 27 *Е. Э. Сно*. В стране скал и озер. Финны. СПб., 1904, стр. 40—43.
- 28 *М. А. Кастрен*. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири. М., 1890, стр. 79.
- 29 *Важенка* — оленья самка.
- 30 См. стр. 29.
- 31 *Н. Озерецковский*. Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804, стр. 76; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.
- 32 Фонды ГМЭ, колл. 1434, № 3.
- 33 *С. И. Сергеев*. Год кочевки с лопарями. Л., 1927, стр. 91, 92.
- 34 *Е. Э. Сно*. Указ. соч., стр. 40—43.
- 35 *С. И. Сергеев*. Указ. соч., стр. 93.
- 36 Архив ЛО ИЭ АН СССР, к. I, оп. 1, № 3, стр. 269.
- 37 *С. Дурьмин*. За полуночным солнцем. М., 1913, стр. 97; Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1965, № 64.
- 38 *I. Scheffer*. Указ. соч., стр. 249.
- 39 Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964, № 64.
- 40 Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 67, тетр. 2, л. 28.
- 41 Там же, оп. 2, № 133, л. 10 об.
- 42 Там же, л. 11.
- 43 Фонды ГМЭ, колл. 445, № 30.
- 44 Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 133, л. 10 об.
- 45 Архив ЛО ИЭ АН СССР, к. I, оп. 1, № 3, стр. 267.
- 46 «Краткое описание образа жизни самоедов и лопарей... Анонимный труд». СПб., 1788, стр. 29; *Н. Н. Харузин*. Русские лопари. М., 1890, стр. 90.
- 47 *I. Scheffer*. Указ. соч., стр. 247, 248.
- 48 Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 133, л. 10 об.
- 49 *I. Scheffer*. Указ. соч., стр. 251.
- 50 Там же, стр. 250.
- 51 Там же.
- 52 Фонды ГМЭ, колл. 4848, № 31.
- 53 Фонды ГМЭ, колл. 3770, № 1; колл. 3176, № 1; колл. 444, № 10.
- 54 Там же, колл. 3176 № 3, 8; колл. 444, № 14; колл. 4848, № 35.
- 55 Там же, колл. 3176, № 2.
- 56 Там же, колл. 445, № 9.
- 57 Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964, № 64.
- 58 Фонды ГМЭ, колл. 3176, № 4.
- 59 *Н. Дергачев*. Статистический очерк Лапландии. СПб., 1869, стр. 63; *В. Львов*. Русская Лапландия и русские лопари. М., 1903, стр. 43; фонды МАЭ, колл. 343, № 22; фонды ГМЭ, колл. 445, № 8.
- 60 Фонды ГМЭ, колл. 4848, № 37.
- 61 Там же, колл. 4037, № 13.
- 62 Фонды МАЭ, колл. 343, № 49; *Ф. Г. Иванов-Дятлов*. Указ. соч., стр. 65; *В. Лебедев*. Указ. соч., стр. 108.
- 63 *Ф. Г. Иванов-Дятлов*. Указ. соч., стр. 65.
- 64 Фонды ГМЭ, колл. 5845, № 37; колл. 4037, № 53; колл. 444, № 48; Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 67, тетр. 3, л. 43; *Н. Н. Харузин*. Указ. соч., стр. 308.
- 65 Архив АН СССР, ЛО, ф. 135, оп. 2, № 67, тетр. 1, л. 7; *В. Х.* (Харузина). На Севере. М., 1890, стр. 181.
- 66 Архив ИЭ АН СССР, ф. 3, 1964—1965, № 64.
- 67 *Ø. Vorren, E. Manker*. Указ. соч., стр. 37, 38; *P. J. Pelto*. Individualism in Scolt Lapp Society. Helsinki, 1962, p. 91
- 68 *М. И. Сергеев*. Указ. соч., стр. 38.

Исследование материальной культуры кольских лопарей позволяет сделать определенные историко-этнографические выводы. Как показывают наши материалы, в культуре этого народа содержится целый ряд различных по своему характеру и, по-видимому, происхождению черт. Сочетание их создает то неповторимое своеобразие, которое отличает лопарей не только от их европейских соседей, но и от народов Зауралья (самодийцев, обских угров), сходных с лопарями по условиям жизни, занятиям и связанных, возможно, с ними общностью происхождения.

Древнейший и, по-видимому, весьма солидный пласт в культуре лопарей составляет круг явлений и черт, относящихся к пешей доленеводческой культуре охотников на дикого оленя и рыбаков Севера Евразии. Следы этой культуры явственно прослеживаются у саамов еще в конце XIX — начале XX в. Они сказываются в практикуемой еще в то время пешей охоте (как зимней на лыжах, так и летней на дикого оленя с помощью собаки), в использовании кережи в качестве ручной охотничьей нарты, в конструктивных особенностях необычайно легкой, переносной лодки. Они проявляются также и в своеобразной саамской обуви с загнутыми носами, специально приспособленной для ходьбы на лыжах.

Этот комплекс культурных особенностей дополнялся в прошлом, по-видимому, наличием двух видов жилищ: постоянного — типа полуземлянки и переносного — типа чума, которым в современной культуре соответствуют вежа со срубом и кувакса. Одним из элементов этой культуры у саамов, по всей вероятности, являлась и распашная одежда с нагрудником, которая к концу XIX в. уже вышла из употребления. Составной частью этого костюма следует рассматривать, по-видимому, и саамские кань-

ги — короткую меховую обувь, которую носили с отдельно надевавшимися ноговицами и короткими штанами.

Не менее древний, но более локальный культурный комплекс составляют черты береговой, по-видимому, полуоседлой, культуры морских зверобоев и охотников на сухопутного зверя. Эти особенности свойственны тем группам саамов, которые живут в прибрежных районах Северного Ледовитого океана. Морской зверобойный промысел прослеживается на указанной территории (в частности, по побережью Баренцева моря) уже с неолита (III—II тысячелетия до н. э.). По мнению археологов, неолитические зверобои этих мест являются предками современных саамов. Однако этнографические материалы, хотя и подтверждают давность промысла морского зверя у саамов, свидетельствуют в то же время, что он играл у них довольно ограниченную роль, уступая по значению рыболовству, сухопутной охоте и позднее оленеводству. В конце XIX — начале XX в. береговые саамы — *рынт-саме* (*рынт-олмы* — «береговой человек») летом жили по побережьям Баренцева и Белого морей, где имели летние постоянные поселения — погосты, а на зиму откочевывали в глубь полуострова (на 100 км и более), к своим зимним поселениям. Перекочевки они совершали, таким образом, в меридиональном направлении. Основными их занятиями помимо промысла морского зверя было прибрежное рыболовство и оленеводство, которое составляло довольно существенную статью их дохода. В настоящее время эти саамы постоянно живут в прибрежных районах. С переходом на оседлость постоянными и единственными местами их поселений стали летние погосты, расположенные на морском побережье.

Следует отметить, что в течение исследуемого периода морской зверобойный промысел наиболее распространен в юго-восточных районах Кольского полуострова, где еще несколько десятилетий назад жили сосновские и понойские саамы. Именно эти группы саамов ведут свое происхождение из рода «тюленя».

Одним из признаков береговой культуры, распространенным в конце XIX в. у всех групп кольских саамов, является, на наш взгляд, глухая, длинная меховая одежда — печок — в сочетании с высокой меховой обувью — ярами, соединенной с кожаными штанами — огузеньем. Такой костюм, рассчитанный на максимальное сохранение человеком тепла своего тела в суровых условиях Севера, вполне соответствовал полуоседлому образу жизни морских охотников, которые довольно долгое время вынуждены были проводить на одном месте.

Третья группа явлений, свойственная материальной культуре кольских саамов исследуемого периода, связана с оленеводством.

Основные черты саамского оленеводства конца XIX — начала XX в. (малые размеры стад, вольный летний выпас с применением дымокуров и оленьих сараев и др.) могут быть расценены как особенности лесного хозяйства, формирование которых началось, по-видимому, в более южных таежных районах расселения саамов.

Продвинувшись постепенно на север, в тундровые районы Кольского полуострова, саамское оленеводство продолжало сохранять свои специфические «лесные» черты. Очень возможно, что именно на этом этапе в новых хозяйственных условиях, когда олени стада стали крупнее, а амплитуды перекочевок увеличились, когда одному пастуху стало трудно справляться со стадом, саамы начали использовать в выпасе собаку, в которой у них не было нужды, пока они жили в лесах.

С тех пор саамское оленеводство прошло большой путь развития. В исследуемый период значительное влияние на него оказало, как уже говорилось, оленеводческое хозяйство коми-ижемцев и ненцев. В настоящее время — это крупнотабунное тундровое оленеводство продуктивного направления. Оно стало основной отраслью хозяйства колхозов Мурманской области, расположенных на месте старинных саамских погостов, и ведется совместными силами саамов, коми и ненцев.

В хозяйственно-культурном типе кольских саамов, который в целом определяется сочетанием оленеводства, рыболовства и охоты (с перевесом в сторону той или другой отрасли у разных групп), наблюдаются определенные локальные различия, которые в более ранние времена (XVII—XVIII вв.) проявлялись, по-видимому, еще более четко. Так, мы уже говорили о выделении группы береговых саамов, населяющих прибрежные районы Баренцева и Белого морей.

Второй локальной группой исследуемого нами периода являются так называемые тундровые саамы — *чар-саме* (*чар-олмы* — тундровый человек), населяющие более южные, тундровые и лесотундровые районы полуострова. В настоящее время они составляют большинство всех кольских саамов. Основные их занятия — оленеводство, озерное рыболовство и отчасти охота. Их образ жизни в конце XIX — начале XX в. отличался несколько большей подвижностью (они не имели летних постоянных поселений). Перекочевки их совершались в широтном направлении.

Данные материальной культуры позволяют выделить, кроме того, среди тундровых саамов два ареала — западный и восточный, граница между которыми проходит через Ловозеро. Это примерно соответствует делению саамов на кончанскую и терскую

лопь, которое мы находим в актах¹. Культура саамов восточного ареала, называемых «терскими» (главным образом, каменских, иоканьгских и лумбовских), отличается целым рядом своеобразных черт, которые можно отнести к элементам лесной культуры. Таежный характер саамского оленеводства проступает у этой группы наиболее явно. Так, именно этим саамам свойственно использование изгороди во время летнего вольного выпаса, что, по-видимому, является характерной чертой лесного оленеводства. Кроме того, степень прирученности оленя, как уже отмечалось, здесь выше, чем в других районах. Особенно отчетливо «лесные черты» проявляются у них, как мы могли убедиться, в конструктивных особенностях жилищ.

Выявление восточного ареала с чертами лесной культуры дает основание предположить, что в лице терских саамов, населяющих этот ареал, мы находим потомков той «лешей лопи», которая фигурирует в документах XVI—XVII вв. и остатки которой еще в середине XVIII в. обитали на территории Северной Карелии. Рассказы местных жителей подтверждают это предположение.

По представлениям терских саамов, они не являются аборигенами мест их современного расселения, а пришли сюда откуда-то с юго-запада, со стороны Варзуги. Вполне возможно, что их путь из Карелии проходил по Терскому берегу через Варзугу на Поной. Интересно, что еще в начале XX в. каменские саамы, жившие в среднем течении р. Поной и официально принадлежавшие к Понойской волости, в экономическом отношении гораздо больше были связаны с Варзугой.

Следует отметить также и тот факт, что терские саамы, называющие себя общим именем *тарья* или *тарья-саме*², всех остальных саамов называют *нырт-саме*, что означает «северные саамы». Это также свидетельствует, по-видимому, о том, что в прошлом терские саамы жили южнее остальных. Выделение ареала лесной культуры у кольских саамов совпадает с распространением иоканьгского саамского диалекта. Кроме этого, как свидетельствуют неопубликованные материалы М. В. Витова, антропологический тип саамов восточных районов полуострова (иоканьгских и др.) обнаруживает в себе значительную карельскую примесь (более высокий рост, более светлая пигментация, относительно высокое лицо и т. д.).

Окончательное решение вопроса о происхождении терских саамов и их культуры возможно только при специальном изучении письменных источников, а также фольклорных, лингвистических, антропологических и археологических данных.

За годы Советской власти кольские саамы достигли больших успехов в социалистическом строительстве, в результате которого неизменно изменились их условия жизни и материальная культура. Успеху социалистических преобразований способствовали разные факторы. К их числу относятся многовековые контакты с русскими, непосредственная близость мест расселения саамов к крупным промышленным и культурным центрам (городам Мурманску, Кировску, Кандалакше), а также сравнительно благоприятные климатические условия.

Как и другие народы нашего Севера, саамы перешли на оседлость, что выразилось в уничтожении бытового кочевания и замене его производственным. При этом оленеводы продолжают вести подвижный образ жизни, передвигаясь вслед за стадами оленей, а их семьи живут оседло в благоустроенных поселках, в теплых рубленых домах.

Существенно изменились организация и техническое оснащение двух основных занятий саамов — оленеводства и рыболовства. Вопросами современного развития оленеводства на Кольском полуострове занимается Мурманская опытная оленеводческая станция, которая проводит работу по улучшению породы оленя и применению новых способов выпаса, разрабатывает эффективные средства для борьбы с гнусом. В рыболовстве также применяется современная техника. Так, например, в семужьем промысле введен новый метод — концентрированный лов рыбоучетными заграждениями.

В колхозах, где живут саамы, развиваются также и новые отрасли хозяйства — молочное животноводство и клеточное звероводство. В двух колхозах области («Туллома» и «Ена», где объединились саамы юго-западных и северо-западных районов полуострова) молочное животноводство стало основной отраслью колхозного производства.

В советский период большие изменения произошли и во всех других областях материальной культуры саамов. Они выразились в распространении в районах расселения саамов современных видов транспорта (моторных лодок, автомобилей, вертолетов, самолетов), в благоустройстве поселений, в широком строительстве жилых домов как коммунальных, так и частных, с предоставлением в последнем случае коренному населению больших льгот и т. д. В быт кольских саамов все больше проникают элементы городской культуры, что сказывается на интерьере жилищ, одежде, пище и т. д.

Одним из важных факторов, определяющих развитие саамской материальной культуры в исследуемый период, являются контакты саамов с окружающими их народами. Именно это обстоятельство способствовало, например, тому, что саамы к середине нашего века утратили отдельные черты своей традиционной культуры (кережу, печок, яры) и заменили их другими, более рациональными формами (самодийской нартой, малицей, пимами). Некоторые же особенности культуры саамов, касающиеся, в частности, организации оленеводства, получили в наши дни дальнейшее развитие и восприняты другими народами, населяющими Кольский полуостров.

Общение и связи саамов с русскими и другими соседними народами продолжают расти и крепнуть. Сближение культур этих народов стало одной из основных тенденций развития. Саамы Кольского полуострова наравне с другими народами Советского Союза участвуют в строительстве коммунистического общества.

¹ «Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв.» Л., 1930, стр. 55 и сл.

² Слово *тарья* предположительно переводится как «жердь», «дерево».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВЯ — Вопросы языкознания
 ВГО — Всесоюзное географическое общество
 ГМЭ — Государственный музей этнографии
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ИРГО — Известия Российского географического общества
 ИЭ — Институт этнографии
 КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
 ЛОИЭ — Ленинградское отделение Института этнографии
 МАЭ — Музей антропологии и этнографии
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 РГО — Русское географическое общество
 СА — Советская археология
 СЭ — Советская этнография
 ТИЭ — Труды Института этнографии
 ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив

Бухаров Д. Н. 13, 15, 94

Василевич Г. М. 80
 Верецагин В. В. 13, 90, 96, 118, 143
 Впзель О. О. 15
 Витов М. В. 117, 161
 Волков Н. Н. 14, 15, 31, 45
 Воррен О. 103

Георги И. С. 13, 71, 88, 89, 106, 120, 123, 141
 Герберштейн С. 13, 59, 70—72, 84, 88, 147
 Горецкий Г. И. 6
 Гурина Н. Н. 6, 7, 50, 58, 109, 139

Долгих Б. О. 16
 Дурьлин С. 13, 26

Егоров С. Ф. 6
 Еремалым А. 63
 Ефименко А. Я. 10
 Земляков Б. Ф. 6
 Золотарев Д. А. 13, 86, 94, 117

Иван Грозный 8
 Иванов-Дятлов Ф. Г. 117
 Итконен Е. 5
 Итконен Т. И. 5

Кастрен М. А. 13, 45, 46, 109
 Кепнен П. И. 15
 Киселев А. А. 55

Ламартиньер П. М. 13, 120, 122, 123, 141
 Левин М. Г. 80

Магнус О. 62
 Максимов С. В. 13
 Манкер Е. 103

Матрехина Т. 16

Немирович-Данченко В. И. 13

Озерецковский Н. 7, 13, 26, 71, 88, 96, 120, 123, 125
 Островский Д. Н. 15
 Оттар 7

Пельто П. И. 25
 Плотников В. А. 15

Рихтер Г. Д. 6

Саксон Грамматик 5
 Сахаров В. В. 15
 Сергель С. И. 15, 75, 82, 119
 Сирелиус 41
 Слемме С. 62
 Соловьев Д. К. 15
 Стурласон С. 62

Тароева Р. Ф. 80, 142
 Торнеус 45, 46
 Третьяков П. Н. 6
 Трифон Печенский 8

Харлины 50, 54
 Харузин Н. Н. 13, 26, 129, 143
 Харузина В. 13

Циглер И. 62

Чарнолуский В. В. 8, 14—16, 25, 26, 31, 77, 92—94, 101, 110, 126
 Чернецов В. Н. 16

Шеффер Н. 29, 36, 37, 39, 46, 49, 61, 62, 68, 70—73, 79, 89, 124, 125, 142, 148, 149, 151, 152
 Шмидт А. В. 6

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение	5
Г л а в а I	Традиционные направления хозяйства	19
Г л а в а II	Способы и средства передвижения	59
Г л а в а III	Поселения и постройки	84
Г л а в а IV	Одежда	120
Г л а в а V	Пища и утварь	147
	Заключение	158
	Список сокращений	164
	Указатель имен	165